Дэйв Эггерс

Монах из Мохи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Невероятная история молодого йеменца, выросшего в Сан-Франциско и мечтающего воскресить древнее искусство выращивания йеменского кофе. Мохтару 24 года, он работает швейцаром в отеле, и особых перспектив у него в жизни нет. Но однажды он прочитал об истории кофе и о том, что родина его предков Йемен занимает в этой истории одно из центральных мест. С этого дня у Мохтара появляется мечта, которую он и принимается осуществлять. Он отправляется в Йемен, чтобы познакомиться со страной, ее традициями и с йеменским кофе. Он забирается в горы, среди которых затерялись крохотные кофейные фермы. Но внезапно страну охватывает война, на Йемен падают саудовские бомбы, и мечта Мохтара о кофейном бизнесе превращается в желание выжить и помочь выжить всем, с кем он познакомился. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

- Дэйв Эггерс
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ Примечание к этой книге
  - ○ Книга I
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
  - ○ Книга II
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16

        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
    - Книга III
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
    - Книга IV
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36
        - Глава 37
        - Глава 38
    - Книга V
        - Глава 39
        - Глава 40
        - Глава 41
        - Глава 42
        - Эпилог
        - Благодарности
        - The Mokha Foundation
        - 826 Valencia, Тендерлойн
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19

Дэйв Эггерс
Монах из Мохи

THE MONK OF MOKHA by DAVE EGGERS
Copyright © 2018 by Dave Eggers

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии The Wylie Agency
Перевод с английского Анастасии Грызуновой
Редактор Ирина Залогина
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

© Анастасия Грызунова, перевод, 2021
© Андрей Бондаренко, макет, дизайн обложки, 2021
© «Фантом Пресс», издание, 2022

* * *

А отчего? Оттого что открылся миру и тот давит на него. Конкретно? Вот конкретно: что представляет собой мужчина? В городе. В этом веке. В переходный период. В общей массе. Преображенный наукой. Подвластный учреждениям. Всецело подконтрольный. Среди торжествующей механизации. После недавнего краха радикальных надежд. В обществе, которое перестало быть сообществом и обесценило личность. Ибо возобладала множественная сила большинства, не принимающая в расчет единичное. Тратящая миллиарды на борьбу с внешним

врагом, оставляя без денег домашние порядки. Допустившая дикость и варварство в крупнейших своих городах. При этом добавьте давление человечьих миллионов, познавших силу согласованного образа действий и мыслей. Как мегатонны воды формуют организмы на дне морском. Как приливы шлифуют гальку. Как ветры выдувают утесы. Прекрасная сверхструктура, открывающая новые горизонты перед неисчислимым человечеством.

Сол Беллоу, «Герцог»[1]

Пролог

Мы с Мохтаром Альханшали уговариваемся о встрече в Окленде. Мохтар только что вернулся из Йемена – еле ноги унес оттуда. Ему, гражданину США, американское правительство предоставило бежать от саудовских бомб и мятежных хуситов самостоятельно. А из страны не уедешь. Аэропорты в руинах, дороги перекрыты. Эвакуацию не провели, помощи не оказали. Государственный департамент бросил на произвол судьбы тысячи американских йеменцев, которым пришлось выкручиваться самим, спасаясь от блицкрига – десятков тысяч бомб американского производства, которыми забрасывали Йемен военно-воздушные силы Саудовской Аравии.

Я жду Мохтара (ударение на первый слог, Мóхтар) перед кофейней «Голубая бутылка» возле Джек-Лондон-сквер. Тем временем где-то далеко, в Бостоне, судят двух молодых людей, братьев, которых обвиняют в организации серии взрывов на Бостонском марафоне – девять человек погибли, сотни ранены. В вышине над Оклендом завис полицейский вертолет – наблюдает забастовку докеров в Оклендском порту. На дворе 2015 год: четырнадцать лет прошло с 9/11, семь – с прихода в Белый дом администрации Барака Обамы. Страна отошла от времен Буша и обострения паранойи; активные преследования американских мусульман отчасти поутихли, но любое преступление, совершенное американским мусульманином, по нескольку месяцев кряду раздувает пламя исламофобии.

Приезжает Мохтар – он старше, собраннее, чем в последнюю нашу встречу. Из машины выходит человек в хаки и лиловой безрукавке. Волосы коротки и напомажены, эспаньолка аккуратно подстрижена. Шаг ровен необычайно – торс почти неподвижен, ноги несут Мохтара через дорогу к нашему столику на тротуаре. Мы обмениваемся рукопожатием – на правой руке у него крупное серебряное кольцо, испещренное паутиной значков и с крупным рубиново-красным камнем.

Он заскакивает в «Голубую бутылку» – поздороваться с друзьями, которые там работают, и принести мне чашку эфиопского кофе. Требует подождать, пока остынет, а уж потом пить. Кофе нельзя пить слишком горячим, говорит он, – не чувствуешь оттенков, вкусовые сосочки от жара немеют. Когда мы наконец устраиваемся за столом, а кофе остывает, Мохтар приступает к своей истории – как его поймали и освободили в

Йемене, как он рос в Тендерлойне (это чуть ли не самый неблагополучный район Сан-Франциско) и как, работая консьержем в шикарном небоскребе в центре города, он нашел свое призвание – кофе.

Мохтар тараторит. Он очень остроумный и бесконечно искренний, истории свои иллюстрирует фотографиями в смартфоне. Порой ставит музыку, которую слушал по ходу сюжета. Порой вздыхает. Порой недоумевает, как это он такой уродился, отчего ему так повезло – ребенок из Тендерлойна, бедная семья, а теперь он кофейный импортер, и довольно успешный. Порой смеется, изумляясь, что еще жив, – он ведь угодил под саудовскую бомбардировку Саны, а когда страну охватила гражданская война, побывал в заложниках у двух разных йеменских группировок. Но в основном ему охота поговорить про кофе. Показать мне фотографии – кофейные деревья, кофейные фермеры. Поделиться историей кофе – многослойной сагой о приключениях и подвигах, что наделила кофе его нынешним статусом, превратила в главное топливо мировой продуктивности и товар потребления на семьдесят миллиардов долларов. Застопоривается Мохтар лишь однажды – рассказывая, как переживали его друзья и родные, когда он застрял в Йемене. Его большие глаза наливаются слезами, и он умолкает, листает фотографии в смартфоне, берет себя в руки и продолжает.

Сейчас, когда я дописываю эту книгу, с той встречи в Окленде миновало три года. До начала этого проекта я пил кофе эпизодически, а к разнообразию сортов относился с великим подозрением. Я считал, что кофейное гурманство – слишком дорогое удовольствие, а всерьез вникать, как кофе сварен, где выращен, и стоять в очереди за кофе, который сварен так или сяк, может только претенциозный болван.

Но я объездил плантации кофейных фермеров по всему миру, от Коста-Рики до Эфиопии, и у меня открылись глаза. Мне открыл глаза Мохтар. Мы навещали его родных в Центральной долине Калифорнии и собирали кофейные ягоды в Санта-Барбаре, на единственной кофейной плантации, расположенной в Северной Америке. В Харэре мы жевали кат и бродили в холмах над городом среди старейших кофейных деревьев на земле. Повторяя путь Мохтара в Джибути, мы навестили пыльный и безысходный лагерь беженцев неподалеку от прибрежного городка Обок, и я смотрел, как Мохтар выбивает паспорт для молодого йеменского

студента-стоматолога, который бежал от гражданской войны и лишился всего – даже удостоверения личности. В глухих горах Йемена мы пили сладкий чай с ботаниками и шейхами и слушали жалобы людей, которым ни на что не сдалась эта гражданская война – они просто хотели мира.

После всего этого американские избиратели проголосовали за – ну или коллегия выборщиков допустила к власти – президента, который посулил закрыть границы для всех мусульман, «пока мы не поймем, что творится», как он выразился. После инаугурации он дважды пытался запретить въезд в Соединенные Штаты гражданам семи преимущественно мусульманских стран. В списке был и Йемен – на планете, пожалуй, не найдется более непонятой страны.

– Надеюсь, у них там в лагерях есть вайфай, – сказал мне Мохтар после выборов.

Эта мрачная шутка была тогда в ходу у американских мусульман: речь шла о том, что Трамп при первой же возможности – допустим, если какой-нибудь мусульманин устроит в Штатах теракт, – предложит ввести регистрацию или даже интернирование мусульман Америки. Мохтар, когда так пошутил, был одет в футболку с надписью «ЗАНИМАЙСЯ КОФЕ, А НЕ ВОЙНОЙ».

Юмором пронизаны все его поступки и слова – надеюсь, на этих страницах мне удалось передать его чувство юмора и то, как оно преломляет его взгляд на мир даже в самые страшные минуты. Посреди йеменской гражданской войны Мохтара задержали и отправили за решетку ополченцы Адена. Мохтар вырос в Соединенных Штатах, насквозь пропитан американской поп-культурой и отметил, что один поимщик – вылитый Парень-каратист; пересказывая мне этот эпизод, никак иначе Мохтар его не называл. Приводя это прозвище, я не хочу умалять опасность, которая грозила Мохтару, но считаю, что это важно – показать события глазами на редкость невозмутимого человека, почти любую угрозу почитающего за временную преграду на пути к более важным вещам – обнаружению, обжарке и импорту йеменского кофе и успеху фермеров, за которых он борется. И я думаю, что поимщик Мохтара и в самом деле смахивал на Ральфа Маччио восьмидесятых годов[2].

Мохтар прикоснулся к большой истории – ею он восторгается, над своей ролью в ней посмеивается. Однако повесть его старомодна. В основном это повесть об Американской Мечте, что сейчас жива как никогда и как никогда уязвима. Еще это повесть о кофе и о том, как Мохтар развивал кофейное производство в Йемене, где культивировать кофе начали пятьсот

лет назад. И еще это повесть о районе Тендерлойн в Сан-Франциско, о долине отчаяния посреди целого города заоблачного благополучия, о семьях, что селятся там и стараются жить в безопасности и с достоинством. О странном засилье йеменцев в калифорнийской торговле алкоголем и о негаданной истории йеменцев в Центральной долине. И о том, как их работа в Калифорнии отражает долгую крестьянскую историю Йемена. И о том, как прямая торговля меняет жизнь фермеров, дает им свободу выбора и место под солнцем. И о том, как предпринимательский пыл и упорный труд американцев, подобных Мохтару Альханшали, – граждан США, которые поддерживают крепкие связи с землями предков, – помогают наводить бесценные мосты между развитым и развивающимся миром, между странами, которые производят, и странами, которые потребляют. И о том, как эти блистательные и отважные строители мостов олицетворяют самый смысл жизни Америки – страны радикальных возможностей и бесконечного гостеприимства. И о том, как мы, забывая, что такова и есть наша дивная суть, тем самым забываем самих себя – перемешанный народ, объединенный не бездействием, трусостью и страхом, но иррациональным горением, глобальной предприимчивостью в масштабе каждого человека, неотъемлемым правом идти вперед, всегда вперед, по зову своей отваги, неисчерпаемой и непреклонной.

Примечание к этой книге

Книга эта документальная, и в ней отражены события, увиденные и пережитые Мохтаром Альханшали. Работая над ней, я интервьюировал Мохтара сотни часов на протяжении трех лет. Его воспоминания я по возможности подкреплял рассказами других очевидцев или историческими документами. Все диалоги переданы так, как их запомнили Мохтар и другие участники. Некоторые имена изменены. Все диалоги в Йемене по умолчанию ведутся на арабском. При поддержке Мохтара я очень постарался передать их тон и настроение как можно точнее.

Книга I

Глава 1
Портфель

Мириам с Мохтаром делилась. Как правило, книжками. Давала ему почитать «Капитал». Давала Ноама Хомского. Подкармливала его разум. Подпитывала устремления. Встречались они где-то год, но шансы были невелики. Он мусульманин, американский йеменец, а она наполовину палестинка, на другую гречанка, да еще христианка вдобавок. Но она была красивая и яростная, а за Мохтара сражалась отчаяннее, чем он сам за себя сражался. Когда он сказал, что хочет все-таки закончить бакалавриат и пойти на юридический, Мириам купила ему сумку. Адвокатский такой портфель, произведен в Гранаде, тщательно выделанная мягчайшая кожа, латунные заклепки и пряжки, внутри отделения, элегантно. Может быть, думала Мириам, портфель подвигнет Мохтара к мечте.

Все складывается, думал Мохтар. Он наконец-то накопил денег на Городской колледж Сан-Франциско и осенью пойдет учиться. Два года в Городском, потом еще два в Университете штата, потом еще три на юридическом. Когда закончит, ему стукнет тридцать. Не идеально, но план приемлемый. Впервые за всю учебную жизнь у Мохтара появились хоть какие-то ясность и импульс.

Для колледжа нужен был ноутбук, и Мохтар попросил денег в долг у брата Валлида. Валлид был почти на год младше – они называли себя ирландскими близнецами, – но у Валлида все было схвачено. Несколько лет он проработал консьержем в небоскребе «Инфинити», потом поступил в Университет Калифорнии в Дейвисе. И накопил достаточно – хватит на ноутбук Мохтару. Валлид оплатил новый «макбук эйр» своей кредиткой, а Мохтар пообещал вернуть одиннадцать сотен долларов по частям. Ноутбук он засунул в портфель; вошел тютелька в тютельку и выглядел по-адвокатски.

С этим портфелем Мохтар пришел на сомалийский благотворительный вечер. Год был 2012-й, и Мохтар с друзьями устроили в Сан-Франциско сбор средств в пользу сомалийцев, пострадавших от голода, который уже унес сотни тысяч жизней. Вечер проходил в Рамадан, так что все наелись и послушали, что́ американские сомалийцы рассказывают о невзгодах своих соплеменников. Собрали три тысячи долларов, в основном

наличными. Мохтар сложил деньги в портфель – в костюме и с кожаным портфелем, где лежали новый ноутбук и пачка долларов всевозможных деноминаций, он чувствовал себя человеком деятельным и целеустремленным.

Поскольку Мохтар был окрылен, да и вообще импульсивен по натуре, он уговорил еще одного организатора, Сайеда Дарвуша, сразу после мероприятия отвезти деньги в Санта-Клару – час дороги на юг. В Санта-Кларе они зайдут в мечеть и передадут деньги представителю «Исламской помощи», международной некоммерческой организации, которая направит пожертвования в Сомали. Другой организатор попросил Мохтара прихватить большой кулер с остатками рухафзы, розового пакистанского напитка из молока и розовой воды.

– Точно надо ехать сегодня? – спросил Джереми.

Джереми нередко казалось, что Мохтар берет на себя слишком много и слишком рьяно.

– Нормально, – сказал Мохтар.

«Надо сегодня», – подумал он.

Так что Сайед сел за руль, и всю дорогу по 101-му шоссе они рассуждали о щедрости, которую видели в тот вечер, а Мохтар размышлял, как это приятно – выдумать что-то, а потом воплотить. Еще он размышлял, каково это будет – получить юридический диплом, стать первым в роду американских Альханшали бакалавром права. И как он в конце концов доучится и будет представлять тех, кто просит убежища, – других американских арабов с иммиграционными затыками. Может, в один прекрасный день баллотируется куда-нибудь.

На полпути к Санта-Кларе Мохтара одолела усталость. Он готовил этот благотворительный вечер неделями, а теперь тело требовало отдыха. Он прислонился головой к стеклу.

– Подремлю немножко, – сказал он.

Проснулся, когда машина уже стояла перед мечетью в Санта-Кларе. Сайед тряс его за плечо:

– Просыпайся.

До намаза оставалось несколько минут.

Полусонный Мохтар выполз из машины. Они достали из багажника рухафзу и потащили ее в мечеть.

Только после намаза Мохтар сообразил, что оставил портфель на улице. На земле, у машины. Портфель с тремя тысячами долларов и новым ноутбуком за тысячу сто Мохтар оставил среди ночи на автостоянке.

Они бросились к машине. Портфель исчез.

Они обыскали автостоянку. Безрезультатно.

В мечети никто ничего не видел. Мохтар и Сайед искали всю

ночь. Мохтар не спал. Утром Сайед уехал домой. Мохтар остался в Санта-Кларе.

Оставаться не было смысла, но как тут вернешься домой?

Он позвонил Джереми:

– Я потерял портфель. Я потерял три тысячи долларов и ноутбук из-за этого клятого розового молока. Что я людям скажу?

Нельзя сказать сотням людей, которые пожертвовали на голодающих в Сомали, что их деньги испарились. Нельзя сказать Мириам. Помыслить невозможно, сколько она заплатила за портфель и что она подумает – он же потерял все, что у него было, разом. Нельзя сказать родителям. Нельзя сказать Валлиду, что они будут выплачивать одиннадцать сотен долларов за ноутбук, которым он, Мохтар, никогда не воспользуется.

Назавтра один друг Мохтара, Ибрагим Ахмед Ибрагим, улетал в Египет – посмотреть, как там Арабская весна. Вместе с ним Мохтар прокатился до аэропорта – это на полпути к родительскому дому. Ибрагим доучивался в Университете Калифорнии в Беркли, через несколько месяцев получит диплом. Что сказать Мохтару, он не знал. «Не переживай» – как-то неубедительно. Ибрагим растворился за пограничным контролем и улетел в Каир.

А Мохтар сел в черное кожаное кресло в зале ожидания и просидел там не один час. Смотрел, как улетают люди. Как уезжают и приезжают семьи. Бизнесмены с портфолио и планами. В международном терминале, этом памятнике движению, он сидел, вибрируя, и не двигался никуда.

Глава 2
Консьерж в «Инфинити»

Мохтар стал консьержем. Нет. Вестибюльным представителем. Так это предпочитали называть в «Инфинити». Другими словами, Мохтар был консьержем. Мохтар Альханшали, первенец Фейсала и Бушры Альханшали, старший брат Валлида, Сабы, Халеда, Афры, Фоваза и Мохамеда, внук Хамуда аль-Ханшали Зафарана аль-Эшмали, иббского льва, потомок рода аль-Шанана, крупнейшей ветви племенной конфедерации Бакиль, был консьержем.

«Инфинити» состоял из четырех жилых корпусов – все с видом на залив Сан-Франциско, на выбеленный солнцем город и холмы Восточного Залива. В небоскребах «Инфинити» жили врачи, ИТ-миллионеры, профессиональные спортсмены и богатые пенсионеры. Все они ходили туда-сюда через сверкающий вестибюль, и Мохтар открывал им дверь, чтоб они лишний раз не напрягались.

О Городском колледже пришлось забыть. Мохтар потерял портфель, и ему пришлось искать полноценную работу. Омар Газали, друг семьи, одолжил ему три тысячи долларов для «Исламской помощи». Но эти деньги нужно было вернуть, а еще ведь тысяча сто, которые Мохтар задолжал Валлиду, – колледж пусть подождет, неведомо сколько.

В «Инфинити» Мохтара привел Валлид: прежде Валлид и сам там работал. Он тогда зарабатывал двадцать два доллара в час, а Мохтару, его старшему брату, платили восемнадцать. Когда в «Инфинити» работал Валлид, там действовал профсоюз, но потом профсоюз развалился, а управляющей стала лощеная перуанка Мария, которая цокала по блестящим полам на высоких каблуках. Опрятность Мохтара ей понравилась, ему предложили работу. Восемнадцать долларов в час, грех жаловаться, когда минимальная заработная плата в Калифорнии – 8,25.

Но с колледжем пришлось попрощаться, и прямого пути туда Мохтар больше не видел. Целыми днями он торчал в вестибюле Башни Б, открывал двери жильцам и всевозможным работникам сферы услуг, которые кормили или массировали жильцов; людям, что выгуливали крохотных собачек, прибирались в квартирах и вешали новые люстры. Мохтар всегда приносил с собой книгу (он опять пошел на штурм «Капитала»), но за стойкой в вестибюле

особо не почитаешь. Постоянно отвлекают, бесит шум. Вестибюль выходил прямо на улицу, а район менялся, что ни месяц – новое здание, к югу от Маркет разрастался какой-то мини-Манхэттен. Стройки грохотали аритмично и трепали Мохтару нервы.

И ладно бы шум – в основном почитать, да и подумать мешала сама дверь. Вестибюль – стеклянный ящик, прозрачный шестигранник, и вестибюльному представителю полагалось зорко следить, не приближается ли к двойным дверям кто-нибудь с улицы под любым углом. Большинство визитеров Мохтар знал – жильцы, обслуживающий персонал «Инфинити», курьеры, – но случались и нежданные посетители. Гости, тренеры, риелторы, терапевты, ремонтники. Кто бы ни подходил к двери, Мохтару полагалось быть на низком старте.

Если пришел курьер, можно встать, улыбнуться, открыть дверь – спешить некуда. Но если пришел жилец, за секунду или две надо выскочить из-за стойки, кинуться к двери (не показывая, что сбиваешься с ног), открыть ее, улыбнуться и впустить жильца. Нехорошо, если жилец коснулся двери прежде Мохтара. Мохтар должен успевать первым – распахнуть дверь, улыбнуться до ушей и тут же выдать вопрос, весело и простодушно: «Как пробежка, мисс Агарваль?»

Все это было непривычно. Это придумала Мария. Когда в здании действовал профсоюз, а вестибюльным представителем был Валлид, работа считалась *сидячей*, то есть вестибюльный представитель не обязан был вскакивать, когда люди входили или выходили. Но с приходом Марии все изменилось. Теперь работа требовала неустанной бдительности, умения прытко и элегантно вспрыгнуть из-за стойки и пересечь вестибюль.

И неважно, что любой способен открыть дверь самостоятельно. Не в этом же дело. Дело в личном отношении. Когда улыбчивый человек в опрятном синем костюме открывает тебе дверь, это символ роскоши и знак человеческой заботы. Жильцы видят, что это не простой дом, что этот ухоженный и предупредительный работник в вестибюле не просто получает их посылки, приветливо встречает их гостей, проверяет или выгоняет непрошеных визитеров, – он так неравнодушен, что открывает им дверь, говорит «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер», «кажется, дождь собирается», «оденьтесь потеплее», «приятного вам матча», «приятного вам концерта», «хорошо вам прогуляться». Этот любезный человек скажет «здравствуйте» их собаке, скажет «здравствуйте» их внукам, скажет «здравствуйте» их новой подруге, скажет «здравствуйте» приглашенному арфисту, которого наняли играть, пока жильцы «Инфинити» ужинают.

Такое правда было. Правда был такой человек. Он правда был арфист, а у него была компания «Я оставил свою арфу в Сан-Франциско». Мохтар близко с ним познакомился. За несколько сотен долларов арфист приходил со своей арфой и играл, пока люди ели, пока люди пили. Одна пара из «Инфинити», чья жизнь проходила во всех смыслах на высоте, нанимала арфиста раз в месяц. Он был дружелюбный. И электрик по люстрам тоже – болгарин, часто болтал с Мохтаром. Специалистка по питанию животных – милая женщина с синими прядями, бренчала серебром от запястья до плеча. Каждый день сквозь эти двери проходил калейдоскопический парад. Личные тренеры – этих набиралось с десяток, и Мохтару полагалось знать всех, знать, кто отвечает за оздоровление и долголетие какого жильца. Приходили консультанты по искусству, персональные ассистенты по покупкам, няни, плотники, дорогие личные врачи. Курьеры из китайских ресторанов на велосипедах, курьеры из пиццерий на машинах, курьеры из химчисток пешком.

Но в основном приходили почтовые курьеры. Курьер «ФедЭкса», курьер UPS, курьер DHL, и они приносили коробки с обувью из «Заппос», витамины с Bodybuilding.com, подгузники с diapers.com. Одни любили потрепаться, другие работали по часам, вечно опаздывали, распишись быстренько, «спасибо, чувак». Одни знали Мохтара по имени, другим было все равно. Кое-кто любил потрындеть, пожаловаться, посплетничать. Но сколько посылок прибывало через эту дверь – это просто уму непостижимо.

«Что у нас тут сегодня?» – спрашивал Мохтар.

«У нас тут кешью из Орегона», – отвечал курьер.

«У нас тут стейки из Небраски – их надо срочно в холодильник».

«У нас тут рубашки из Лондона».

Мохтар расписывался на клипбордах и уносил посылки в кладовую позади стойки, а потом, увидев жильца в вестибюле, весело поднимал палец и бровь, объявлял, что прибыла посылка. И жильцы тоже радовались. Как-то раз один немолодой жилец, Джеймс Блэкбёрн, открыл коробку и показал Мохтару пару новых перьевых ручек «монблан».

«Лучшие перья в мире, мистер», – сказал Блэкбёрн.

Неизменно учтивый Мохтар восхитился перьями и что-то про них спросил. Прошло несколько месяцев, и под Рождество он обнаружил на столе подарок; развернул – а там такое же перо. Презент от мистера Блэкбёрна.

В основном жильцы обзавелись деньгами недавно и только привыкали к «Инфинити». Если они хотели, чтобы с ними

общались формально, Мохтар общался формально. Если им хотелось поговорить, он разговаривал, и временами на эти разговоры находились время и силы. Допустим, жильцы в вестибюле ждали машину. Мохтару полагалось стоять у двери, подкарауливать прибытие машины, и тогда ему и жильцу выпадало несколько неловких минут, когда оба смотрели на улицу.

«Много работы сегодня?» – спрашивал, к примеру, жилец.

«Да не очень», – отвечал Мохтар.

Важно было не показывать, что загоняешься. Вестибюльный представитель обязан излучать невозмутимую компетентность.

«Слыхали? В Башню Б въехал питчер „Сан-Франциско Джайентс“», – говорил жилец.

Тут прибывала машина, и беседа заканчивалась.

Но порой они углублялись. Вот Джеймс Блэкбёрн – он углублялся. Заинтересовался Мохтаром еще до пера «монблан». «Ты умный парень, Мохтар. Какие у тебя планы?»

Мохтар ему сочувствовал. Джеймс, белый пенсионер на седьмом десятке, – хороший человек, ему тоже неловко. Если считать, что Мохтар хочет чего получше, нежели всю жизнь скакать из-за стойки к двери, это умалит нынешнюю работу Мохтара – мало ли, вдруг для Мохтара это личная вершина? Но если считать, что для Мохтара это личная вершина, выводы получаются весьма прискорбные.

В основном жильцы вопросов не задавали. Не хотели знать. Эта работа, само присутствие Мохтара напоминали им: есть те, кто живет в стеклянных башнях, а есть те, кто открывает им двери. Замечали жильцы, как он читает «Проклятьем заклейменных»?[3] Не исключено. Он свои книжки не прятал. Замечали жильцы Мохтара в новостях, когда он порой сзывал всех на протесты или выходил на них, требуя перемен во взаимоотношениях полиции и сан-францисского сообщества американских арабов и мусульман? Мохтар иногда мелькал на публике, и временами ему казалось, что его будущее – организовывать, представлять арабов и мусульман на уровне повыше. Член Наблюдательного совета Сан-Франциско? Мэр? Кое-кто из жильцов «Инфинити» знал о его гражданской деятельности, и для большинства он оставался неудобной загадкой. Мохтар понимал: им предпочтительны консьержи чуть посмирнее и поскучнее.

Но еще был Джеймс Блэкбёрн. «А где ты вырос? – спрашивал он. – Сам-то местный?»

Глава 3
Малолетний книжный вор

Самое раннее воспоминание Мохтара о Сан-Франциско – человек, который испражняется на «мерседес». В тот день семья Мохтара приехала в Тендерлойн. Мохтару исполнилось восемь – старший из тогда еще пятерых детей. Семья годами жила в бруклинском районе Бедфорд-Стайвесант, где отец Фейсал управлял «Кондитерской и продуктовым Майка» – лавкой, принадлежавшей деду Мохтара Хамуду. Но Фейсал не хотел торговать алкоголем – ему было неприятно. После многих лет планирования и мучительных раздумий Фейсал и его жена Бушра наконец-то вырвались на волю. Переехали они в Калифорнию, где Фейсалу пообещали работу уборщика. Лучше оказаться на мели и начать с нуля, чем толкать бухло под отцовской пятой.

Квартиру они нашли в Тендерлойне, который считается самым неблагополучным и бедным районом Сан-Франциско. Они приехали в город, Мохтар и остальные дети сидели сзади, машина остановилась на светофоре. Мохтар посмотрел в окно – рядом затормозил белый «мерседес»; Мохтар залюбовался этим автомобилем, блистающей краской, мерцающим хромом, и тут какой-то человек в обносках запрыгнул на капот, стянул штаны и наложил кучу. Случилось это в квартале от будущего дома семейства Альханшали.

Они уехали из просторной бруклинской квартиры, отказались от жизни, в которой, вспоминает Мохтар, никто ни в чем не нуждался, – у детей была отдельная комната, набитая игрушками, – и угодили в двухкомнатную квартирку в доме 1036 по Поук-стрит, между двумя магазинами порнографии. Пятеро детей ночевали в спальне, родители – в гостиной. Ночь напролет визжали сирены. Выли наркоманы. Бушра боялась одна ходить по району и за продуктами на Ларкин-стрит посылала Мохтара. В один из первых таких походов в Мохтара швырнули бутылкой – стекло разбилось об стену у него над головой.

Мохтар привык к наркоторговле, кипевшей круглосуточно прямо на улицах. Привык к запахам – человеческих фекалий, мочи, марихуаны. К воплям мужчин, женщин и младенцев. Привык переступать шприцы и блевоту. Привык, что в переулках трахаются старики и молодые пацаны. Ширяется тетка за шестьдесят. Попрошайничает семейство бездомных. Среди машин

на проезжей части стоит пожилой торчок.

В Сан-Франциско считалось, что Тендерлойн – городской правонарушительный заповедник: Рыбацкая пристань – карантин для туристов, а тридцать один квартал Тендерлойна отведен под крэк, мет, проституцию, мелкую преступность и публичные испражнения. Даже имя у Тендерлойна исторически нечистоплотное: в начале двадцатого века местные полицейские и политики получали такие взятки, что питались только отборнейшей говядиной[4].

Но в Тендерлойне было и настоящее сообщество. Район – один из самых дешевых в городе, и туда десятилетиями съезжались семьи, только прибывшие из Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, с Ближнего Востока. В том числе и йеменцы – несколько сотен йеменцев жили в Тендерлойне, и большинство работали уборщиками. В пестрых легионах, что эмигрировали в Соединенные Штаты, йеменцы оказались в арьергарде: многие приехали в 1960-х и работали главным образом на фермах калифорнийской долины Сан-Хоакин и на автозаводах Детройта. Поначалу почти одни мужчины, в основном из мухафазы Ибб – сельскохозяйственного региона. Они прибывали в Калифорнию собирать фрукты, но в 1970-х сотни йеменцев, трудившихся в полях, двинулись в Сан-Франциско и стали там уборщиками. Зарплата получше плюс льготы. В итоге йеменцы составляли до 20 процентов уборщиков в местном отделении Международного профсоюза работников сферы обслуживания (штаб-квартира расположена в Тендерлойне).

Вот и у Фейсала был такой план: пойти уборщиком – или хотя бы с этого начать. Работу он нашел, но продержался на ней недолго. Начальник с иммигрантами – в основном из Никарагуа и Китая, по большей части нелегалами – обращался высокомерно и проявил неуважение. Отец Мохтара был человек гордый, свои права знал, так что уволился и пошел охранником в жилой небоскреб «Секвойи», в вечернюю смену. Там он и проработал первые годы в Сан-Франциско. Смены у него были в небожеское время и порой по восемнадцать часов в день.

То есть Мохтар мог бродить по городу сколько душе угодно. Рассматривать витрину с видео для взрослых, не обращать внимания на человека с голым торсом, матерившегося на всю улицу. Заходить в какую-нибудь йеменскую овощную лавку – йеменцы заправляли половиной местных овощных лавок, даже магазином под названием «У Амиго». Забегать в парк Сержанта

Джона Маколи, на крошечную игровую площадку напротив стрип-клуба «Новый век». Дальше по улице, на перекрестке О'Фаррелл и Поук, на стене дома была фреска – подводный пейзаж с китами, и акулами, и черепахами. Мохтар годами считал, что там какой-то аквариум, и лишь гораздо позднее сообразил, что это пресловутый «Театр братьев Митчелл О'Фаррелл», один из старейших стрип-клубов Америки, где якобы изобрели контактный лэп-дэнс. В районе был тридцать один магазин спиртного и мало безопасных детских площадок, однако детей в этих безнадежных кварталах были тысячи, и взрослели они быстро.

К средней школе Мохтар научился схватывать на лету, чесать языком на ура и халявить, а вдобавок подружился с ребятами, которые тоже чесали языками на ура и халявили. В Тендерлойне они избегали наркоманов и проституток и, когда могли, вырывались наружу, потому что знали: стоит пройти несколько кварталов в любую сторону – и там будет совсем другой мир. К северу – Ноб-Хилл, один из самых дорогих районов Соединенных Штатов, где стоят отели «Фэрмонт» и «Марк Хопкинс». Пара кварталов к востоку – и Юнион-сквер с дорогущими магазинами, трамваями и ювелирными лавками.

Повсюду мелькали туристы, а где туристы – там и развлечение. Мохтар с друзьями уходили на Рыбацкую пристань, где невнятно инструктировали европейских гостей, как куда пройти. Или сами делали вид, что заблудились, и спрашивали про какую-нибудь ерунду. Говорили туристу: «Вы не знаете, как попасть в Мяу-Мяу? Нет? А в Акакакакака?» Проходя мимо окон любого ресторана – заведения, которого они не могли себе позволить даже в мечтах, – они голыми задами прижимались к стеклу. Когда им требовалась пара-тройка долларов, они шли к фонтану на Гирарделли-сквер и таскали монетки из воды.

Мохтар знал, что его семья бедна, но на некоторые лишения находились решения. Он знал, что они не могут себе позволить «Нинтендо 64» – он год за годом просил на день рождения и в конце концов плюнул, – но до «Сёркит-Сити» от дома каких-то четыре квартала, а в «Сёркит-Сити» всегда людно и хаос, и Мохтар с друзьями притворялись, будто хотят купить какую-нибудь игру, и играли на пробу. Обычно, прежде чем их выставляли за дверь, удавалось с час погонять в «Марио Карт».

Соседи у Мохтара были дружные. В доме на Поук полно было йеменских семей, и все они друг о друге заботились. Взрослые

ходили в одну мечеть, дети играли в футбол в коридорах, и по причинам, для Мохтара непостижимым, большинство детей учились в школе на Острове Сокровищ. Туда отправляли многих детей из Тендерлойна – детей, у которых не было другого выбора. В среднюю школу Острова Сокровищ. Казалось бы, почти романтика. Сам Остров Сокровищ – нелепица, необъяснимая рукотворная груда противоречий. ВМФ построил его в 1936 году, утопив 287 тысяч тонн камней и 50 тысяч кубических ярдов грунта в заливе Сан-Франциско, возле естественного острова Йерба-Буэна, между Сан-Франциско и Восточным заливом. Всю Вторую мировую остров служил военной базой, Островом Сокровищ он тогда еще не назывался. Имя появилось позднее, когда остров демобилизовали, а власть имущие, надеясь извлечь из него коммерческую выгоду, переименовали его в честь книжки про кровожадных пиратов.

Однако после войны из острова не удалось извлечь ничего коммерческого – логично, хотя и преодолимо. Во-первых, что́ захоронено на этом острове, поди знай: военно-морской флот не обнародовал, какие вредные отходы там спрятал, а исследовать и чистить никого не тянуло. Во-вторых, все громче звучали опасения из-за подъема уровня воды: остров был лишь футом-другим выше уровня моря, и неизвестно, что с ним станется через двадцать лет.

В школе неприятности ходили за Мохтаром по пятам. Может, такой уж он был человек. Может, он был одним из заводил. В школе учились черные ребята, самоанские ребята, латиноамериканские, йеменские; парни уже в тринадцать лет пили и курили траву, причем и тем и другим занимались прямо на территории школы – на лоскутном одеяле бетонных дворов среди узких одноэтажных корпусов лишь чуточку прочнее времянок. Халявил Мохтар в те дни отменно. Родители понимали, что он сбился с пути. Пытались призвать его к ответу, но что-что, а отболтаться он умел. К седьмому классу они бросили его слушать.

– Это все отговорки, – отвечали они.

Но учителя понимали, что мозги у него имеются. Мохтар любил читать. Дома у него была даже библиотека. Книжный шкаф в квартиру бы не влез, но на полке в крохотной кухонной кладовке, под консервами и над пастой и приправой «Сазон Гойя», Мохтар расчистил место под книжки, которые нашел. Или украл. Книжки были халявные – денег на покупку книг у него не было, но он хотел, чтобы книжки были с ним, стояли шеренгой на полке, как в нормальном доме. Кое-что он на неопределенный срок одалживал в публичной библиотеке. Его коллекция росла.

Пять книг, затем десять, затем двадцать, и вскоре полка в кладовой стала ого-го, темный уголок кухни смахивал на вполне легитимный храм знаний.

А поскольку своей комнаты у Мохтара не было, не было даже своего угла в комнате, библиотека стала его единственным личным пространством. Коллекцию составляли книжки из серии «Ужастики», аниме, «Хроники Нарнии», «Властелин колец». Но для Мохтара не было ничего важнее Гарри Поттера, который жил под лестницей, хотя ему там было не место – ему были уготованы великие дела. Когда Мохтар уставал от бедности, уставал переступать на улице через бездомных наркоманов, ночевать в комнате с еще шестью детьми, мысли его уплывали прочь, и он допускал, что, быть может, он как Гарри – пока что принадлежит этому захудалому миру, но предназначен для чего-то большего.

Глава 4
Мудрый совет Гассана Тукана
Часть 1

Внеклассные занятия, на которые Мохтар ходил в мечеть Аль-Таухид на Саттер-стрит, вели Туканы, семья американских палестинцев. Гассан Тукан, всего семью годами старше Мохтара, был одним из наставников, и было ясно, что Гассан из-за Мохтара на стенку лезет. Мохтар плохо учился в школе и плохо учился после школы. Он всех отвлекал. Ему было наплевать. И он не считал, что его спасет Гассан Тукан, который словно бы от природы преуспевал во всем, за что ни брался.

– Мохтар, – умолял Гассан. – Сядь ты. Сделай уроки. Сделай *хоть что-нибудь*.

Каждый день Гассан донимал Мохтара по одним и тем же поводам, по всем поводам. Поведение. Уроки. Дивные преимущества доделывания упомянутых уроков. Вот как относиться к нему всерьез? Мохтар ни к чему не мог относиться всерьез. Он учился в средней школе на Острове Сокровищ, на бывшей военной базе посреди залива Сан-Франциско. В школе для позабытых. Из этой средней школы все выходили в никуда.

Короче говоря, в репетиторском центре Туканов Мохтар выступал агентом хаоса. И нашел себе единомышленника и соратника – пацана по имени Али Шахин. Отец Али был имамом в другой мечети, но Али, как и Мохтар, был склонен отвлекаться. Вместе они доводили Гассана до белого каления. Мешали всем. Срывали уроки. Ничего не делали, и ребята помладше видели, что эти двое ничего не делают, и это нарушало тонкое равновесие учебного процесса, которое выстраивали Туканы.

– Мохтар! – орал Гассан.

Имя Мохтара он орал каждый день. Велел Мохтару посидеть, послушать, поучиться.

Вместо этого Али и Мохтар линяли из мечети. Бродили по Тендерлойну, стараясь не попасться на глаза отцу Мохтара. После многих лет работы охранником и попыток поступить на Муниципальную железную дорогу Сан-Франциско, в местную систему автобусного и трамвайного транспорта, Фейсал получил место. Он бросил свою ночную охранную работу в «Секвойях» и теперь трудился по разумному и предсказуемому распорядку, льготы отнюдь не мешали семье из девятерых – Фейсал с Бушрой

прибавили к выводку еще двоих детей, – а занятия подходили его темпераменту. Фейсал любил водить и любил поболтать.

Мохтару, однако, новая отцовская работа усложняла жизнь. Мохтара она ущемляла. Из-за нее он психовал. В разные дни отец ездил по разным маршрутам, и Мохтар никак не мог запомнить, какой маршрут когда. Так что халявить приходилось с осторожностью. Мохтар с друзьями морочили голову какому-нибудь лоху, и тут кто-нибудь поднимал голову: «Это не твой там папаша, Мохтар?» Отец кружил по его детству, как по городу, – эдакой шестидесятифутовой бродячей совестью.

Мохтар и Али возвращались в мечеть, к Гассану, который старался с ними совладать. А потом в один прекрасный день Гассан сорвался. Сядьте, велел он четырем пацанам, Мохтару, Али и еще двоим хулиганам, Ахмеду и Хатаму.

Гассан указал на Хатама:

– Кем работает твой отец?

– Такси водит, – сказал Хатам.

Гассан указал на Ахмеда:

– Чем занимается твой отец?

– Уборщик, – сказал Ахмед.

Гассан указал на Мохтара.

– Водит автобус, – сказал Мохтар.

– Так, – сказал Гассан. Он знал, что отец Али имам, но за Али тоже переживал. Он переживал за всех этих детей. – Ваши родители приехали сюда иммигрантами, и выбора у них не было. Вы хотите тоже работать таксистами? Мыть туалеты? Водить автобусы?

Мохтар пожал плечами. Ахмед и Хатам пожали плечами. Они понятия не имели, кем хотят работать. Им было-то всего по тринадцать лет. Мохтар знал только, что хочет *Xbox*.

– Они привезли вас сюда, чтобы *у вас* выбор был, – сказал Гассан. – А вы его спускаете в унитаз. Если хотите заняться чем-нибудь другим, когда вырастете, возьмитесь уже за ум.

Глава 5
Йемен

Родители эту точку зрения разделяли, поэтому отослали Мохтара в Йемен. Сочли, что ему не помешает сменить обстановку, прикоснуться к истории предков, подышать свежим воздухом. Из двухкомнатной квартиры в Тендерлойне Мохтар уехал в шестиэтажный дом деда Хамуда в Иббе. Там у Мохтара была своя спальня. Свой этаж. В доме были десятки комнат, балкон выходил на цветущую долину посреди города. Даже не дом, а замок, и Хамуд выстроил этот замок из ничего.

Хамуд был не просто патриархом – в роду Альханшали укрыться от его влияния не мог никто. И хотя Хамуду было уже под семьдесят, он по-прежнему проезжал по сотне миль в день из Саны в Ибб или из Ибба в деревни – посещал свадьбы, похороны, улаживал племенные конфликты. Он уже не был высок – с возрастом усох, истончился, – но разум его остался ясен; человек он был остроумный и крутой. В основном Хамуд отошел от дел, но в Иббе выступал серым кардиналом. Когда он приходил на свадьбу, все вставали. Одни целовали ему руку, другие лоб – в знак величайшего почтения.

Хамуд родился в 1940-х в Аль-Дахле, деревушке под Иббом, пятым из восьмерых детей. С малых лет он чувствовал, что отец благоволит ему особо. Когда Хамуд был еще юн, лет девяти или десяти, его отец вляпался в земельные распри с соплеменником, за которым стояла власть. Из-за этих распрей отец Хамуда угодил в тюрьму, и это быстро подорвало ему здоровье. Зная, что конец близок, он призвал к себе лишь одного своего ребенка, Хамуда, и это омрачило отношения Хамуда с другими детьми, особенно со старшими братьями. После смерти отца те изгнали Хамуда и отказались выделить ему долю отцовской земли.

В тринадцать лет Хамуд решил взять жизнь в свои руки. С одним рюкзаком, босой, он ушел из Ибба и отправился в Саудовскую Аравию. Эту историю он часто рассказывал Мохтару.

– Это же триста миль, – отмечал Мохтар.

– И я прошел их босиком, – уверял Хамуд.

Перед уходом он, впрочем, попросил осла. Объявил братьям, что уходит, отстанет от них навсегда, и нужен ему только осел – чтоб легче и веселее было идти.

– Осел стоит дороже тебя, – возразили братья.

И Хамуд ушел без осла.

В Саудовской Аравии, где нефтяных денег куры не клюют, где богатство такое, что Йемену и не снилось, Хамуд торговал водой на обочине. Мыл полы в ресторанах. Хватался за любую поденщину, откладывал деньги и посылал домой овдовевшей матери. И всякий раз прикладывал записку: «Это от мальчика, который стоит дешевле осла».

Ближе к двадцати годам Хамуд вернулся в Йемен и женился на молодой женщине по имени Зафаран из соседней иббской деревни. Вдвоем они поехали в Англию, в Шеффилд, где, слыхал Хамуд, хорошо платят работникам металлургических комбинатов. В итоге он переехал в Детройт – там йеменцы устраивались на автомобильные заводы. Несколько лет Хамуд проработал на конвейере «Крайслера», устанавливал подушки безопасности, а потом вслед за йеменскими друзьями перебрался в Нью-Йорк. На сбережения купил угловой магазин в Гарлеме и вывел его в прибыль. Купил еще одну лавку в Куинсе – конкурировать приходилось с бандами и мафией, но Хамуда это не смущало. Магазин в Куинсе тоже процветал, и вскоре Хамуд уже одалживал деньги сыновьям и кузенам – в том числе Фейсалу, – и все они пооткрывали собственные продовольственные и винные магазины в Нью-Йорке и Калифорнии, и все эти магазины приносили дивиденды Хамуду, и Хамуд более или менее отошел от дел прежде, чем ему стукнуло шестьдесят.

Он купил пять акров в Иббе и выдал строителям собственноручно нарисованный эскиз. Рисунок этот огорошивал даже с учетом весьма и весьма эксцентричных архитектурных традиций Йемена. Хамуд хотел дом, похожий на тот, что жил в его воображении, – на дом, что на полвека с лишним запечатлелся в памяти Хамуда, с тех пор как Хамуд мальчишкой жил в Саудовской Аравии. Он тогда только приехал, еще ходил босиком, перебивался с хлеба на воду – и однажды увидел замок на холме. Ну, так ему запомнилось. Может, это была больница или мечеть; короче, Хамуд запомнил этот дом на всю жизнь. И поклялся, что однажды построит нечто подобное. В общем, он нарисовал замок по памяти, и получился замок на холме. Оформление интерьера Хамуд выдумывал как в голову взбредет. Никаких архитектурных принципов, никаких йеменских обычаев не придерживался. Одни комнаты необъяснимо громадны, другие необъяснимо малы. Где-то четыре ванные комнаты на этаже, хотя не нужно ни одной. Повсюду балконы, а входы и выходы в самых непредсказуемых местах. «Если вор захочет обокрасть этот дом, – говорила Зафаран, – он заблудится и не выберется никогда».

Хамуд приступил к постройке в 1991 году, но так ее и не

закончил. Мохтар приехал, прожил в Йемене год, и все это время в доме постоянно толклись рабочие. По пять разных мастеров одновременно добавляли новые штрихи – и всё согласно техзаданию Хамуда: новая резная дверь из редкого тика, импортная плитка в салоне на пятом этаже, новый витраж над балконом на четвертом. По стенам висела коллекция Хамуда – кинжалы, мечи, ковбойские шляпы, кобуры и огнестрельное оружие. У Хамуда была «беретта», груда кольтов.45-го калибра, арсенал пистолетов, которые он видел в бондиане и в фильмах с Джоном Уэйном. Хамуд пересмотрел все фильмы Джона Уэйна и коллекционировал кобуры, шляпы, ходил в ковбойских сапогах – все, что носил Уэйн, было Хамуду желанно.

Мохтар приехал в Ибб сразу после восьмого класса – он ничуть не интересовался Джоном Уэйном и ничуть не интересовался Йеменом. Он скучал по движухе в Сан-Франциско. Хамуд отправил его в местную школу, частную и строгую, и заставлял ходить туда пешком – сорок пять минут в один конец. Мохтар немножко говорил по-арабски, но по-английски в школе не говорил никто. Мохтар там был одним из немногих американцев. Неправильно носил одежду. Не знал положенных ответов на стандартные приветствия. Не знал, как у йеменцев полагается ходить, поступать, улыбаться, не улыбаться. Чтобы вписаться, он решил стать суперйеменцем. Зубрил арабский, вытравливал акцент, одевался как йеменские ребята – маавaз, сандалии, какой надо пиджак. Он старался ассимилироваться и освоить местные обычаи, но то и дело садился в лужу.

Как-то раз бабушка Зафаран послала Мохтара за курицей. Мохтар привык к американским магазинам: курицу убивают за сотни миль от магазина, разделывают, заворачивают в пластик – по ней и не скажешь, что некогда она была живая. Сейчас надо было попросить курицу у мясника в центре Ибба, что, впрочем, Мохтару неплохо удалось. Мясник потянулся за живой курицей и задал вопрос, которого Мохтар не понял, но решил, что лучше ответить утвердительно. Мясник удивился, но пожал плечами, достал курицу, отрубил ей голову и положил в пластиковый пакет – как была, в перьях и в крови.

Когда Мохтар вернулся к Хамуду и Зафаран с пластиковым пакетом, отяжелевшим от куриной крови, Зафаран вытаращилась. Потом засмеялась. Мохтар заподозрил, что сейчас его обзовут олухом, – Зафаран часто называла его олухом, она всех называла олухами, это было ее любимое английское слово.

– Олух, – сказала Зафаран.

Мохтар отдал курицу одной из служанок в кухне и пошел в гостиную, где Хамуд принимал соседей. К обеду всегда приходили гости – приглашений не требовалось. Мохтар не без удовольствия обедал с посетителями, но тут ворвалась Зафаран и поведала историю о курице.

– Олух, – сказала она. – Ну что за олух!

И все засмеялись.

Впрочем, и Зафаран, и Хамуд вскоре стали доверять Мохтару дела – и мелкие, и важные.

– Сходи в банк и обналичь чек, – говорил Хамуд и вручал ему чек на три миллиона риалов – это около пятнадцати тысяч долларов.

И Мохтар шел из банка кривыми улочками Ибба с громадным мешком денег, точно карикатурный банковский грабитель. Предприятия Хамуда были разбросаны по всему Иббу и по всему Йемену. Навещая их, Хамуд брал с собой Мохтара – учил, как держится бизнесмен, как ходит и говорит лидер. Задачи, которые Хамуд ему сочинял, были обширны и грандиозны. Один раз он выдал Мохтару пачку наличных, велел поехать в Таиз – это два часа дороги – и привезти шесть тонн определенной разновидности камня, который нужен был Хамуду во дворе. Вечером Мохтар вернулся во главе колонны из трех груженных камнем автоплатформ.

Когда Мохтар допускал ошибки, Хамуд сердился, только если внук искал отговорки.

– Признай ошибку и исправь, – говорил Хамуд.

В запасе у него имелась тысяча пословиц и сентенций. Любимая была такая: *держи деньги в руке, а не в сердце*. Это он повторял очень часто.

– Что это значит? – спросил Мохтар.

– Это значит, что деньги эфемерны, перетекают от человека к человеку, – ответил Хамуд. – Деньги – инструмент. В сердце им не место.

Мохтар прожил у Хамуда и Зафаран год и вернулся в Штаты другим человеком. Не совсем перевоспитался – в школе он по-прежнему частенько халявил, – но успел поучить классический арабский и прочувствовать свои корни. Хамуд надеялся, что внук станет имамом или юристом, но сам Мохтар уже видел себя вторым Хамудом, предпринимателем. Человеком, который любит движение.

Глава 6
Парвеню Руперт

Мохтар вернулся из Йемена, вскоре завел привычку носить безрукавки и устроился работать в «Банана репаблик». Его тендерлойнские друзья были в шоке. Школьные друзья, ошарашенные таким преображением одноклассника, прозвали его Рупертом, в честь расфуфыренного комиксового медведя[5]. Мохтар не обижался. Ему было пятнадцать, он работал и тем гордился. Вернувшись из Ибба, он захотел работать, увидел объявление «Банана репаблик», обратился туда, и его взяли.

Родители не верили своим глазам. Никто не верил. Пацан из Тендерлойна работает в «Банана репаблик». И это не какой-то там захолустный «Банана репаблик» в торговом центре, а флагманский магазин в центре города. Мохтар думал, его отрядят на зады, на склад, и действительно начал там, но вскоре перешел в торговый зал – продавал рубашки и брюки хаки бизнесменам и туристам.

Для Мохтара то был период радикальной эволюции. Он впервые познакомился с геем. Мохтар много лет прожил в Сан-Франциско, и ему ни разу не встречались такие чуваки. Ну, может, и встречались – да наверняка, – но он не знал. Среди его знакомых не было открытых геев, как начальство и коллеги в «Банана репаблик». Они приняли его, обучили, что с чем носят, как складывать кардиган мраморной расцветки с аранами, как вешать узкие хлопковые штаны «Кентфилд». Почти всю свою зарплату он тратил на одежду – винтажные трикотажные рубашки «хенли», кожаные туфли за 130 долларов, штаны английского покроя, не закрывавшие лодыжек.

Его наружность потрясла мир. Теперь Мохтар расхаживал по городу не бедным пацаном из Тендерлойна в саване мешковатых тряпок, что окутывает его чужими предрассудками, а Рупертом – элегантным комиксовым медведем, которому везде рады. Взрослые – в старших классах, в мечети, в любом магазине – доверяли ему и хотели с ним общаться.

Его называли *сэр*. Его называли *мистер*.

Год проработав в «Банана репаблик», он прослышал о вакансии в «Мейсиз» на Юнион-сквер – там искали продавца женской обуви; Мохтару было семнадцать, он не знал ничего ни про женскую обувь, ни про женщин, ни про «Мейсиз», но

откликнулся и в обличье Руперта получил работу. Процент с продаж был выше, так что из «Банана репаблик» Мохтар ушел и в первый день в «Мейсиз», затаив дыхание, придерживал дрожащую ступню женщины за тридцать, в короткой юбке. «От всего сердца рекомендую эту работу», – сказал он друзьям.

Ухлестывать за покупательницами не полагалось, но и не приходилось. Они ухлестывали за Мохтаром. Каждый день он, разодетый, опускался перед ними на колени, придерживая их босые ступни. Они были Золушками, он был Золушкой. Он вломился на этот бал. В их мире он не смыслил ничего. Входили две женщины с сумочками «Гуччи», щупали туфли, болтали про отпуска в Мадриде, Каннах и на Сен-Бартелеми. В понедельник Мохтар слышал, как одна женщина рассказывает подруге про своего сына, который хочет в Университет Южной Калифорнии, там ведь отличная киношкола, а во вторник, слушая рассказ другой матери о творческих наклонностях ее сына, Мохтар с великим апломбом разглагольствовал о том, до чего хороша и селективна программа киношколы в УЮК. «Вероятно, лучшая в стране», – говорил он.

Тендерлойн учил схватывать на лету и чесать языком на ура. Слушай и впитывай. Выдашь невежество – тебя облапошат. Спустя день-другой в «Мейсиз» Мохтар уже знал «Коул Хаан», Бетси Джонсон, «Коуч», Винса Камуто, Майкла Корса и процентами с продаж получал около двухсот долларов в день. Работал он часов по двадцать в неделю, после школы и по выходным, и порой женщины верили – или внушали себе, – что Мохтар старше, чем на самом деле. Были сестры из Германии, двадцати с чем-то лет. Были женщины из Нью-Йорка, за тридцать. Мохтар и еще один продавец обуви водили их гулять – или позволяли себя выгуливать, – показывали городские места, на которые иначе женщины бы не наткнулись. Из этих свиданий особо ничего не вытанцовывалось, но Мохтар узнавал новое. Узнавал, каково это – путешествовать, иметь деньги, чтобы покупать вещи, покупать билеты на самолет, ездить на Карибские острова, в Европу. В Париже, говорили эти женщины, непременно зайди в ресторан «Л'Абей»! И не езди в Джексон-Хоул в январе. Декабрь или февраль – да, январь – ни в коем случае. Спасибо, запомню, отвечал Мохтар и каждый вечер возвращался домой, ложился спать на верхнюю койку двухэтажной конструкции в двухкомнатной квартире своей семьи на Поук.

К восемнадцати годам он знал, что у этих людей, которые учились в колледже и могли жить где душа пожелает, не было ничего такого, чего не было у него самого. Они не были умнее – уж это ясно. Они не были смекалистее. Они даже не были

беспощаднее. Честно говоря, они, пожалуй, были мягче. Но у них имелись преимущества. Или ожидания. Или самоочевидности. Самоочевидно было, что они пойдут в колледж. Самоочевидно, что они найдут работу, достойную их воспитания и образования. В мире Мохтара ничего такого самоочевидного не было. В старших классах кто-нибудь из учителей изредка заговаривал с ним про колледж, уверял, что у Мохтара получится, у него светлая голова, но дома речи о колледже особо не заводили. Не было прецедента и не было денег.

Глава 7
Руперт торгует «Хондами»

Через несколько месяцев после школьного выпускного Мохтар увидел объявление: требуется парковщик. «Хонда» в Сан-Франциско, дилерский центр на Ван Несс, подыскивал того, кто будет парковать у них машины.

Мохтар заполнил анкету и очутился лицом к лицу с крепко сбитым человеком по имени Майкл Ли. Быстро выяснилось, что прежде Ли был морпехом, служил в Первую войну в Заливе, а теперь управлял торговым залом дилерского центра. Ли расспрашивал Мохтара про автомобили, про опыт работы, и Мохтар рассказал ему про «Банана репаблик», про «Мейсиз», а свои познания в области автотранспорта слегка преувеличил. На юге Калифорнии, под Бейкерсфилдом, у него жили двое дядьев, Рафик и Ракан, – вот они кое-чему его обучили. Мохтар обронил пару-тройку терминов: *генератор переменного тока, двухдиффузорный четырехкамерный карбюратор*. Ли кивал, слушал, задавал вопросы. Собеседовали Мохтара долго – незачем так долго собеседовать парковщика, – и в конце концов Ли выдал:

– А торговать машинами ты не думал?

У них только что ушел продавец-консультант, сказал Ли. Мохтар не хочет попробовать?

Мохтар был готов. Он всегда был готов. Любой пацан из Тендерлойна готов всегда. Мозги у него щелкали стремительно – несколько минут поговорив, Мохтар уловил, что в воздухе витает шанс, и пока Мохтар отвечал на вопросы о том, как складывать рубашки, продавать обувь и парковать автомобили, некая область его мозга прикидывала, насколько вероятно, что морпех предложит ему что-нибудь другое. Такими вещами ни с кем не поделишься – как ты чуешь шанс и морально к нему готовишься. Никто не понимал. Но Мохтар знал: если выпадет хоть малейшая возможность, если дверь приоткроется хоть на щелочку, он просочится внутрь одной лишь силой болтовни.

Что он и сделал на этом собеседовании. Ну еще бы я не думал торговать машинами, сказал Мохтар. И перешел в режим высокого гона. Вообще-то он думал об этом много. Особенно, кстати, «хондами». «Хонды» такие надежные машины! А как прекрасно перепродаются! Мохтар выглянул на парковку и подбросил еще соображений – наобум, но обтекаемых, сойдут за

дельные – насчет «аккорда», «сивика», этого нелепого гроба на колесиках под названием «элемент». Поговорил про ВЗК – «всегда заключай контракт». Откуда он это выкопал? Он сказал, вроде прокатило, Ли все кивал. Полчаса послушав, как Мохтар гонит пургу, Ли нанял его младшим продавцом-консультантом.

Мохтару было девятнадцать.

Он притащил домой десяток брошюр, изучил характеристики разных моделей и вернулся неуязвимым. Теперь, когда Мохтар поступил на работу, Ли преобразился – от мужика, который проводил собеседование, не осталось и следа. Тот мужик был деликатен. Говорил тихо и мягко – в сочетании с квадратным подбородком и бычьей шеей звучало странно. Но так Ли вел себя на собеседованиях и с покупателями – голос словно ходил на цыпочках, улыбка добрая, поза непринужденная. А в нерабочее время и за закрытыми дверями, за беседами о планах продаж и сбыте товара Ли превращался в морпеха. «Рули разговором сам, так его и растак! Не уступай рычаги этим гнидам, Мо! Не уступай им рычаги! Кто рулит разговором, тот рулит сделкой, все понятно?»

И не возразишь. Мужик был ростом метр девяносто и словно вырублен из камня. Так что Мохтар старался рулить разговором. Задавать вопросы. Вопросы, на которые покупатели вынуждены будут отвечать «да», говорил Ли. «Выжми из них „да“. Выжми из них, так их и растак, согласие, понял меня?»

Мохтар понимал. Видел на парковке, допустим, дядьку средних лет в бейсболке «Форти-найнерс»[6]. Подгребал к нему.

«Форти-найнерс» вас в этом году радуют?

Вполне.

Джастин Смит – он же просто зверь, да?

Это точно.

А Фрэнк Гор! Не человек, а танк! Вот это игра, это я понимаю.

Да уж.

(А теперь посмотри на машину, на черный «аккорд». И пусть дядька продолжает поддакивать.)

Нравится машина?

Вполне.

А цвет?

Ага.

С черным ничто не сравнится. Всегда хорош, и днем и ночью. Хотите внутри посидеть?

Запросто.

Приборная доска нравится?

Ага.

А кожа?

Нравится.

Вы гляньте на цифровой спидометр. Нравится?

Нравится.

Посмотрите, какая акустическая система. Любите Тупака? А «Колдплей»?

«Колдплей» – да.

Я тоже. Были на концерте в том году? В «Шорлайн»? А, и посмотрите, какой тут GPS. Нравится?

Ага.

Прокатиться хотите?

Годится.

Нравится разгон?

Ага.

А рулить легко?

Ага.

А поворачивать?

Отлично.

А цифровой спидометр?

Ага.

Если мы вам предложим симпатичную цену, вы как – хотите сегодня поехать на этой лапочке домой?

После тест-драйва все зависело от Ли. Таков был уговор. Ли назначил Мохтара молодым фанатом – молодым и начинающим, машины знает, обожает, но в арифметике не силен. Не даются ему цифры. Так что Мохтар вцеплялся в потенциального клиента, завлекал его машиной, как автолюбитель автолюбителя, – тест-драйв, рычаги потрогать, покататься к югу от Маркет, клево. А потом привозил его назад в офис, и тут вступал Ли.

За второй месяц Мохтар продал два автомобиля. За третий – девять. Вскоре Ли уже поручал ему возиться с цифрами, делать предложения. Но сначала Мохтар учился оценивать людей. Он понимал в одежде, видел, что человек может себе позволить красивую рубашку, красивые туфли. Обувь – ключ к разгадке, но порой она обманчива. Технари всегда носили кроссовки, а кроссовки – это низкая планка. Но Мохтар разобрался, как это устроено. Порой богатейшие люди предпочитали простые машины и платили наличными. Амбициозные хотели кучи дополнительных функций и предпочитали покупать в кредит. Так или иначе, цена была гибкая. Четыре графы – общая цена, процент, ежемесячные выплаты и первый взнос, – и подбивай каждую, пока не получишь требуемую цену. Но сначала сделай предложение, назови цифру, от которой будете плясать, и тут главное – как именно ты ее назовешь.

«Сделай предложение и закрой рот, – любил говорить Ли. – Сделал предложение – и тот, кто заговорит первым, проиграл, ты понял меня? Кто первым, так его и растак, рот откроет, тот и проиграл».

Мохтар называл цифру – 32 500 долларов – и смотрел на клиента через стол. Просто смотрел. Не пережимал, не таращился – он же не гипнотизер. Но надо показать, что ты в этой цифре уверен. Цифра – это цифра. Меньше ты никак не можешь. И клиент всегда заговаривал первым. Всегда. «Жди, пока эта гнида заговорит первым, слышишь меня? Кто первым заговорит, так его и растак, тот и проиграл».

Через некоторое время Мохтар продавал плюс-минус двенадцать автомобилей в месяц и получал три тысячи долларов комиссии. Покупал себе новую одежду и новую обувь. Остаток отдавал родителям. Те гордились и не видели причин, отчего бы Мохтару не продолжать в том же духе. Торгуя автомобилями, он заработает больше, чем за прилавком любой йеменской лавки на углу. Больше, чем со шваброй наперевес.

Но спустя год Мохтар заерзал. Хотелось чего-то другого, чего-то большего. Кое-кто из друзей собрался в колледж или уже поступил, Мохтар подумывал и сам что-нибудь предпринять. Может, просто искал предлог.

На парковке был старик. С ума сойти, до чего старый. Мохтар не понимал, как этот старик умудрился доехать до парковки, вылезти из машины и еще потом ходить ногами. Ему же минимум девяносто. Мохтар направился к нему, и с каждым шагом старик казался все древнее. Сто десять лет – запросто. Одет был по-стариковски, хотел новую машину. Хочу, сказал он, обменять свой фургон «шеви» на «аккорд», но цена «аккорда» по прейскуранту кусалась. Мохтару про таких людей объясняли: человек читает что-то в «Консьюмер репортс» или в интернете и заявляется в дилерский центр, имея в виду цену от балды. К прейскуранту эта цена никогда не имела отношения. Она всегда была ниже. Иногда на пятьсот долларов ниже. Иногда на полторы тысячи. Обычно на тысячу. Стандартная вилка. Такие люди всегда хотели купить машину на тысячу дешевле, чем по прейскуранту. И этот старик тоже. Сказал Мохтару, что хочет машину, только пусть ему собьют цену на штуку. Мохтар сказал, что поговорит с менеджером, и ушел в офис к Ли.

«Легко, – сказал Ли. – Делаем договор».

Мохтар вернулся на парковку и сказал старику, что все складывается. Они собьют цену на тысячу.

Старик был счастлив, они пожали друг другу руки, Мохтар привел его в офис и познакомил с Ли. «Дальше я сам», – сказал

Ли, и Мохтар ушел на парковку.

Спустя час Мохтар посмотрел, как старик уезжает на своем новом «аккорде», и помахал ему, раздумывая о том, как сегодня удалось сделать что-то хорошее. Он зауважал Ли: надо же, беспощадный переговорщик все-таки способен выказать некое почтение, некое милосердие старому человеку, заключить перемирие, прервать бесконечные стычки за комиссию и просто-напросто сбить цену на тысячу. Старику на этой земле осталось недолго; суета не стоит того.

«Это ты молодец», – сказал Мохтар начальнику.

Ли посмотрел на него странно и ткнул пальцем в договор. Арифметика – как обычно, путаница взносов, наценок и прочей ерунды, но Мохтар разглядел, что Ли не сбил ни цента. Машина обошлась старику ровно в ту сумму, которую Ли хотел с него получить. Ли сбил тысячу долларов с первого взноса и тут же ее прибавил.

После этого уйти было легко. Мохтар уже организовал сотню сделок, цифрами жонглировали всякий раз, но тут история была другая. Мохтар ушел домой, а спустя несколько дней уволился, послав СМС. Понимал, что это непрофессионально, что это нарушение приличий и рабочего этикета, но с него хватило. Так он Ли и написал, четыре слова: *С меня хватит, сынок*.

Глава 8
Воитель из Ричгроув

Бейкерсфилд – отнюдь не первый в списке городов, где молодой человек захочет ступить на героический путь. Но Ситр, бабушка Мохтара по матери, жила поблизости, в Ричгроув, и у нее был диван. Мохтар планировал спать на этом диване задаром и ходить на занятия в колледж Бейкерсфилда. Ему нужно было сосредоточиться на учебе и не тратить лишнего, так что он сел в автобус, который четыре часа вез его на юг штата.

Не то чтобы это был целиком выбор Мохтара. Фейсал не обрадовался, что сын бросил работу в «Хонде». Мохтару там хорошо платили, рассуждал Фейсал, у Мохтара там было будущее, а Мохтар ушел не пойми с какой радости. Еще одна иллюстрация его неугомонности, не сказать бестолковости. Родителям Мохтара требовалось знать, что у сына есть план. Либо найди работу и там работай, сказали они, либо иди учись. А бросать хорошие должности и спать у нас тут на полу – так дело не пойдет.

«Поживи пока у нас, – сказала бабушка. – Поучись».

Мохтару нужно было подышать воздухом, сменить обстановку. Он собрал вещички и записался на четыре курса: политология, всемирная история, социология и киноведение. Переехал к Ситр на Южную, 99, прямо за бензоколонкой и продуктовым «Фастуэй».

Ситр с мужем Али купили «Фастуэй» еще в 1980-х. Бензоколонка стояла посреди Калифорнийской долины, среди фруктовых ферм – через дорогу виноградники, чуть дальше авокадо и миндаль. Когда бизнесом занялись Ситр и Али, то была единственная бензоколонка на многие мили окрест, и доход она стала приносить сразу. Сборщики фруктов, в подавляющем большинстве своем мексиканцы и прочие латиноамериканцы, покупали в «Фастуэй» обед, пиво после работы, бензин для грузовиков. Топливо доходов не приносило – ни одна бензоколонка особо не наживается на бензине, – но заманивало покупателей в продуктовый, и доходы росли там. Продукты, лотерейные билеты, алкоголь.

За бензоколонкой Али и Ситр построили себе дом и счастливо прожили в нем двадцать пять лет. Их дети, а теперь и внуки росли здесь же, работали на бензоколонке, дома говорили

по-арабски, в школе по-английски, в лавке по-испански. Мохтар их навещал с самого переезда в Калифорнию. Сельская жизнь – тихо, сухо, жарко. На узких дорогах, что прорезали сливовые и виноградные посадки, дяди Ракан и Рафик учили Мохтара водить машину. А поскольку в Йемене от любого молодого человека ожидалось, что он хоть как-то умеет обращаться с ружьем, дядья возили Мохтара в стрелковый клуб «5 собак» и обучали стрелять.

Сейчас дед Али уже десять лет как умер, но бизнес по-прежнему процветал – им владела Ситр, а управляли Ракан и ее зять Тадж. Тадж и его жена Андреа с четырьмя детьми жили в том же доме. Тесновато, но Мохтару нашли место. С месяц он спал на диване, а потом Ракан откопал в гараже и вернул к жизни старую кровать – много лет назад на ней спала Хитам, дочь Андреа. Кровать была розовая, но Мохтар все равно был благодарен и старался пригодиться в «Фастуэе». Выносил мусор. Складывал картонные коробки. Помогал поварихе Ольге, языкастой американской мексиканке, которая готовила буррито, эмпанады и сэндвичи для сельхозрабочих.

Рабочие, приходившие в «Фастуэй», приносили для Ситр ящики винограда, апельсинов, слив, голубики и миндаля – по сезону, – а Ситр давала им травы, специи и инжир, которые растила у себя на участке. Ситр любила Ричгроув. Он напоминал ей о Йемене – жарком и плодородном Йемене ее детства. В Иббе росло все, рассказывала она Мохтару. Дыни, инжир, лимоны, яблоки, миндаль. Все что ни возьми. Их йеменские предки в своей родной мухафазе Ибб возделывали землю – логично, что йеменцы из Ибба приезжали в Калифорнию. Ситр на роду было написано поселиться там.

Ситр знала Сесара Чавеса и Долорес Уэрту[7]. Она знала Наги Дайфуллу, американского йеменца, сельхозрабочего, погибшего за дело сельхозрабочих. Когда Сесар Чавес начал создавать профсоюз, его поддержали йеменцы Калифорнийской долины. В 1973 году Дайфулла, йеменец из Ибба, руководил забастовкой «Объединенных сельскохозяйственных рабочих». Он прекрасно говорил по-английски и по-испански и был важным связующим звеном между испано- и арабоговорящими работниками. В августе того же года, в разгар битв ОСР с владельцами плантаций и полицейскими, Дайфулла перед баром праздновал скромную победу профсоюза. Подошел сотрудник полиции округа Керн, они с Дайфуллой повздорили. Полицейский ударил Дайфуллу по голове фонариком и затем волоком потащил по улице, что Дайфуллу и убило. Похоронную процессию на семь тысяч человек вел через Делано сам Чавес.

А теперь Мохтар учился в колледже с сыновьями и дочерями

этих сельхозрабочих. Курсы в колледже Бейкерсфилда были ничего, но Мохтар вскоре заскучал. Кое-кто в Ричгроув почитал Бейкерсфилд за крупный город, но Мохтару там ловить было нечего. Машины нет, денег нет. С другими студентами он не сдружился. Была одна персидская женщина на социологии, которая его заинтересовала, и несколько мусульманок, которых заинтересовал он, но в остальном Мохтар быстро сообразил, что Бейкерсфилд – не его судьба. Спустя семестр уехал. Вернулся к родителям, которые жили теперь на Острове Сокровищ, неподалеку от его средней школы.

Родители были им недовольны. Работу в «Хонде» бросил. Колледж бросил. А теперь опять спит у них на полу.

Но в Йемене просыпалась надежда. На дворе стоял 2011 год, Йемен вдохновился оптимизмом Арабской весны, и Мохтар влился в сообщество американских йеменцев района Залива – вместе с ними радовался прогрессу и обсуждал открывшиеся возможности. В апреле он с группой других молодых американских йеменцев организовал марш в Сан-Франциско – две тысячи человек выступили в поддержку борьбы йеменцев за демократию. Вскоре Мохтар вошел в национальную делегацию американских йеменцев, которую пригласили в Вашингтон, округ Колумбия, выступить в Государственном департаменте и Белом доме. Мохтару был двадцать один год, он был самым молодым членом делегации, куда вошли девятнадцать представителей от одиннадцати штатов, и надеть ему было нечего. За всю свою жизнь он обзавелся одним костюмом и уже сносил его до дыр.

Мохамед Мугали, имам мечети на 7-й улице в Окленде, отвел его в «Менз уэрхаус» и принарядил к важному событию. Денег на самолет до Вашингтона у Мохтара тоже не было – билет оплатили Мугали и группа других гражданских активистов. Мохтар явился в аэропорт Сан-Хосе к шести утра, и тут выяснилось, что Мугали, который впервые покупал билеты онлайн, забронировал рейс из Сан-Хосе в Коста-Рике, а не из Сан-Хосе в Калифорнии.

Авиакомпания сжалилась над Мохтаром, и к вечеру он очутился в округе Колумбия. Назавтра делегация – они себя называли «Йеменцы за перемены» – выступила перед Госдепартаментом и описала, как она видит традиционный бинарный выбор, стоящий перед арабскими странами Ближнего Востока: военная диктатура (Ливия, Ирак, Египет) или теократия правого толка (Иран, Саудовская Аравия).

Презентация их называлась «Третий путь», речь в ней шла о

каирской площади Тахрир, о десятках тысяч молодых египетских активистов, которые стремились к демократии, не точили зуб на западные страны и хотели самостоятельное государство, основанное на конституции – новой конституции – и верховенстве права.

Представители Госдепартамента выслушали с вежливым интересом. Затем делегация высказала просьбу. Соединенные Штаты должны прекратить поддержку Али Абдаллы Салеха, президента Йемена, который в тот год получил от США оружия на 200 миллионов долларов.

Представители Госдепартамента опешили, но делегацию пригласили в Белый дом, где она провела примерно такую же презентацию для группы советников по внешней политике президента Обамы. Результаты остались неясны, однако делегация покинула Пенсильвания-авеню с ощущением, что ее услышали и оценили, и Мохтар с двумя коллегами, Мугали и Хешамом Хусейном, химиком-технологом из Калифорнии, отправились в Мемориал Линкольна.

– Вы понимаете, чего можете добиться? – говорил Хусейн. Он стоял у подножия памятника и разговаривал на камеру: записывал видеосообщение для протестующих в Сане. Надеялся, что оно их вдохновит. – Вы бы не хотели такой свободы в Йемене? – спрашивал он камеру, разъясняя, чем занималась делегация и как ее принимали сегодня в Государственном департаменте и Белом доме.

Мохтар был страшно доволен. Соединенные Штаты порой чудовищно лажали за рубежом, особенно на Ближнем Востоке, участники делегации не смогли договориться, как подойти к вопросу беспилотников, но в то же время было ощущение какой-то открытости, возможности сказать все, что хочешь сказать, – вот это было по правде, и американец Мохтар этим гордился. А затем краем глаза он заметил, что к ним направляется человек в форме. Форма у человека была синяя и с полицейским значком. «Только не это», – подумал Мохтар.

– Прошу прощения, – сказал человек. Был он розовощекий и улыбался. – Здрасте, как дела, ребята?

На самом-пресамом американском английском Мохтар ответил, что дела у них хорошо. Он подозревал, к чему все идет, но изо всех сил надеялся, что ошибается.

– А на каком… э-э… на каком языке вы сейчас разговаривали? – спросил полицейский.

Мохтар пригляделся к его значку. Не полиция округа Колумбия. Что-то другое. Не Секретная служба, а какие-то специальные полицейские силы, которые охраняют памятники.

Мохтар сообщил полицейскому, что говорили они по-арабски.

– По-арабски, значит? – переспросил полицейский, и в глазах его на миг как будто промелькнуло: ага, возможно, у нас тут дело серьезное. – Не покажете документы?

Хусейн уже перестал снимать. Они отдали полицейскому документы, и тот сбежал по ступеням Мемориала к черной машине. Наверное, рассудил Мохтар, пробьет имена по базе подозреваемых в терроризме. Почти все туристы, пришедшие к Мемориалу, уже пялились, украдкой косились на наше трио. Кое-кто поспешно удалился – вероятно, предположив, что сейчас завяжется драка между правоохранительными органами и группой экстремистов.

Мохтар подумал про отца – Фейсала наверняка внесли в какую-то базу. Несколькими годами ранее Фейсал и Бушра ездили по Острову Сокровищ, подыскивали жилье, и их остановила полиция. Кто-то увидел, как они катаются по острову, – а Бушра при этом в хиджабе – и решил, что они приехали на разведку и планируют теракт. В конечном итоге перед ними как бы извинились, но Мохтар не сомневался, что их имена – а возможно, и его – хранятся теперь в какой-то секретной базе данных и не будут вычеркнуты оттуда никогда.

Спустя пятнадцать минут полицейский вернулся к стопам Линкольна.

– Извините, – сказал он. – Можете идти. Или оставайтесь.

Мохтар понимал, что эскалация неуместна, не стоит затягивать эту историю ни на одну лишнюю минуту, но не сдержался.

– Офицер, – произнес он, – а если я вам скажу, что я американский гражданин и что мы вот сейчас побывали в Госдепартаменте и Белом доме, где нас просили выступить? Мы сегодня говорили с важными людьми, восхищались нашей демократией – а округ Колумбия так со мной обходится? Потому что впечатление складывается неприятное. Что сказал бы Линкольн, если бы был жив?

Мохтар разглагольствовал еще некоторое время, и в конце концов лицо у полицейского смягчилось. В глазах не читалось, что этот человек фанатик или невежда. В глазах читалось, что он выполняет приказ и всей полнотой информации не владеет.

– Слушайте, ну извините, – сказал он.

Извинился он еще не раз и, похоже, искренне. Потом сбежал по ступеням, сел в машину, и машина укатила.

Глава 9
Кнопка

Прошло несколько лет, а плана у Мохтара так и не завелось. Он спал на полу в родительской квартире на Острове Сокровищ, подрабатывал тут и там. Некоторое время провел в Университете Калифорнии в Беркли, где организовывал студентов, занимался вопросами, важными для американских арабов и мусульман. Он проводил там столько времени, что большинство студентов, в том числе Ибрагим Ахмед Ибрагим, считали, будто Мохтар там учится. Но он не сидел на парах в Беркли – да и вообще нигде. Смотрел, как его соратники переходят на второй курс, на третий, на четвертый. Как они получают дипломы. Как получает диплом Мириам. Он тратил годы на безволие, на бездействие.

Некоторое время Мохтар работал на Омара Газали, процветающего торговца фруктами. Омар вырос в Йемене, в Соединенные Штаты он приехал в 2004-м с пустыми карманами и без какого-либо плана. Одно время водил такси, потом служил охранником, потом парковщиком и наконец взялся перепродавать калифорнийские урожаи. Покупал он товар в Калифорнийской долине, а продавал в Сан-Франциско. Вскоре он уже поставлял бóльшую часть фруктов в Чайнатаун. И в район Миссии. Если кому требуется к завтрашнему вечеру десять тысяч апельсинов, Омар Газали раздобудет. Десять тонн стоктонской черешни к утру? Обратитесь к Омару Газали. Крошечный бизнес он превратил в многомиллионную компанию.

Мохтару он дал работу на оклендском складе – грузить товар. Иногда Мохтар занимался доставкой. Обзванивал неплательщиков. Узнал, что лучшая калифорнийская черешня экспортируется в Японию и приносит до одного доллара за черешенку. Узнал, что разные фермы поставляют разный продукт – апельсины из Стоктона на вкус совсем не такие, как апельсины с юга. И еще узнал, что вообще-то он, Мохтар, Омару не нужен. Омар сделал доброе дело соплеменнику, дал ему работу, и Мохтар, едва накопил на Городской колледж, спокойно мог уйти.

Мохтар взял свои сбережения и записался в колледж. Потом Мириам подарила ему портфель. А на деньги, одолженные у Валлида, Мохтар купил ноутбук. Собрал средства для голодающих в Сомали. И потерял. Омар одолжил ему денег для «Исламской помощи», и теперь Мохтар задолжал четыре тысячи

сто долларов.

В общем, он работал консьержем, изо дня в день сидел за стойкой в «Инфинити» и вибрировал. Думал о том, как утекает время. Его друзья поступали в магистратуру. Младший брат Валлид вот-вот закончит Университет Калифорнии в Дейвисе. Мохтару исполнилось двадцать пять лет, и за душой у него было всего четыре семестровых курса в двухгодичном колледже.

Он был консьержем. Он слушал банальности и непристойности жильцов «Инфинити». Недавно одна женщина в вестибюле пятнадцать минут проговорила по телефону – бесстыдный разговор про секс. Знала, что Мохтару слышно, стояла в каких-то пяти футах от него. Она плевать хотела, или ее это развлекало, или даже привлекало – живописно изъясняться прямо перед ним. Хуже она или лучше жилички, которая с нажимом объявила ему, что заказала доставку фарфора на восемьдесят тысяч долларов? Зачем Мохтару это знать? В праздники она подарила ему двадцатку и печенье.

Но он был благодарен, что получает зарплату. Благодарен, что работает в чистоте и безопасности, что работа его не трудна и не рискованна. Кое-какие его друзья сидели по тюрьмам. Другие работали в лавках Тендерлойна и всегда держали под рукой дробовик. А Али Шахин, пацан с внеклассных занятий у Туканов, сын имама, погиб. Съездил в Мекку, вернулся в Сан-Франциско, а не прошло и нескольких недель, как его нашли у стадиона «Кэндлстик-парк» – пять выстрелов в голову. Так и не выяснили, кто это сделал и почему.

Мохтар сидел за стойкой в «Инфинити», понимая, что на месте Али Шахина мог оказаться и сам. У них с Али все знакомые общие. Они оба видели одно и то же, поддавались одним и тем же соблазнам. Мохтар, живой и здоровый, сидел в «Инфинити» и был благодарен. Но хотел большего. Просто не знал чего.

Вот Джастин хотел импортировать оливки. С Джастином Ченем Мохтар подружился в Университете Калифорнии в Беркли – Джастин тоже считал, что Мохтар там учится. Время от времени Джастин заходил и сидел на белом кожаном диване в вестибюле «Инфинити». Мария не разрешала вестибюльным представителям принимать гостей, но Джастин мог сойти за велокурьера, и они с Мохтаром убивали так по полчаса – Мохтар в своем синем костюме витал между стойкой и дверями, впускал и выпускал жильцов «Инфинити», а Джастин рассуждал об оливковом масле.

Джастин доучивался, вот-вот получит диплом по

конфликтологии, но на самом деле он хотел выращивать оливки. Мохтар слушал, забавляясь и раздражаясь. Да что Джастин знает про оливковое масло? Джастин хотел купить землю в Калифорнии, выращивать оливки, продавать оливковое масло. Оливковое масло *высшего сорта*, говорил он. Джастин изучил систему поставок и придумал, как ее улучшить. Мохтар не знал, что на это сказать. Никакой сельскохозяйственной родни в Калифорнии у Джастина не было. С чего вдруг оливки? Он же вроде когда-то хотел стать полицейским? И где он возьмет деньги на оливковую ферму?

Иногда заглядывала Мириам. В колледже она доучилась и теперь помогала родителям с их бизнесом, «Рынок и продукты Теда» на углу Хауард и Одиннадцатой. Иногда Мириам развозила продукты по клиентам, и когда заказывали из «Инфинити» или окрестностей, она приезжала к Мохтару и сидела с ним, пока не заявлялась Мария.

Роман их длился год, а то и меньше. Препятствия очевидны. Мохтар из консервативной йеменской семьи, а йеменцы – самое замкнутое из всех арабских сообществ. Чтобы американский йеменец заключил брак за пределами сообщества – это почти небывалое дело. Большинство йеменских друзей Мохтара, и женщин, и мужчин, вступали в браки по уговору на родине. Обычная история: возвращаешься в Йемен, женишься на той, кого тебе нашли родители, на уроженке Ибба, или Саны, или Адена, поскольку семьи ваши знают друг друга веками. Редко случалось, чтобы американский йеменец свел знакомство и заключил брак с американской йеменкой, и неслыханно – чтобы американский йеменец женился на женщине, у которой мать палестинка, отец американский грек и ярый поклонник Джерри Гарсии[8], и притом оба христиане. Не бывает такого.

Поэтому Мохтар и Мириам осторожничали. Не торопились, не увлекались, вечно озирались, боясь, что отец Мохтара застанет их, колеся по городу на своем автобусе. Они флиртовали много недель, но в конце концов признались друг другу, что чувства у них романтические, всю ночь прогуляли по городу и в итоге вышли на Оушен-Бич, куда Мохтар давно хотел ее отвести. Ночь была ясная, песок теплый после солнечного дня, и все было хорошо, пока не настало три часа ночи и они не вышли к автобусной остановке. Когда автобус уже подъезжал, Мохтар вспомнил – как он мог забыть? – что это отцовский маршрут, 5-Фултон, и если отец увидит его с Мириам, беды не миновать. Так

что они бежали с остановки и прошагали много миль пешком до ее дома.

Теперь Мохтар больше ценил их дружбу. Мириам была настоящий боец, и он тоже хотел стать бойцом. Мириам боролась за него. Она боролась с любой несправедливостью. Ее возмущало положение Палестины, возмущала иммиграционная политика Госдепартамента США. Мириам говорила Мохтару: не молчи. Участвуй. Она не знала страха. Любое зло, местное или глобальное, лишь придавало ей отваги. Не выносила она только бездействия и безмолвия, и всякий раз, видя ее в вестибюле «Инфинити», где они сидели и говорили о мечтах – или отсроченных мечтах, – Мохтар чувствовал в себе силу, воодушевление и сильнее ненавидел нынешнюю свою жизнь, в которой он открывал двери богатым чужакам.

Особенно если учесть, что еще была кнопка. Прямо рядом с телефоном – она всегда там была. Если нажать кнопку, стеклянные двери в двадцати двух футах от стойки открывались. Быстро, тихо, элегантно. Мохтар заметил бы гостя еще на тротуаре, нажал на кнопку и распахнул двери к его приходу. Более того, кнопка открывала *обе* двери. Вручную обе двери не откроешь. Слишком тяжелые и большие. А если кнопкой, жильцы могли прошествовать в замечательно просторные и гостеприимные стеклянные врата без малейших препон. Жильцы вступили бы в вестибюль, и там бы Мохтар, вестибюльный представитель, их приветствовал. Он был бы только рад. Ему ничего не стоило поднять голову и сказать «здравствуйте». Но выпрыгивать из-за стойки, мчаться сломя голову, вывалив язык на плечо, чтобы просто толкнуть дверь, которая открывается кнопкой, – это явное издевательство, и оно оскорбляло его гордость. Особенно когда жильцы миновали вестибюль, входили в лифты и возносились в далекую высь, в квартиры, которых Мохтар никогда не видел.

0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0

Книга II

Глава 10
Статуя

Как-то раз Мириам ему написала. «Видел, что у тебя через дорогу?» Мохтар не понял. «У тебя там через дорогу статуя йеменского чувака с большой чашкой кофе», – объяснила Мириам. Она только что отвозила заказ из отцовского продуктового в дом напротив «Инфинити» и во дворе обнаружила огромную статую мужчины в таубе и с гигантской кружкой. «Наверняка это что-то значит, – написала Мириам. – Может, это твоя судьба». Имея в виду: «Мохтар, тебе двадцать пять. Пойми уже, куда идет твоя жизнь».

Он работал в ста двадцати футах от статуи, но никогда ее не видел. Статуя оказалась исполинская – футов двадцать высотой. Мужчина шагал, отпивая из гигантской кофейной чашки. Насчет исторической достоверности Мохтар усомнился – мужчина был то ли йеменец, то ли эфиоп, – и что у него за прелестные цветочки такие на таубе? Как будто человек напялил душевую занавеску или заделался хиппи. Никакой уважающий себя араб не наденет тауб в цветочек.

Но Мохтар зашел в здание, в вестибюль напротив своего вестибюля, и там обрамленные фотографии с подписями рассказывали всеохватную историю кофе в Соединенных Штатах. Здание построили братья Хиллз, Остин и Р. У., которые в конце XIX века создали компанию «Фабрика „Арабский кофе и специи“», импортировали кофе. Привозили его в Калифорнию со всего света, обжаривали и распространяли на Западе.

Но проблема была в свежести. Лишний день в трюме, в вагоне или в дороге – и кофе портился. Все изменилось в 1900 году, когда Р. У. ненароком открыл способ удалять воздух из упаковок. Появились вакуумные упаковки, которые дольше сохраняли свежесть кофейных зерен, и в кофейном бизнесе случилась революция. Братья Хиллз добились феноменального успеха и способствовали популяризации кофе в Соединенных Штатах. Их логотип с графическим изображением статуи был известен всем, их независимая компания процветала на протяжении столетия. Спустя много лет после того, как братья умерли, а компания перешла к их потомкам и чужим людям, «Братьев Хиллз» продали «Нестле». А та продала их «Саре Ли». А та – «Массимо Занетти Беверидж США». В 1997 году компания

уехала из Сан-Франциско и перевезла свою штаб-квартиру южнее, в Глендейл.

Но статуя так и осталась во внутреннем дворике, и Мохтар ушел оттуда в изумлении. Кофе и Йемен. В голове промелькнул призрак воспоминания. Вечером на Острове Сокровищ Мохтар рассказал матери про статую. Мать рассмеялась:

– У нас в роду кофе был веками. Не помнишь дедушкин дом в Иббе? Там во дворе росли кофейные деревья. *До сих пор* растут. Ты не знал, что экспортировать кофе первыми начали йеменцы? Йеменцы, по сути, изобрели кофе. Не знал?

Мохтар с головой нырнул в исследования. Дома, читая с телефона, он погрузился в тему и вскоре наткнулся на давнишний спор о происхождении кофе и соперничество двух стран, Эфиопии и Йемена, за первооткрывательство.

По общему мнению, самый ранний миф о происхождении кофе – история об эфиопском пастухе по имени Калдим. Дело было так: Калдим пас коз в полях, и там они щипали любую растительность, какую найдут. Каждую ночь Калдим укладывался спать подле своего стада, и все было тихо-мирно, но как-то ночью, в очень поздний час, когда козам полагалось отдыхать, они бодрствовали. И не просто бодрствовали – они скакали, вставали на дыбы, блеяли. Калдим растерялся. Думал, в них вселился бес. Но вскоре выяснилось, что козы наелись зерен с ближайших кустов. Зерна были кофейные. И когда Калдим поел их сам, на него они произвели такое же действие – внезапно его обуяли приток сил и ясность ума. Калдим открыл кофейные зерна.

Стоп. Нет. Не кофейные зерна, сообразил Мохтар. Козы ели кофейные *ягоды*. Кофейные зерна – они *внутри* кофейных ягод, которые растут на раскидистых зеленых деревьях. Совсем созревшие кофейные ягоды красные и похожи на виноградины. Мохтар видел в интернете фотографии – груды красных ягод, громадные такие рубиновые бусины. Кофе – ягода! Это Мохтар помнил – как он собирал красные ягоды, как будто вишни такие, с деревца у дедушки в саду. Вишни эти были съедобные. Мохтар помнил, как их ел – было сладко – и выплевывал косточки. А косточки – это и был кофе! Вот теперь все понятно. Кофе – ягода с дерева, которое обычно цветет раз в год, а внутри каждой ягоды кофейное зерно. И обычно мы видим две половинки зерна – крошечное зернышко, овальное и с продольным желобком посередине. Две половинки зерна, завернутые в мякоть ягоды размером с виноградину.

Но сначала это зерно надо извлечь из ягоды. Сверху на ней красная кожица. Потом белая мякоть. Потом зерна обволакивает клейковина, а потом серебристая пленка. Зерно зеленое, иногда желтое, и твердое – зерно как зерно. Кофейное дерево можно вырастить из любого необжаренного кофейного зерна! Ну конечно. А про это кто-нибудь знает? Помнит? Мохтар вот не знал – а кто знал? И кто знает, при чем тут йеменцы?

Мало кто в курсе, что кофе появился на Аравийском полуострове. Существует два основных сорта кофе, робуста и арабика, но считается, что арабика гораздо вкуснее робусты, и арабикой она зовется, потому что появилась в Аравии, а точнее, как выражались римляне, в *Arabia Felix* – Аравии Плодородной. То есть в Йемене. По легенде, впервые кофейные зерна сварили в Мохе, портовом городе на йеменском побережье. Столетиями после того, как родился и умер пастух Калдим, эфиопы жевали зерна и делали из них слабый отвар, но впервые по-настоящему сварил их и сделал некое подобие того, что мы теперь называем кофе (тогда это называлось *кава*), Али ибн Омар аш-Шазили, святой суфий из Мохи. Он и другие суфии использовали этот напиток в зикрах, церемониях памятования Бога, которые длились далеко за полночь. Кофе доводил суфиев до некоего религиозного экстаза, а поскольку суфии много странствовали, они принесли кофе во все уголки Северной Африки и Ближнего Востока. Турки переименовали «каву» в «каве», которое в других языках и превратилось в «кофе».

Аш-Шазили прозвали Монахом из Мохи, а Моха стала основным портом отбытия всего кофе, что выращивался в Йемене и предназначался для чужедальних стран. Сама Моха – сухой и бесплодный прибрежный район, кофе там не растет, и, однако, слово «моха» – мокка – стало синонимом кофе. Кофе выращивали во внутренних районах страны, в горах, с использованием уникальных террасных систем и ирригации. Ягоды привозили в Моху на обработку и экспорт, а Моха стала цветущим торговым городом – и торговали там не только кофе. Он, впрочем, был главным двигателем торговли в порту, товаром до того ценным, что экспорт кофейных саженцев считался преступлением. При попытке вывезти саженец из порта людей арестовывали и казнили за государственную измену.

По всей Аравии расплодились первые кофейни; они назывались *каве кане* и славились оживленными дискуссиями, музыкой, а порой занятиями, на которые многие смотрели неодобрительно, – проституцией, азартными играми и критикой местных властей. Нередко власти закрывали эти кофейни, видя в них зародыши крамолы. В 1511 году наместник Мекки

прослышал, что из кофеен пошли стишки, в которых над ним насмехаются, и повелел все кофейни закрыть. Впрочем, запрет продержался недолго. Слишком велик был спрос.

«Кто все это знает?» – гадал Мохтар. Спроси на улице первого встречного, где появился кофе, и первый встречный ответит, что в Париже. Или в Африке. Или в Колумбии, или на Яве. Но кто скажет, что в Йемене? Про Йемен весь мир теперь знает только две вещи: терроризм да беспилотники. После взрыва эсминца «Коул» в порту Адена Мохтар смотрел, как страна его отца и матери превращается из Аравии Плодородной в один из самых опасных регионов на земле, где формируются ячейки «Аль-Каиды» и ИГИЛ, а американские беспилотники безжалостно нейтрализуют обе эти угрозы.

А кофейный бизнес в Йемене все равно что скончался. Эфиопия – родина первого кофейного дерева, Йемен – родоначальник культивации и торговли кофе, но в последние полвека в регионе доминировала Эфиопия. Эфиопия теперь стала четвертым по масштабу производителем кофе в мире, а про Йемен все практически позабыли – импорт кофе микроскопический, качество решительно непредсказуемо. В середине девятнадцатого столетия Йемен экспортировал семьдесят пять тысяч тонн кофе в год, а к двадцать первому веку производил всего одиннадцать тысяч, и лишь четыре процента этого объема отвечали требованиям к высшему сорту. Но даже если закрыть глаза на качество, Йемен дается западным путешественникам с трудом. В горных кофейных районах неформально правят местные племена и вооруженные группировки, чьи передвижения обычно представляют угрозу для туристов, экспортеров, вообще для всех. Если выбирать между Эфиопией и Йеменом, большинство специалистов выберут кофе из Эфиопии – гораздо проще и не так рискованно.

Еще один фактор – кат. Мохтар знал кат, любил кат. В США кат под запретом, но в Йемене это ключевой элемент повседневности практически любого мужчины. Кат – это длинные листья, которые, если их помногу жевать, дают легкий наркотический эффект; растет кат в том же климате, что и кофе, а прибыль несравнимо выше. То есть йеменским крестьянам культивировать кофе интереса толком нет. В основном кофе экспортировали в Саудовскую Аравию, что приносило так себе доход, а кат стоил дороже и продавался на месте. В подобных рыночных условиях кофе занималась относительно небольшая группа йеменских фермеров, увлеченных, но плохо обученных.

Обучение – последний и решающий фактор. Кофейный бизнес почти никому не приносил прибыли, поэтому четкие

практики культивации и сбора кофе высших сортов давным-давно утеряны. Кофе собирали и хранили не пойми как, и считалось, что йеменский кофе – некогда первый культивируемый кофе в мире – хуже любого другого кофе из любого другого региона.

Глава 11
План
Часть 1

Мохтар был благодарен Мириам и в благодарность доводил до скучливой зевоты и ее, и Джастина, и Джереми, и своих родных на Острове Сокровищ, каждый день взахлеб оповещая их всех о том, как продвигаются его планы стать кофейным импортером. Он все записал на бумаге. И не просто на бумаге. Он взял большой рулон белой бумаги, какие обычно вешают на флипчарты, и таскал этот рулон с собой с утра до ночи не один месяц, писал заметки и планы, предъявлял это все друзьям, разъяснял им не только историю йеменского кофе, но и свою роль в его возрождении. Начал он со SWOT-таблицы[9] – в 2013 году все серьезные предприятия начинались со SWOT-таблицы.

В графе «Сильные стороны» он написал:

Огромное генетическое разнообразие кофе

Идеальный микроклимат

Высота над уровнем моря

Историческая значимость

В графе «Слабые стороны» он написал:

Нет инфраструктуры

Недостаток данных

Много дефектов

Невозможно отследить происхождение

«Возможности» он перечислил такие:

Историческая значимость

Никто больше не занимается *specialty*-кофе[10] в Йемене

Поиск и возрождение древних сортов

А «Риски» такие:

«Аль-Каида»

Коррупция во власти

Пираты Красного моря

Племенные раздоры

Эндрю Николсон (?)

Что еще за Эндрю Николсон? Всякий раз, читая про кофе в Йемене, Мохтар натыкался на это имя – Эндрю Николсон. По всему судя, этот американец из Луизианы неведомо почему переехал в Йемен, в столичную Сану, и начал экспортировать йеменский кофе под маркой «Райян», что по-арабски означает

«райские врата». Похоже, Николсон занимал ту нишу, где надеялся обосноваться Мохтар. Но еще один американец в этом бизнесе, в Сане, может оказаться невероятным подспорьем. Экономия за счет масштаба, общие контакты, ресурсы, товарищество.

– Я все понял, – объявил Мохтар Мириам. – Я буду возрождать искусство йеменского кофе, и он опять воцарится по всему миру.

«Господи Иисусе», – подумала Мириам.

Но Мохтара она поддерживала. Его поддерживали все. Особенно увлекся его друг Джулиано. Познакомились они в первый год учебы в старших классах. Джулиано был единорог – подросток, который самостоятельно принял ислам. Вырос он в итальянской католической семье в Норт-Бич, родители развелись. С деньгами было туговато, но семья не жаловалась, и Джулиано рос счастливым и любопытным ребенком. Родители сильно растерялись – но, в общем, не удивились, – когда их единственный сын объявил, что принимает ислам. Ему исполнилось пятнадцать, и почти все сведения о вере он почерпнул в книжке «Ислам для чайников».

Религия заинтересовала его за несколько лет до того, когда люди стали принимать его за араба. «Ты на вид мусульманин, – говорили ему. – Ты араб?» Арабоязычные приветствовали его радушным или небрежным «салам алейкум». В конце концов Джулиано повнимательнее глянул в зеркало – хотел понять, что же они все видят. «Что-то в этом есть, – подумал он. – Я, пожалуй, и впрямь будто с Ближнего Востока». С этого и началось, таков был странный катализатор, обративший его в ислам, – получилось шиворот-навыворот, он стал мусульманином, потому что толпа людей предполагала, что он мусульманин. Джулиано взялся изучать ислам и принял религию. Ислам дозволяет самопровозглашенное принятие веры – можно стать мусульманином, просто взяв на себя личное обязательство, вообще без формальных церемоний, поэтому в один прекрасный день Джулиано объявил себя мусульманином и свой первый Рамадан провел в «Бургер Кинге».

Впрочем, Джулиано и Мохтара связывал не только ислам. В старших классах оба были на мели и обнаружили друг в друге талант отыскивать в городе бесплатные развлечения. Ходили на Пристань донимать туристов; искали оброненные доллары. Но в основном болтали про книжки и еду. Джулиано, воспитанный итальянскими родителями, в еде понимал и водил Мохтара к себе на домашнее ризотто. Они обсуждали Геродота и Эдварда Саида[11] и делали вид, будто понимают «Государство» Платона.

Оба они были самоучками и через кухню познавали неведомые страны и истории. Они приходили в ресторан отца Джулиано – одно время тот владел рестораном, кафе «Микеланджело», но прогорел и снова пошел работать официантом, – читали в меню «вяленые на солнце сливы», и это давало толчок исследовательской работе. Где выросли эти сливы? В Тоскане? Это во Франции или в Италии?

Они сами изучали историю, философию, а поскольку их надолго оставляли без присмотра, оба повзрослели быстро. В девятнадцать лет Джулиано влюбился в американскую пакистанку Бениш. Та была кареглаза и прекрасна, тоже уроженка Сан-Франциско, – познакомились они сразу после школы, – и хотя оба понимали, что хотят пожениться, Джулиано сознавал, что его родители, да и ее тоже, сочтут, что они слишком торопятся. А то и что похуже: Джулиано боялся, что им помешает некая непреодолимая межкультурная пропасть. Вдруг пакистанский отец не разрешит ей выйти за девятнадцатилетнего итальянского неофита? Вдруг предстоят серьезные проблемы, какие-нибудь разговоры об убийствах чести? (Разум Джулиано, купаясь в любви, порой навещал странные пределы.) Но родители Джулиано с готовностью согласились, а когда он попросил руки Бениш у ее отца, тот тоже дал согласие и попросил родить ему внуков. Джулиано и Бениш поженились у нее дома – Мохтар принес ладан и мирр – и переехали в квартиру в Норт-Бич. Их первый ребенок, Сауда, родилась спустя три года.

К тому времени Мохтар работал в «Инфинити», а Джулиано водил такси в «Убере». После работы они расслаблялись, тягая веса в «Фитнес 24 часа», а перед тренировкой пили кофе. Джулиано был знаком с кофе с детства и обучал Мохтара, как пьют кофе итальянцы – на ногах у стойки, потягивают эспрессо, чуточку сахара, ни капли молока. Джулиано отвел Мохтара в новую кофейню «Голубая бутылка» в Паромном порту.

– Ничего более похожего на настоящий итальянский эспрессо ты не найдешь, – сказал ему Джулиано, и они стояли, изо всех сил изображая итальянцев, и глотали по два-три эспрессо подряд, накачивались кофеином перед тяжелой атлетикой.

Эта «Голубая бутылка» располагалась в двух шагах от здания «Братьев Хиллз», куда импортировали кофе, где его обжаривали, а потом отправляли по всему американскому западу. Многовато совпадений, решил Мохтар, – все яснее и неопровержимее, что такова его судьба, что он нашел свое призвание. Нет. Не просто

призвание. В те первые дни Мохтар называл это *миссией* и старался не проговориться, что им руководит Аллах. Но сам в это верил.

Он воображал, как мотается по йеменской глубинке, приносит фермерам знания и благосостояние, а с собой увозит чудесные красные ягоды на экспорт. В его новой жизни будут самолеты, и лошади, и пароходы, со своей историей он войдет в пантеон кофейных изыскателей, благодаря которым кофе теперь растет по всему миру и популярен во всех уголках земного шара. Повсюду таская с собой SWOT-рулон, Мохтар видел себя частью исторического кофейного континуума, четкой временно́й шкалы, которую оживляла череда странствующих авантюристов – почти сплошь, так уж вышло, нечистых на руку.

Первым был Баба Будан. Этот суфий из города Чикмагалур, расположенного в нынешней индийской области Карнатака, в XVI веке отправился в Мекку совершить хадж. На обратном пути через Йемен он открыл для себя кофе, к тому времени уже известный как «вино ислама». Восхищенный Баба Будан возмечтал привезти кофе в Индию, да только это запрещалось. Обжаренные зерна – пожалуйста, покупай, сколько унесешь, но ни единого саженца, ни одной ягодки арабы продавать не желали.

Так что Баба Будан их украл. Примотал семь ягод к животу и закутался в халат, скрыв свое сокровище под складками. В Индии он посадил зерна в горах Чандрагири, и из этих семи зерен выросли миллионы деревьев арабики. Сейчас Индия на шестом месте по производству кофе, а Баба Будан почитается как святой.

Голландцы тоже хотели покинуть берега Йемена с кофейным саженцем. Кофе впервые пришел в Европу в 1615 году, из Мохи в Венецию, и использовали его в медицинских целях. Потом его стали пить в обществе, обычай распространился в некоторых областях Европы, а монополию на торговлю с Мохой держали венецианцы. Голландию, бывшую тогда великой морской державой, это не устраивало. Абсурдно, что товар такой ценности выращивается и контролируется столь немногими в одном-единственном крохотном порту Аравии. Поэтому в 1616 году голландец по имени Питер ван ден Брукке, который ходил в Моху, работая на Голландскую Ост-Индскую компанию, успешно украл там саженцы и тайно вывез в Голландию, где их посадили в Амстердамском ботаническом саду.

Саженцы в саду прижились, но голландский климат не подходил для масштабной культивации кофе. Лишь в 1658 году кофе привезли в голландскую колонию Цейлон, а позднее на Яву, тоже голландскую территорию, и там он расцвел. Вскоре Ява стала основным поставщиком кофе в Европу, и Моха сдала свое

первенство.

Голландцы берегли монополию не менее рьяно, чем йеменцы, бдительно охраняли плантации на Яве, препятствовали любому экспорту саженцев или ягод. Полвека они контролировали европейский рынок, пока в этот бизнес не вклинились французы – чему помог нелепый экономический самоподрыв со стороны бургомистра Амстердама. В 1713 году он подарил королю Людовику XIV кофейное дерево. Это подарок, заявил бургомистр, а не зерно будущей индустрии, и французы годами соблюдали уговор и держали дерево в парижском Саду растений. Полюбоваться деревом можно было издали, чем посетители в основном и занимались, никому в голову не приходило ухищряться, чтобы что-то своровать. Только вот человек по имени Габриэль-Матьё де Кльё имел на него виды.

Де Кльё был французским морским офицером и хотел привезти кофе в Вест-Индию, на французскую территорию, которая считалась подходящим кофейным регионом, под стать Яве. Он вышел в море в 1723 году на корвете «Дромадер», но спустя две недели, у берегов Туниса, его судно атаковали пираты. «Дромадер», впрочем, был хорошо вооружен, и пиратов отвадили его двадцать четыре пушки. В нескольких сотнях миль от острова Мартиника судно пострадало в шторме и дало течь. Чтобы «Дромадер» не затонул, пришлось выбросить за борт груз – в том числе львиную долю питьевой воды. Весь остаток пути воду выделяли команде очень строго, и де Кльё пришлось делиться своим рационом с кофейным саженцем, по капле. На Мартинике де Кльё высадил этот саженец, а тот родил сотни других, и де Кльё рассадил кофе по всему острову. Кофейные плантации разрастались в геометрической прогрессии и вскоре вытеснили прежнюю дойную корову Мартиники – какао. Де Кльё стал героем, а французы получили монополию на кофейное производство в Западном полушарии. До поры до времени.

Франсиско де Мело Пальета был подполковником бразильской армии, а Бразилия в тот период еще находилась под властью Португалии. Португальцы очень хотели втиснуться на быстрорастущий кофейный рынок и считали, что выращивать кофе в Бразилии – самое оно. Однако заполучить саженцы им никак не удавалось.

Французы уже культивировали кофе не только на Мартинике, но и во Французской Гвиане, и в 1727 году эта колония ввязалась в пограничный конфликт с Суринамом, Голландской Гвианой, что за рекой Ояпок. Желая уладить конфликт, обе колонии попросили о посредничестве якобы беспристрастных бразильцев, и Бразилия прислала Франсиско де Мело Пальету. Ему тогда уже

стукнуло пятьдесят семь, но он сохранил красивую и романтическую наружность, и обаяние его по-прежнему действовало на женщин. Пальета приехал в Кайенну, столицу Французской Гвианы, и там выступил посредником на переговорах французского и голландского губернаторов по вопросу о спорной границе. Вот только на самом деле приехал он не за этим. Он замышлял раздобыть в Кайенне кофейный саженец. Но кофейные плантации неусыпно охранялись, а Пальету все знали – шпионскую миссию он бы не потянул.

Пальета решил действовать иначе – он соблазнил жену губернатора Мари-Клод де Вик де Понжибо. Она так им увлеклась, что на торжественном обеде, который власти закатили в его честь за то, что он утряс проблему с границей, она подарила ему букет цветов, куда спрятала столько кофейных ягод, что хватило бы на целую плантацию.

Первые кофейные зерна Пальета посадил в бразильском штате Пара и через семь лет получил тысячи крепких деревьев. Они заложили фундамент бразильской кофейной индустрии, которая к 1840 году составила сорок процентов мирового производства кофе. Одним из крупнейших рынков бразильского кофе стали развивающиеся колонии Северной Америки. Голландцы привезли туда кофе в XVII веке, и он пользовался некоторой популярностью, но неизменно делил первенство с чаем. Однако трения между колонистами и Британской короной росли, налоги на чай становились все обременительнее, и для колонистов чай обернулся символом британского ярма.

16 декабря 1773 года сотни колонистов, в основном одетых коренными американцами, встретили четыре судна Британской Ост-Индской компании в Бостонской гавани и свалили за борт весь чай, который эти суда привезли. Американские чаепития изменились до неузнаваемости. Новоиспеченное государство избрало себе другой стимулятор, кофе, и покупало его главным образом у голландцев (отсюда и расхожее обозначение кофе «ява»). Популярность кофе скачкообразно росла до двадцатого столетия, когда массовое производство, усовершенствованные методы хранения и упаковки – за что во многом спасибо братьям Хиллз, – а также спрос, вызванный Первой и Второй мировыми войнами, превратили Соединенные Штаты в крупнейшего потребителя кофе на планете. К двадцать первому веку американцы выпивали двадцать пять процентов всего производимого кофе, к 2014 году кофе стал одним из самых ценных сельскохозяйственных продуктов в мире, бизнесом на семьдесят миллиардов долларов, а ягоды выращивались в Колумбии, Вьетнаме, Камбодже, Кении, Уганде, Гватемале,

Мексике, Эфиопии, на Гавайях и на Ямайке.

Однако Йемен, который первым завел моду выращивать кофейные деревья, ныне был крошечным игроком на мировом кофейном рынке, и никто его толком не замечал. Мохтар считал, что в силах это изменить. Но сначала ему нужно было повидаться с Гассаном Туканом.

Глава 12
Мудрый совет Гассана Тукана
Часть 2

Гассан Тукан занимал мысли Мохтара. Едва заходила речь про деньги или бизнес, Мохтар первым делом думал про Гассана.

Поучив – ну, попытавшись поучить – юного Мохтара Альханшали, Гассан пошел в Университет Калифорнии в Сан-Хосе, решив получить диплом и запустить собственный ИТ-стартап. Но программа ползла еле-еле, и преподаватели – в тот период в основном переученные математики – за временем не поспевали. Ничему полезному научить своих подопечных они не могли. Гассан бросил университет и открыл консалтинговую компанию – собирал и апгрейдил компьютеры для друзей. Между тем он работал в магазине мобильных телефонов на Маркет-стрит в Сан-Франциско. Родители его рассчитывали, что сын станет бакалавром, а может, и магистром. Когда сын бросил учебу и пошел работать в магазин мобильников в сомнительном квартале на Маркет, они были в ужасе.

Но у Гассана имелись замыслы. Вдвоем с другом они написали торговую интернет-платформу и создали собственную компанию, которую спустя время за приличную сумму купил один гигант электронной торговли. Гассан пока что не гарантировал себе безбедное и бездельное существование, но добился очень многого, и Мохтар внимательно за ним следил. Все эти годы он не терял связи с Гассаном и теперь, загоревшись своим кофе, захотел поговорить с самым успешным предпринимателем, которого знал.

Они условились встретиться в кофейне «Фор бэррелз» в Миссии. Гассан приехал первым и думал, что Мохтар опоздает, но тот, удивительное дело, явился вовремя. И притащил картинную раму. «Рама? Серьезно?» – удивился Гассан. Серьезно, ага. Мохтар принес на встречу картину в раме. Огромную.

– Ты посмотри, – сказал Мохтар и предъявил картину.

Оказалось, это копия англоязычной газеты 1836 года. На первой полосе гравюра – древний порт Моха. Мохтар пустился в долгий и извилистый монолог про кофе, Йемен, порт Моху, двойное написание – а Гассану, кстати, как больше нравится, Моха или Мокка? – и как он обнаружил свою связь с этой историей, и как он планирует импортировать кофе, возродить

древнее искусство и роль кофе на своей исторической родине. Гассан не знал, что сказать. Мохтара совсем растащило.

– А бизнес-план у тебя есть? – спросил Гассан.

Мохтар предъявил бизнес-план – театрально, как предъявлял газету. Взору Гассана предстала пачка разноцветной бумаги в дюйм толщиной – сногсшибательный гибрид манифеста, исторического экскурса, кладбища идей и проповеди.

– И вот, – сказал Мохтар, ткнув пальцем в страницу с маркированным списком пунктов. Если есть маркированный список пунктов, подразумевал он, есть и бизнес-план, притом отличный.

Гассан посмотрел. Попытался прочесть. В конце концов вдохнул поглубже и сказал:

– Мохтар, давай я скажу честно. Я такого голимого бизнес-плана в жизни не видал.

Однако Гассан видел, что здравое зерно тут есть. Видел, какая страсть пылает в глазах у Мохтара и на этих страницах. Бизнес-план нужно переписать с нуля, но история вроде осмысленная. Название придется поменять. «Монах из Мохи» – это не название, какую орфографию ни выбери. Кто тут монах? Мохтар, что ли, монах? С чего это Мохтар вдруг монах?

– Нет. Не я монах, – сказал Мохтар. – Мужик один, из книжки, которую я… Сотни лет назад был такой монах в порту Моха, и он…

– Забудь. Забудь про монахов, – сказал Гассан. – Никаких монахов. Сосредоточься на кофе. Сосредоточься на бизнесе. Вообще-то, если так подумать, тебе надо сделать выбор. Ты бизнесмен или гражданский активист? Выбери что-то одно, хотя бы для начала.

Страницы у Мохтара пухли от просветительских порывов, романтических рассуждений о межкультурном сотрудничестве, о том, что мир должен узнать красоту Йемена – Йемена без терроризма и беспилотников.

– У тебя тут не общественная организация, – сказал Гассан. – Открой настоящий бизнес – и всё будет. Клиенты узнают Йемен через потребление продукта. А ты тем временем станешь нанимать реальных йеменцев. Сделаешь что-то осязаемое. И заработаешь денег. И не будешь ходить с протянутой рукой. И не нужно привязываться к исламу. Ты не исламским кофе торгуешь. Торгуй йеменским. Займись этим, работай хорошо, а остальное само подтянется.

Гассан ушел со встречи, через несколько дней уехал в Мекку, в хадж, а оттуда в Японию – был сезон цветения сакуры, он обожал цветущие сакуры, – и все это время он раздумывал о

Мохтаре и его бизнес-плане.

В кофе Гассан кое-что смыслил. В мир спешелти-кофе его втянуло много лет назад; в Сан-Франциско уклониться от этого почти невозможно, почти невозможно не стать хотя бы дилетантом, как невозможно не научиться пристойно понимать в технологиях и вине. Но в кофейном бизнесе Гассан был просто клиентом – деловая сторона вопроса никогда его не занимала. Более того, за многие годы он успел поуговаривать десяток разных друзей *не* открывать кофейни. Не только Мохтар приходил к Гассану за бизнес-консультацией, и количество тех, кто хотел открыть кафе, просто пугало.

«Нет», – каждому говорил Гассан.

Они хотели создавать подлинно общественные пространства, зажигать искру нового Просвещения, сводить людей вместе в атмосфере…

«Нет. Нет, нет и нет, – говорил Гассан. – Нет».

Так он и проводил время: уговаривал бывших технарей, в остальном благоразумных и благополучных, не открывать кафе. Добиться от кафе прибыли почти без шансов, объяснял он. А что такое кафе в Сан-Франциско? Высокая рента и низкая маржа. С клиентами проблем не оберешься. Какой-нибудь чувак с клочковатой бороденкой по шесть часов торчит за столиком, лапает свой ноут и тянет одну-единственную чашку кофе, у которой какая маржа – двадцать центов? Не пойдет. Единственный способ заработать на кофе, говорил Гассан всем этим потенциальным рестораторам, – покупать свежие зерна, обжаривать их и продавать: контролировать цепочку поставок, диктовать цены, закупать кофе у источника. Вот там – да, там маржа.

Но заниматься такими вещами никто не хотел.

Никто – до Мохтара. И потому Гассан – прилетев в Саудовскую Аравию, а затем улетев, гуляя под цветущими сакурами в Киото – размышлял о том, что мысль у Мохтара здравая. Гассан знал, что йеменский кофе вроде хорош, но вывезти его из страны непросто. Если в Йемен поедет американский йеменец, он ведь станет естественным мостиком между неприступными горами и местным политическим дурдомом, с одной стороны, и мировым рынком кофейных зерен – с другой?

Много лет прожив в эфемерном мире программного обеспечения, Гассан искал чего-нибудь более трехмерного. Кофе можно понюхать, потрогать, попробовать на вкус. И кофе – товар широкого потребления, ему не страшна никакая рецессия. Не считая бензина, кофе, пожалуй, – самый кризисоустойчивый

товар. Топливо для машин, топливо для людей.

– Но ты давай-ка посерьезнее, – сказал Гассан Мохтару в тот день в Миссии. – Пойми хотя бы, о чем речь-то идет.

Глава 13
Прошлое, не совершённое

Мохтар понимал про «Голубую бутылку». В «Голубую бутылку» его водил Джулиано. Название Мохтар слышал годами, «Голубые бутылки» плодились по всему Сан-Франциско. С тех самых пор, когда Мохтар заговорил про свое будущее в кофейном бизнесе, люди советовали ему пойти в «Голубую бутылку», поучиться в «Голубой бутылке», и он планировал так и поступить, но сначала, будучи по натуре исследователем и эрудитом, он копнул глубже и нашел историю еще одной авантюры, еще одного человека, который, рискуя жизнью, привез кофе туда, где кофе еще не бывал.

В 1683 году Османская империя достигла вершины могущества и занимала громадную территорию Восточной и Центральной Европы. Триста тысяч османских турок осадили Вену. Шансов отразить атаку было мало, если не послать гонца в тыл противника и не попросить помощи у польской армии, стоявшей в 287 милях от Вены. Польская армия атаковала бы с тыла, а ве́нцы – в лоб.

Из своих рядов они выбрали молодого поляка по имени Юрий Франц Кульчицкий, который прежде жил в арабских странах и говорил по-арабски и по-турецки. Его переодели в мундир турецкого солдата и послали в ночь через расположение противника. Он добрался до польской армии и передал сообщение. Поляки пришли на помощь Вене, и вместе они сняли османскую осаду. Отступая, турки бросили почти все, что принесли с собой, в том числе двадцать пять тысяч палаток, пять тысяч верблюдов, десять тысяч быков и пятьсот мешков мелких и твердых зеленых зерен.

Поляки решили, что зернами полагается кормить верблюдов, но Кульчицкий знал, что это такое. Кофейные зерна – в арабских странах он видел, как их обжаривают и заваривают. В награду за героизм кофейные зерна отдали Кульчицкому, и он открыл первую кофейню Центральной Европы, которую назвал «Голубая бутылка». Там он стал варить кофе так, как научился в Стамбуле, и ждал успеха. Успех не пришел. Венцы к новому напитку не прониклись. Слишком крепкий, слишком горький. Чтобы смягчить вкус и спасти бизнес, Кульчицкий стал добавлять в кофе ложку сливок и немножко меда. И вот тогда в кофейню повалила

толпа. Напиток копировали и распространяли. Кульчицкий изобрел кофе по-венски и привел кофейни в Европу.

Примерно 320 лет спустя появился американец Джеймс Фримен, достойный стать королем кофейных чудиков. Некогда он был профессиональным кларнетистом – вторым кларнетом симфонического оркестра Модесто, штат Калифорния. Вдобавок он был любителем домашнего кофе и пуристом – его бесило, до чего кофе опошлился (тыквенные пряные латте, карамельные макиато). Фримен хотел вернуться к азам – хотел, чтобы клиенты познали вкус чистого кофе, который варят у них на глазах, чашку за чашкой. Он мечтал построить большую жаровню, эдакую глиняную печь с барабаном, работающую на мускульной силе человека (или собаки, уточнял он): к жаровне подключена беговая дорожка, человек бежит по ней. Со своим проектом Фримен посещал всяких оклендских чиновников, ответственных за планирование и здравоохранение, но те лишь передергивали плечами и поджимали губы.

В конце концов Фримен удовольствовался обжаркой на «Diedrich IR-7» – ее выпускали в Сэндпойнте, штат Айдахо, и работала она на обычном электричестве. Фримен открыл свою лавку в Хейс-Вэлли, где первым стал варить кофе очень медленно и методично, по капле, каждая чашка – сама по себе уникальное предприятие. Крошечная кофейня быстро превратилась из местной диковины в культовое заведение. Фримен нарек ее «Голубая бутылка».

Штаб-квартира «Голубой бутылки» теперь находилась в Джек-Лондон-сквер в Окленде. Каждое воскресенье «Голубая бутылка» проводила открытый каппинг – заходи кто угодно, смотри, дегустируй, анализируй вкусы всевозможного кофе.

В первый раз Гассан пойти не смог, и Мохтар привел Омара Газали, которому все еще был должен три тысячи долларов, – Мохтар надеялся, что Омар разглядит перспективы. Омар понимал во фруктах и ягодах (а кофе – ягода), Омар понимал в стартапах, Омар понимал в Йемене. Доход от своего фруктового бизнеса Омар инвестировал в производство футболок, разведение овец, телефонные карты. Новые возможности не вызывали у него отторжения.

В то воскресенье в «Голубой бутылке» собралось человек десять, и хотя Мохтар боялся и ожидал, что заведение окажется ужасно претенциозное, они с Омаром сочли, что кофейня гостеприимна и почти без снобистских замашек. Сотрудники

выставили на высокий стол стаканов сорок – в каждом свой кофе, своей обжарки и сорта. Потом показали, как оценивать вкус и качество, – зачерпываешь ложкой из стакана, подносишь к губам и не просто выпиваешь, а резко втягиваешь в себя. Вроде бы так кофе насыщается кислородом, и от этого раскрывается вкус. Сотрудники хлюпали, переходя от стакана к стакану, болтали кофе во рту, а потом выплевывали в другой стакан, высокий, который носили с собой.

Мохтар помалкивал. Он наблюдал. Но он видел, что Омару охота ухмыльнуться, или рассмеяться, или выйти за дверь и не возвращаться никогда. Кап-тестер переходил от стакана к стакану, хлюпая – громко, – а затем сплевывая, и невозможно было понять, как это поможет лучше оценить кофе. А чего не проглотить-то? Почему нельзя выпить больше ложки? И хлюпанье разве не отвлекает на каком-то элементарном уровне?

Но потом наступила очередь Мохтара, и он поднес ложку к стакану. Набрал лужицу коричневой жидкости и поднес к губам, гадая, с каким звуком сейчас хлюпнет. Получилось резко и пронзительно, и он ждал, что в кофейне кто-нибудь да засмеется, но никто не засмеялся, а Мохтар поболтал кофе во рту и прикинул, как описать вкус.

Хлебный? Он записал *хлебный*. С фруктовыми нотами? Про фруктовые ноты он в тот день наслушался, поэтому записал *фруктовые ноты*. Кто-то поблизости заметил, что уловил ноты шоколада, и Мохтар сказал, что тоже их уловил. Кап-тестинг вилял между прагматичным и непостижимым. Длилось все это час, и информации было столько, что не усвоить, – говорили о сортах, о вкусовых нотах, о первом крэке, втором крэке, светлой обжарке и темной обжарке, о гватемальском кофе и пяти слоях кофейной ягоды.

Голова у Мохтара отяжелела, душа приуныла. Он был мастер впитывать и переваривать громадные объемы информации, но это было чересчур. И однако после занятия он не удержался, подошел к ведущему Томасу Ханту и поделился своими планами. Сказал, что он из йеменской семьи, которая выращивала кофе веками, и вскоре поедет в Йемен возрождать забытое искусство и выводить йеменскую продукцию на рынок спешелти-кофе. Томас на словах поддержал, но отметил, что йеменский кофе считается грязным и неоднородным по качеству, а вывоз его из страны – задача, которая поставила в тупик немало опытных экспортеров и до Мохтара.

«Я смогу сделать кофе лучше, – подумал Мохтар, – и я смогу его вывозить».

Неизвестно, с чего он взял, будто это правда, будто это

возможно.

На следующей неделе Мохтар вновь пришел в «Голубую бутылку» и на сей раз привел Джастина, который все еще мечтал заняться оливковым маслом, и вдвоем они делали пометки, и участвовали в каппинге, и еще кое-что узнали, и снова после занятия Мохтар задержался, напомнил Томасу о себе и о том, что всерьез хочет возродить кофейное дело в Йемене, вывести йеменский кофе на рынок спешелти, выстроить международное сотрудничество, показать миру другой Йемен, а не сплошные беспилотники и «Аль-Каиду». И Томас, то ли поверив в Мохтара, то ли желая от него избавиться и отправить восвояси, упомянул некоего Грациано Круса, панамца, который делает то же самое для кофе Эфиопии, Перу и Сальвадора.

– Вам надо поговорить с ним, – сказал Томас.

– Как? – спросил Мохтар, мигом уверившись, что этот Грациано Крус – следующий хранитель тайн на его, Мохтара, геройском пути.

– Я вам пришлю его электронный адрес, – пообещал Томас.

Но не прислал.

Каждую неделю Мохтар приходил в «Голубую бутылку», участвовал в каппингах, и учился, и задерживался после занятий, и все списывал со всех белых досок, и всякий раз спрашивал у Томаса адрес Грациано Круса, и всякий раз Томас отвечал: «Извините, из головы вылетело» – и обещал прислать адрес назавтра, уверял, что Мохтару и Грациано очень нужно пообщаться, у них схожие миссии, им позарез надо познакомиться, – но каждую неделю у Томаса вылетало из головы.

Мохтар ходил и ходил в «Голубую бутылку», теперь и по будням тоже – Томас и прочие сотрудники пускали его, даже приставляли к работе на публичных каппингах, и довольно скоро Мохтар более или менее освоил азы.

Глава 14
Азы

Есть кофейное дерево. Кофейное дерево Мохтар знал.

Coffea arabica. Нечто среднее между кустом и деревом – судя по всему, называть можно двояко. Кое-кто называл кофейным растением. Вырастает порой до сорока футов, но это не идеал – в идеале надо ниже, от шести до десяти. Дереву требуется немало воды, растет оно в условиях высокой или частичной освещенности и в большинстве климатов цветет дважды в году – нежные белые лепестки, похожи на орхидейные. А когда отцветает, образуются ягоды; они желтые, затем зеленеют, затем краснеют, и если собрать их в нужный момент, из них получается лучший кофе. Но зерна прячутся внутри ягод. У ягоды, продолговатой, яркой и гладкой, как виноградина, пять слоев. Сначала кожица – красная поверхностная оболочка. Под ней мякоть, съедобный и даже сочный слой, жестче и тоньше, чем у винограда, но похожий по консистенции. Под мякотью очень тонкий слой клейковины, а под ней – пергаментная оболочка. Дальше еще один тончайший слой серебристой пленки, и, наконец, под всем этим – зерно, как правило, двойное, в цветовой гамме от зеленого до хаки.

Обычное кофейное дерево за один урожай дает около десяти фунтов ягод, и в большинстве стран все эти ягоды надо собирать вручную и складывать в корзину, которую таскает сборщик. Это только начало процесса, одного из самых сложных процессов обработки урожая, вполне возможно – сложнейшего из всех известных человечеству путешествий пищевого продукта от поля до стола.

Первым делом кофейные деревья, как любое крупное растение, нуждаются в заботе и уходе – их надо удобрять, защищать от вредителей и обрезать, чтобы ягоды вырастали в основном на нижних ветвях (так сборщикам не придется лазить по лестницам, и вдобавок на верхних ветках ягод всегда меньше).

Каждое здоровое дерево дает сотни, а то и тысячи ягод, и они созревают два раза в год, но не одновременно. То есть на каждой ветке висят ягоды разной степени созревания (что бесит), и лучшие (а кое-кто скажет «единственные») ягоды – красные, и собирают их на пике зрелости: чем они краснее, тем выше содержание сахара и лучше вкус. Поэтому сборщикам надо

подходить к делу осмотрительно. Срывать красные ягоды, желтые и зеленые оставлять, чтоб дозревали, а перезрелые убирать. Хороший сборщик наполняет тридцатифунтовую корзину за час, а в день – примерно двенадцать таких корзин, то есть собирает около 360 фунтов кофейных ягод за день. В идеале все эти корзины должны быть красны – полны тысяч красных ягод. Такова будничная работа сборщика: приглядеться, ущипнуть двумя пальцами, скрутить черешок.

Ягоды везут на обработку в центральное хранилище плантации. Небольшая плантация – по всему миру разбросаны десятки тысяч маленьких плантаций, некоторые всего по нескольку акров – зачастую обрабатывает свой урожай мощностями, которые делит с коллегами, крупные плантации справляются сами, но в любом случае суть процедуры в том, чтобы отделить все слои ягоды от собственно зерна. В этом смысл *обработки* – удаление всех пяти слоев. Для чего существуют два основных метода – влажный и сухой.

Влажная обработка используется чаще всего, и в результате получается так называемый мытый кофе. При влажном способе красные ягоды грузят в машину, которая удаляет кожицу и мякоть. На зернах остается клейковина, вязкий и скользкий слой. Зерна вымачивают в воде и ферментируют – иногда часами, иногда сутками. Клейковина высыхает – так ее проще удалять. Для этого тоже нужна вода. Кофе снова моют, пока не остается только зеленое зерно. Потом эти зеленые зерна сушатся от четырех до восьми дней, на солнце и воздухе либо в механических сушилках. Влажный способ обработки дает некую однородность качества зерен, что для спешелти-кофе важно, однако при таком методе тратится ошеломительное и, пожалуй, неэкологичное количество воды.

Естественный, он же сухой, способ обработки древнее – считается, что он происходит из Йемена, и там его используют по сей день. Как подсказывает название, воды для него не требуется. Ягоды сушат на плоских платформах, обычно плетеных, таких металлических сетках, а после лущат – прогоняют через примитивную машину, которая удаляет с зерна все внешние слои. Поскольку зерна немытые, на них отчасти остается клейковина, а поскольку зерна дольше пробыли внутри ягоды, впитывая ее вкусы, у кофе более отчетливые фруктовые ноты, но гораздо менее предсказуемое качество. Десятилетиями таковы были бич и благо йеменского кофе – либо он замечательно насыщенный, либо до того никудышный, что ему вовсе нечем похвастаться.

Обработанные зерна складывают в мешки и оставляют отдыхать. Зернам нужен отдых, узнал Мохтар, потому что

обработка травмирует ягоды – травмирует ягоды! – и после этой травмы им надо прийти в себя. Они ведь еще живые, не забывай, объяснили Мохтару. Это ведь семена, не забывай. Из них все еще можно вырастить кофейное дерево. Так что отдых может длиться от трех месяцев до полугода. Фермеры, которых не слишком заботит качество продукта, хранят зерна гораздо дольше и все равно производят вполне приличный кофе, но большинство специалистов единодушны: не стоит хранить зерна дольше года – в течение года после сбора урожая их необходимо обжарить.

Но сначала их надо рассортировать.

Практически везде, на всех плантациях и фабриках по обработке бесконечное множество людей, обычно женщин, сортируют зерна вручную. Задача проста, но трудоемка: из груд, из сотен отдельных кофейных зерен тщательно отобрать все зерна с дефектами. Плохое зерно, говорят специалисты, – как гнилое яблоко: может испортить всю партию.

Что такое зерно с дефектом? Зачастую дефекты очевидны. Одни зерна разломились. Осколки надо удалить. Другие зерна сгнили. Или забродили. Или прокисли. Обычно дефектные зерна видны невооруженным глазом. Сидя за столами, сортировщицы придвигают к себе зерна, кучку за кучкой, и удаляют негодные. Это длится день за днем и требует сосредоточенности и старания, которые удивят миллиарды потребителей кофе, полагающих, будто зерна есть зерна – будто все зерна сваливают в одну кучу и обжаривают. Но нет – с потрясающим вниманием к деталям и единообразию каждое кофейное зерно отбирают живые люди.

Затем перевозка. Отсортированные зеленые зерна упаковываются, помечаются и отправляются в путь. В «Голубой бутылке» Мохтар узнал, как пакуют и перевозят спешелти-кофе: урожаи тщательно описываются, экспортируются в небольших количествах, измеряются в килограммах, а не в тоннах. Известна плантация, где вырастили конкретный спешелти-кофе. Известны те, кто его вырастил. На мешках значится страна, регион – допустим, Антигуа, Гватемала. Затем сорт – допустим, бурбон, типика. Нередко указаны название плантации, имя плантатора, и такая интимность, такая информированность роднят кофе с вином и дорогими сырами.

Мешки зерен доставляются обжарщикам. «Голубая бутылка» – обжарщик. «Роял граундз» – обжарщик. «Интеллигенция» – обжарщик. Обжарщики – частные лица или компании, крупные или мелкие, многонациональные корпорации или узколокальные любители – получают сырые, зеленые кофейные зерна и нагревают их до состояния, в котором мы узнаем привычный нам кофе.

В последнее столетие большинство людей про обжарку знали одно: что кофе обжаривают и что французы делают это так, а итальянцы эдак. Но в «Голубой бутылке» Мохтар своими глазами увидел, как это делается, – в гигантских машинах из Германии, которые отрыгивали жар и требовали постоянного внимания. Обжарщики ссыпали зерна через желоб в большую печь, похожую на барабан, и там зерна постоянно вращались и перемешивались, чтобы обжарка получалась однородной. Одинаково ли обжариваются все зерна? Вовсе нет. Все зерна разные. Но как ни обжаривай, злейшее зло – пережарить.

Хороший кофе надо обжаривать постепенно, небольшими порциями, и обжарка должна быть светлая. Темная обжарка скрывает красоту кофе, выглаживает его паровым катком – если пережарить стейк, хорошее мясо тоже будет испорчено. У обжаренного кофе более восьмисот компонентов аромата и вкуса, чтобы выманить их в пристойном объеме, требуется подлинное мастерство. Мохтар смотрел, как работают обжарщики «Голубой бутылки», и это походило на труд великого шеф-повара или стеклодува: нужны искусность, точность, а вдобавок манипулируешь огнем, клапанами и рычагами. И длилась обжарка считаные минуты. Средняя обжарка – десять минут, и каждая секунда важна. В процессе обжарщик то и дело доставал несколько зерен – проверял цвет, размер, трещины. Это были напряженные минуты, и обжарщик, как бы ни старался, потом зачастую считал, что можно было справиться и получше. В идеале обжаренным зернам нужно отдохнуть. Пика вкусовой насыщенности они достигают через три дня после обжарки, а через неделю вкус начинает теряться. Лучше всего молоть кофе через три дня после обжарки, а варить сразу после помола.

На всех этапах этой цепочки работали живые люди. Плантаторы, что сажали деревья, и ухаживали за ними, и заботились, и обрезали, и удобряли. Сборщики, что ходили вдоль деревьев в разреженном горном воздухе, собирали ягоды – только красные ягоды – и одну за другой складывали их в ведра и корзинки. Работники, что обрабатывали ягоды, тоже в основном вручную – с каждого зерна чьи-то пальцы удаляли липкую клейковину. Люди сушили зерна. Люди ворошили их на сушильных сетках, чтобы зерна высыхали равномерно. Люди сортировали сухие зерна, отделяли хорошие от плохих. Потом люди паковали отсортированные зерна, складывали их в мешки, которые сохраняли зерна свежими, берегли их вкус и аромат, не добавляя им лишних оттенков. Люди забрасывали эти мешки в грузовики. Люди вытаскивали их из кузовов, грузили в контейнеры, а затем на суда. Люди выносили мешки из трюмов и

забрасывали в другие грузовики. Люди снимали мешки с этих грузовиков и доставляли обжарщикам в Токио, Чикаго, Триесте. Люди обжаривали каждую порцию. Люди паковали маленькие порции обжаренных зерен в мешочки, чтобы их купили те, кто хочет смолоть и сварить кофе дома. Или люди мололи зерна в кофейне, а потом кропотливо варили и наливали кофе, эспрессо или капучино.

То есть каждой чашки кофе касалось по двадцать рук, от плантации до этой самой чашки, и тем не менее одна чашка стоила каких-то два-три доллара. Даже чашка за четыре доллара – уже чудо, если учесть, сколько народу ее создавало, сколько внимания и опыта конкретных людей вкачано в зерна, которые в этой четырехдолларовой чашке растворены. Если вдуматься, это же бездны человеческого внимания, опыта, и даже при цене четыре доллара за чашку велики шансы, что какого-то человека – или многих людей, сотни людей – по ходу дела обманывали, обкрадывали, эксплуатировали.

Глава 15
Кофейный рынок и три волны

Проблема, догадался Мохтар, в кофейном рынке. Кофе – биржевой товар, и цена, которую платят практически за весь кофе, что собирается и продается по всему миру, зависит от той, какую назначит кофейная биржа. Если биржа диктует, что кофе продается по доллару за фунт, под эти расценки и будут подстраиваться фермеры планеты, от Гватемалы до Руанды и Вьетнама, назначая цену за свой урожай. Разумеется, сам фермер этот доллар не получает. Доллар – окончательная цена, которую платят корпорации – «Нестле», «Проктер & Гэмбл», «Филип Моррис» и «Сара Ли», скупающие сорок процентов всего производимого в мире кофе. Среднестатистический мелкий фермер, скажем, в Колумбии может продать свой кофе по цене аж тридцать центов за фунт. И не напрямую корпорациям. Нет, он продаст свой урожай ростовщику – местному брокеру, который одалживает фермерам деньги под урожай, что, по сути дела, повязывает фермеров бесконечными долгами. Ростовщики смешивают и упаковывают урожаи десятков мелких фермеров и продают все это скопом региональным брокерам. Эти брокеры действуют по всей Колумбии, скупают урожаи десятков, а то и сотен мелких плантаций и собирают в одну сплошную массу под названием, допустим, Колумбийский Кофе. И затем региональные брокеры продают весь этот громадный региональный урожай международным корпорациям по биржевой цене.

Такая система зародилась в первую кофейную волну, которой поспособствовали братья Хиллз. Тогда случился резкий скачок популярности кофе, кофе стал многомиллиардным бизнесом и испытал на себе все плюсы и минусы массового производства. Благодаря вакуумной упаковке стало проще хранить кофе свежим и доставлять в удаленные районы, но это разлучило клиента с обжарщиком. Американский японец Сатори Като в 1903 году запатентовал растворимый кофе, что позволило «Нестле», «Максвелл Хаус» и «Фолджерс» рекламировать кофе скорее как источник кофеина, чем пищевой продукт, обладающий некими органолептическими свойствами. Кофе массового производства был дешевый, но на вкус дурной, и, чтобы сделать его хотя бы сносным, приходилось добавлять сахар, молоко и прочие приправы без числа.

Вторая кофейная волна возникла в ответ на резкое падение цены и качества кофе. В 1960-х Альфред Пит открыл в Беркли, штат Калифорния, маленькую кофейню-обжарочную, где вновь сфокусировался на том, откуда берутся зерна и как их лучше обжаривать. Чашка кофе у Пита стоила дороже, чем в закусочной по соседству, но была несравнимо вкуснее. Клиенты это заметили, Пит добился успеха, а другие предприниматели, в том числе Говард Шульц из «Старбакса», разогнали вторую кофейную волну. Как и Пит, Шульц был социально ответственным бизнесменом и старался не просто подчеркнуть, откуда взялся его кофе, но и плантаторам платить больше. «Старбакс» превращался в глобальный феномен, делал упор на социальном пространстве кафе – порой даже за счет кофе как такового, – и многие в кофейном мире захотели вернуться к корням, к традиционным методам обжарки и варки, заняться именно кофе.

Началась третья кофейная волна. Большинство обжарочных третьей волны были независимыми и в сети не входили. Они заостряли внимание на происхождении своего кофе – не только на стране или регионе, но на конкретных плантациях, где этот кофе собрали. На владельцах плантаций. На почве, высоте над уровнем моря, степени освещенности, которые влияли на вкус кофе. В таких заведениях зерна обжаривали прямо на месте и заваривали тут же. Здесь предпочитали метод пуровер, по одной чашке за раз, и каждая чашка получалась уникальна, специфична, сделана вручную – примерно как бокал нового каберне на винодельне, где это каберне произвели.

Аналогия с вином, понимал Мохтар, и есть тот ключ, что открыл путь третьей волне. Посетитель ресторана, желая выпить вина, просит винную карту. В карте указаны не просто сорта вин – каберне, пино-нуар, шардоне, – но десятки вариантов каждого сорта. Разборчивый клиент может захотеть не просто мальбек и не просто мальбек из Аргентины, но мальбек с винодельни «Лозы Мендосы» в долине Уко – считается, что почва, вода и высота над уровнем моря там идеальны для этого бархатистого красного вина. Винный рынок давным-давно полагается на конкретику и потребительскую эрудицию, поэтому виноделы лучше контролируют свое ценообразование. Выпуская высококачественное вино, они и денег за него могут требовать больше. Поэтому виноделие – отчасти меритократия, в отличие от кофе: кофе с 1882 года цепями прикован к биржевому ценообразованию.

Третья волна обещала освободить кофейных плантаторов от товарной биржи. Скажем, в Эфиопии есть фермер, который двадцать лет зависел от цены один доллар за фунт зерен, отчего прозябали в бедности и он сам, и его работники. Но если этому фермеру удастся вырастить выдающийся кофе, он или она может подать свой продукт на региональный или мировой конкурс, и если кофе оценят высоко, он или она привлечет внимание обжарщиков третьей волны, какой-нибудь кофейни и чайной «Интеллигенция» в Чикаго или обжарочной «Стамптаун» в Портленде. И тогда может произойти чудо. Они станут торговать напрямую.

Третья волна опиралась на ключевые достижения второй, и прямая торговля развивала важнейшую работу сторонников этичной торговли. Эти последние двигались семимильными шагами, стремясь к тому, чтобы создание продуктов, потребляемых в развитых странах, не полагалось на эксплуатацию людей в странах развивающихся, а прямая торговля делала следующий шаг. Когда вышеупомянутый эфиопский кофейный фермер торгует напрямую с обжарщиками из «Интеллигенции», он тем самым обходит все ловушки биржевого ценообразования. Из уравнения вычеркиваются все неизвестные. Обжарщик может лично приехать на эфиопскую плантацию, познакомиться с ее владельцами, работниками, сборщиками, проинспектировать кофейные деревья и установку по обработке, своими глазами увидеть, что именно он покупает. Если качество кофе высокое, а хозяйственные методы достойны уважения, обжарщик и производитель договариваются о цене, и в их уговор не вмешиваются ни ростовщики, ни брокеры, ни международные корпорации, ни кофейная биржа. Покупая напрямую, обжарщик неизбежно заплатит больше, чем эфиопский фермер выручал за свои зерна прежде. Освободившись от безжалостного диктата глобального рынка, фермер сможет продавать свой кофе по три доллара за фунт, по десять долларов за фунт, по двадцать. По всему миру выращивают редкие сорта – в Сальвадоре, Панаме, на Гавайях, – которые продаются по сорок долларов за фунт. Все меняется как по волшебству. Если, торгуя напрямую, фермер выигрывает на каждом фунте зерен лишний доллар, сделка повышает уровень жизни и фермеру, и его работникам, и сборщикам. Если фермер получает с каждого фунта зерен биржевую цену, помноженную на сорок, его в лучшем случае безубыточное занятие превращается в профессию, а все причастные могут жить достойно и гордиться своей работой.

Последний шаг – уговорить клиента за все это заплатить. Клиент, привычный к чашке кофе за два доллара, содрогнется от

перспективы платить по пять долларов за чашку эфиопского кофе, купленного напрямую. Но если клиент знает, что эта чашка взаправду стоит пять долларов, что это справедливая цена, которая гарантирует, что все причастные к созданию этой чашки работают в гуманных условиях и имеют шанс на достойную жизнь, – выложит клиент деньги или пожадничает?

Мохтар размышлял о том, как это может изменить Йемен. В Йемене кофе – на редкость трудоемкое занятие, но зерна продаются задешево, в основном брокерам и ростовщикам, которые по суше везут их в Саудовскую Аравию, так что выращивать кофе для йеменских фермеров практически неподъемно. Много лет назад очень многие отказались от кофе в пользу ката. Кату нужно больше воды, зато он гораздо прибыльнее и почти весь потребляется прямо в Йемене. Народу в бизнесе меньше, сам бизнес проще. Выращиваешь кат в Йемене – и продаешь кат в Йемене.

Следовательно, единственный способ возродить в Йемене кофе – поднять цену, чтобы кофе стал дороже ката. А для этого нужно договариваться напрямую с фермерами и устанавливать цены в зависимости от того, сколько готовы будут Мохтару заплатить международные обжарщики спешелти-кофе. А чтобы эти обжарщики готовы были раскошелиться, надо сильно повысить качество кофе в Йемене. А приступить к этой работе придется, ни разу даже не побывав на йеменской кофейной плантации.

Глава 16
План
Часть 2

Мохтар составил новый план. Гораздо стройнее и конкретнее голимой версии, которую он представил Гассану. Новую версию Мохтар озаглавил «Монах из Мохи». Название он так и не поменял и до сих пор не решил, как писать «Моху». Но придумать новое название – один из пунктов. Дел полно.

«Ви́дение: поддержать йеменских кофейных фермеров знаниями и инструментами, которые изменят к лучшему качество их кофе и жизни».

Кое-какие бизнес-планы Мохтар читал, и все они обычно начинались так – с «Видения» одной фразой. Считается, что больше одной фразы – слишком расплывчато. После «Видения» можно расписать подробнее в «Миссии». Мохтар написал:

«Миссия: создать в Йемене экономически рентабельную и экологически устойчивую кофейную компанию с целью улучшения качества, состава и производства кофейных зерен, что будет способствовать изменению жизни фермеров и производителей посредством внедрения высоких этических стандартов и социально ответственных бизнес-практик.

Ключевые ценности:

Фермер на первом месте

Честность и открытость

Высокие этические стандарты на всех этапах

Ответственность и прозрачность

Качество превыше количества».

За «Миссией» обычно следовали какие-нибудь «Стратегические направления деятельности», поэтому Мохтар написал:

«Стратегические направления деятельности: наше основное направление – рынок спешелти-кофе. Мы хотим, чтобы наши фермеры производили обработанные сухим методом зерна арабики высокого и постоянного качества и четко прослеживаемого происхождения. Наши фермеры будут использовать более эффективные методы культивации, сбора и обработки, не отказываясь от древнего наследия и традиционных подходов, но работая на перекрестке, где встречается все лучшее из старого и нового мира».

Мохтар показал план Гассану.

– Прогресс, – сказал Гассан.

В конце концов Мохтар отыскал Грациано Круса, и они подружились онлайн. Грациано рассказал, что в Лос-Анджелесе скоро будет конференция, где соберутся обжарщики и продавцы спешелти-кофе со всего мира.

– Я знаком с организаторами, – сказал Грациано. – Скажи им, что знаешь меня.

Мохтар не хотел ехать один и считал, что с сообщником будет выглядеть профессиональнее. Он позвонил Джулиано, но Джулиано неохота было тащиться аж в Лос-Анджелес. И Джастину тоже неохота. Никому неохота было везти Мохтара на машине, Мохтар не наскреб денег на самолет и поэтому позвонил Рафику, своему дяде по материнской линии. Прежде Рафик работал полицейским в Окленде, а теперь жил в Ричгроув с Ситр, Таджем и Раканом.

Рафик только и делал, что перевоплощался. Он был всего шестью годами старше Мохтара, но уже успел прожить десяток разных жизней. Побывал охранником в Музее африканской диаспоры. Потом шофером UPS. Потом водил автобус в транспортной компании «Аламеда – Контра-Коста». Год он даже прожил с семьей Мохтара на Острове Сокровищ. В итоге поступил в полицейскую академию, где учился блестяще, выигрывал призы на соревнованиях по стрельбе и стал лучшим учеником на курсе. Шесть лет он прослужил патрульным в Окленде, но повредил спину и вышел на пенсию по состоянию здоровья. Вернувшись в Ричгроув, он прикидывал, чем заняться дальше. Может, гамбургеры продавать или купить виноградник. Или открыть кофейню.

Мохтар спросил, не хочет ли Рафик съездить на конференцию и послушать про спешелти-кофе. Рафик почитал себя гурманом и согласился. Так что Мохтар, будущий кофейный импортер-экспортер, четыре часа добирался до Ричгроув к Рафику, а потом они вдвоем еще несколько часов пилили до Лос-Анджелеса, и всю дорогу Мохтар живописал Рафику потенциальное великолепие йеменского кофе и как этот кофе может спасти торговлю Йемена, возвестить миру, что у Йемена за душой не только беспилотники и кат. Ни Мохтар, ни Рафик, впрочем, понятия не имели, чего ждать от конференции, подходяще ли они одеты, спросят ли у них документы, захотят ли доказательств того, что им двоим на этой конференции самое место. У них даже визиток не было.

Человек у двери, молодой, бородатый и с улыбкой до ушей, спросил, из какой они компании.

– «Монах из Мохи», – сказал Мохтар, – это американо-йеменская транснациональная компания.

(Название он так и не поменял, с написанием так и не определился.)

– Понял, – сказал бородатый человек.

– Мы возрождаем йеменский кофе, – прибавил Мохтар, после чего проговорил еще несколько минут – слишком увлекся, особенно если учесть, что внутрь их пока еще не впустили.

Лишь внутри Мохтар понял, что на этой конференции ему не место. Три крупнейших экспортера кофе из Эфиопии прилетели за девять тысяч миль на встречу с крупнейшими американскими покупателями спешелти-кофе. Сюда съехались представители «Стамптауна», «Интеллигенции» и «Голубой бутылки». Мохтар не был эфиопским кофейным фермером или американским покупателем, а надежда раствориться в толпе, спрятаться среди сотен посетителей быстро испарилась. В конференции участвовали всего двадцать человек.

Мохтар и Рафик ходили на дискуссии и каппинги, делали вид, что чувствуют себя в своей тарелке. Но в своей тарелке Мохтар себя не чувствовал, хотя несколько месяцев провел в «Голубой бутылке», а вечером накануне два часа смотрел документальный фильм про глобальную кофейную торговлю. В фильме «Черное золото» речь шла только об эфиопском кофе, и это бесило. Там показывали, как биржевые расценки понижают потенциальную выручку фермеров и сколько еще работы предстоит для того, чтобы производители начали играть с покупателями на равных.

Но один персонаж там вдохновлял – эфиоп по имени Тадессе Мескела, задавшийся целью изменить нынешнюю парадигму. Мескеле удалось объединить тысячи эфиопских фермеров и, работая на рынке экспорта спешелти-кофе, он ощутимо поднял им цену за килограмм. Однако на каждую тысячу фермеров, которым он успешно помогал, приходилось еще десять тысяч, которые проигрывали конкурентную гонку и жили в нищете. В Эфиопии кофейному работнику платили около доллара в день. Мохтар уже знал, что в Йемене условия гораздо лучше – ближе к десяти долларам в день. Положение у Эфиопии было сложное – кофе больше, то есть меньше дефицит, и вдобавок известно, что продукция неоднородного качества, а поставки ненадежны. Но Мескела в фильме выступал страстно и красноречиво. Он ездил по миру, защищал интересы эфиопских фермеров, завоевал долю рынка, а также сердца и умы. Своим фермерам он открыл школу

и больницу.

И он приехал на конференцию – стоял на расстоянии вытянутой руки.

– Это Тадессе Мескела, – сказал Мохтар Рафику.

Рафик не знал, кто такой Тадессе Мескела.

– Пойду познакомлюсь, – сказал Мохтар.

Рафик только пожал плечами.

Но Мохтар робел, а вокруг Мескелы постоянно толклись люди. В конце концов Мохтар застал его на обеде – Мескела сидел с двумя другими эфиопами. На Мохтара посмотрел удивленно. На конференции все были белыми – кроме эфиопов и еще Мохтара.

– Здравствуйте, сэр, – сказал Мохтар.

– Откуда вы? – спросил Мескела.

– От вас через речку. Йемен.

– Ой, Йемен! – сказал Мескела. – Обожаю йеменцев.

И понеслась. Оба признали, что преграды и возможности у них очень похожи. Поговорили про качество, и про каналы поставок, и про передовые методы, и про планы. Мескела рассказал, что ездил в Йемен на конференцию.

– Конференция по арабике в Сане? – спросил Мохтар.

Что произвело на Мескелу впечатление. Они еще поговорили о том, до чего похож на Йемен эфиопский регион Харари. В Харари тоже работе мешает кат – нелегко убедить фермеров заменить кат на кофе.

– Главное, помогайте своим фермерам, – сказал Мескела. К тому времени они уже держались за руки – обычное дело для йеменцев и эфиопов. – Если вы все это затеяли ради денег, – сказал Мескела, – долго вы не протянете.

Он дал Мохтару визитку – как ни странно, втрое больше всех визиток, которые Мохтару попадались в жизни.

– Если приедете в Эфиопию, навестите меня, – сказал Мескела.

Конференцией заправлял Виллем Бот, харизматичный голландец чуть за пятьдесят, который знал тут всех. Выяснилось, что он соавтор отчета о производстве кофе в Йемене, до конца года должны опубликовать. Отчет готовили по заказу Института качества кофе (ИКК) на деньги Агентства США по международному развитию (АМР США). Мохтар пихнул Рафика локтем. На эфиопской кофейной конференции в Лос-Анджелесе они наткнулись на того, кто поможет им с кофе в Йемене.

Между дискуссиями и каппингами Мохтару удалось улучить несколько минут наедине с Виллемом Ботом, и поскольку Мохтар хотел, чтобы Виллем решил, будто Мохтар знает, о чем говорит, и поскольку Мохтар тараторил, и поскольку он пока что не знал, о чем говорит, на Виллема Бота излился поток бессвязных слов и фраз, имевших довольно отдаленное отношение к реальности.

– Я хочу радикально улучшить и выровнять систему поставок к сортовым фермерам от истоков естественного процесса…

Через некоторое время Мохтар решил, что лучше умолкнуть.

Бот смотрел на него сочувственно. Оба сознавали, что страсти Мохтару не занимать, а вот практического опыта не хватает: все свои знания он почерпнул из вторичных источников. Бот рассказал, что его компания «Бот-кофе» предоставляет будущим импортерам и экспортерам консалтинговые услуги и обучает Q-грейдеров.

– Понял, – сказал Мохтар, хотя представления не имел, что еще за Q-грейдеры.

Все наши услуги и курсы платные, прибавил Бот, но вполне доступны любому, кто всерьез планирует создать компанию.

– Ясно, – сказал Мохтар, хотя денег у него не было и взять их было неоткуда.

Он записал электронный адрес Бота и пообещал, что напишет.

Бот не понял, что это было – очень молодой дилетант, какой-то жулик или подлинный энтузиаст. И как он просочился на конференцию для эфиопских фермеров и американских покупателей? Наверняка Грациано Крус подстроил, на него похоже. Надо его расспросить про этого Мохтара. Между тем Бот не ожидал, что Мохтар напишет.

Но Мохтар написал, на следующий же день. Мол, он хочет нанять Бота консультантом. Одна загвоздка, написал Мохтар: я не уверен, что смогу приехать в Голландию. Мохтар решил, что принадлежащая голландцу компания «Бот-кофе» находится в Амстердаме.

– Зачем вам в Голландию? – удивился Бот. – Я живу в Милл-Вэлли.

Глава 17
Выкрасть кофе у голландцев

Милл-Вэлли – это под Сан-Франциско, к северу, но в Милл-Вэлли Мохтар никогда не бывал. Милл-Вэлли – это в округе Марин, экзотическом и неведомом, хотя до Тендерлойна оттуда всего десять миль. Милл-Вэлли, зеленый и заросший, располагался в тени Тамалпаиса, вечнозеленой горы, что на две тысячи пятьсот футов вздымается над тихоокеанским побережьем. Дом Виллема и Кэтрин Бот стоял на извилистой дороге неподалеку от Миллер-авеню, одной из центральных улиц города, но от прочего мира как будто спрятался. Этот саманный дом – двухэтажный, увитый глицинией, бамбуком и дикими розами – словно перенесся сюда из Тосканы или Греции.

В тот первый день Мохтар приехал с Омаром. После лос-анджелесской конференции Мохтар позвонил Омару и рассказал, чем будет полезно в Йемене все то, что он, Мохтар, узнал о торговле кофе в Эфиопии. Омар заинтересовался. Тоже захотел познакомиться с Виллемом. И втроем они сидели перед домом за длинным крепким столом, как из итальянского кино, где несколько поколений жуют сыр и прошутто, а под ногами возятся малыши. Здесь, в крапчатом солнечном свете, Мохтар и Омар познакомились с Виллемом – человеком, рожденным для кофе.

Его отец Якоб был одним из первых европейцев, причастных ко второй кофейной волне, задолго до популяризации спешелти-кофе. В семидесятых, когда массовое производство понижало качество кофе, доступного широкому потребителю, Якоб Бот пытался подсадить голландцев на местную обжарку и варку по одной чашке. Он был региональным директором голландского обжарщика «Нётебом», и в детстве Виллем часто приходил в обжарочную, погружал руки в бочки зеленых зерен. Но параллельно Якоб мечтал выпускать и продавать домашние ростеры, чтобы люди сами обжаривали зерна у себя на кухне, чтобы научились ценить процесс. Он изобрел машину под названием «Золотой кофейный ящик» и поставил на нее все свои сбережения. Он продал дом и открыл гибридный бизнес – в съемном магазине клиентам рассказывали об отборных зернах, а в производственном цехе владелец собирал и продавал «Золотые кофейные ящики».

В семидесятых европейцы и американцы предпочитали есть и

пить по-быстрому и задешево. Якоб хотел, чтобы люди сбросили темп, задумались о происхождении своих продуктов. Предприятие его, находившееся в провинции Утрехт, в городе Барн, грандиозных успехов не добилось, но доходов с продаж «Золотых кофейных ящиков» и кофе, который обжаривал Якоб, на жизнь хватало. Виллем помогал отцу с четырнадцати лет – и научился подбирать особые вкусовые оттенки для каждого клиента. Художественная натура, вероятно, предпочтет выраженный вкус кенийского кофе. Курильщику нужно покрепче – скажем, суматранские зерна. Пожилому клиенту подойдет, пожалуй, мягкий мексиканский марагоджип.

Бизнес был маленький, толп в магазине не бывало, и Якобу это нравилось. Так он успевал поболтать с клиентами, послушать их истории, подружить их с подходящим зерном. Его внимание к деталям, его страсть к мельчайшим фактам и нюансам кофе не знали границ. Виллем смотрел, как отец доводит импортеров до исступления, расспрашивая о происхождении зерен. Если зерна импортировались с Явы, Якоб желал выяснить, откуда именно, с какой плантации, на какой она высоте, как зовут фермеров. Как правило, импортеры были не в курсе.

Однако из года в год Якоб все сильнее уставал, все меньше занимался рутиной, и обжарку все чаще брал на себя Виллем. Якоб научил его тому, что знал сам, а у Виллема были и время, и оборудование, он экспериментировал и узнал столько всего, что после вуза пошел работать на американское отделение германского производителя ростеров «Пробат-Верке». Компания направила его в Калифорнию, и там он познакомился со своей будущей женой Кэтрин, уроженкой долины Напа. Со временем они переехали в Милл-Вэлли и открыли «Бот-кофе» – обжарочную и образовательное учреждение, где повышали квалификацию кофейные фермеры, обжарщики, ученые и прочие энтузиасты. Виллем консультировал, обучал фермеров и обжарщиков, и кофейные чемпионаты по всему миру, от Центральной Америки до Эфиопии и Папуа – Новой Гвинеи, наперебой зазывали его в жюри.

В тот первый день в Милл-Вэлли Виллем выдал Мохтару готовый план.

– Если ты это серьезно, – сказал Виллем, – тебе надо стать Q-грейдером. Потом поедешь на конференцию Американской ассоциации спешелти-кофе[12]. Это в Сиэтле. А потом поезжай в Йемен.

– Хорошо, – сказал Мохтар, уже прикидывая бюджет.

– Чтобы повысить качество йеменского кофе, – сказал Виллем, – надо разбираться, что хорошо, а что плохо. И, насколько я знаю, ты станешь первым Q-грейдером по арабике, который взаправду араб.

– Отлично, – сказал Мохтар, по-прежнему без понятия, что такое Q-грейдер. – А сколько стоит курс?

Курс стоил две тысячи долларов. Чтобы нанять Виллема консультантом, надо заплатить авансом пять тысяч. Парадокс не укрылся от Мохтара с Омаром: они, два йеменца, прямые наследники древних торговцев кофе, должны платить, чтобы кофейному делу их обучил голландец.

После встречи с Виллемом Мохтар и Омар сели по машинам, и Мохтар следом за Омаром проехал несколько миль на запад, до шоссе 1. Они остановились у развязки над Тихим океаном и прочли зухр. Когда поднялись, Мохтар сказал, что это слишком дорого. Он не может просить Омара. Омар и так одолжил три тысячи долларов, когда Мохтар потерял портфель. Однако Омар достал чековую книжку и выписал Мохтару чек на пять тысяч. «Открою тебе кредит» – так он выразился.

Ничего подобного с Мохтаром никогда не случалось. Его родные, а порой какой-нибудь начальник или учитель одобряли, если у Мохтара появлялась идея или даже план, но никто никогда в него не вкладывался. Мохтар в жизни не видал столько денег разом. Он взял чек, сел в машину, посмотрел, как уезжает Омар, и потом от обуревавших его чувств плакал в одиночестве до изнеможения.

Глава 18
Подмастерья

Мохтар официально нанял Виллема и «Бот-кофе», но отношения их были не совсем официальными. Аванс в пять тысяч долларов – просто плата за входной билет, и, войдя, Мохтар поступил, как в «Голубой бутылке», – внедрился так тонко и полно, что спустя неделю половина сотрудников уже и не сказали бы наверняка, работает Мохтар у них или нет.

Каждое утро он выезжал пораньше, чтобы успеть до пробок, и час ехал на север, затем через мост Ричмонд, затем обратно на юг, в Милл-Вэлли, и неизменно прибывал к открытию «Бот-кофе». Делал все, что ни попросят. Бегал с поручениями в «Сейфуэй» и «Хоул фудз». Чистил ростеры и подметал полы. Смотрел. Слушал. Виллем и Кэтрин часто были в разъездах – в Панаме, в Никарагуа, в Европе, – и, уезжая, Виллем оставлял руководство на молодых сотрудников, Стивена Изелла, Джоди Уайзер и Марли Бенефилд.

Стивен был немногим старше Мохтара и создал себя с нуля не с первой попытки – как теперь пытался Мохтар. Стивен родился во Флориде, в колледже изучал философию, работал барменом, играл в группах, а потом вслед за братом переехал в район Залива. В один прекрасный день Стивен просматривал объявления о поиске сотрудников и обвел кружочками три занятных предложения. Одно – деревообработка, второе – уборка биологически опасных отходов, а третье – «кофейные перспективы в Милл-Вэлли». В 1999 году Стивен недолго поработал в «Старбаксе» и теперь послал резюме.

В «Боте» Стивен пробыл меньше года, но со своей ржавого цвета бородой и вдумчивой манерой смахивал на молодого ученика из Старого Света. Кофе в «Боте» обжаривал в основном Стивен, обжарка для него была тонко сбалансированным сплавом искусства и науки, а четкости и остроты инстинктов требовала невероятных – Мохтар сомневался, сможет ли когда-нибудь тоже научиться так.

Если Стивен был молодым учеником, то Джоди Уайзер – подмастерьем: Стивена она опережала на несколько лет. Молодая и худенькая рыжеватая блондинка в очках, средоточие невозмутимого мастерства. Выросла она в Далласе, в старших классах работала бариста в дорогущем кафе, где чашка кофе стоила четыре доллара, хотя было это в 1996 году. После

колледжа Джоди переехала в Африку, занималась некоммерческими проектами, сначала в Мали, потом в Кот-д'Ивуар. Вернулась в Штаты, окончила магистратуру по межкультурным исследованиям и опять уехала в Африку, на сей раз в Уганду, где участвовала в создании некоммерческой организации «Источник милосердия», работавшей с ВИЧ-положительными вдовами, сиротами и бывшими детьми-солдатами.

К Джоди приехала Марли Бенефилд, подруга по магистратуре, с детским личиком и солнечным нравом вожатой из летнего лагеря. Опять вернувшись в США, Джоди читала «Крейгслист» – искала работу с международным уклоном. Увидела объявление Виллема. «Нужно любить кофе», – говорилось там. Джоди пришла в «Бот-кофе» в 2008 году, а в 2010-м стала Q-грейдером. Вскоре к ней присоединилась и Марли – стала продавать ростеры и учить обжарке. В сравнении с Виллемом Джоди, Марли и Стивен были сравнительно недавними сотрудниками и вдохновлялись его примером: они были экспертами, но не снобами, серьезно относились к работе, но не слишком серьезно – к себе.

Виллем решительно настаивал на одном: Мохтар должен стать Q-грейдером. Мохтар и сам понимал, хотя не очень ясно представлял себе, что это значит, и вдобавок оставалась мелкая загвоздка: он не очень-то разбирался во вкусах кофе. На каждом углу он об этом не трубил и тем более помалкивал в «Боте», но вообще-то за свою жизнь кофе он пил всего несколько десятков раз. Эспрессо с Джулиано, глоточки на каппингах в «Голубой бутылке». Мохтара интересовала прежде всего история – он гордился тем, что Йемен сыграл ключевую роль в культивации и распространении кофе. Однако в «Боте» он сбросил темп, стал смаковать вкусы, различать сорта, методы и вариации приготовления. Наконец-то смог поднять забрало и признаться, что не особо сведущ.

Он познакомился с напитками, которые двадцать лет назад были экзотическими, а ныне стали общим местом. Эспрессо – по сути, то же количество зерен, что в обычной кофейной чашке, но помол мелкий, а воды гораздо меньше. Кофе с молоком – кофе и горячее молоко один к одному. Макиато – двойной эспрессо со взбитым молоком. Были напитки, позаимствованные за рубежом или основанные на зарубежных. *Эспрессо романо* – эспрессо с ломтиком лимона на блюдце; не путать с *гильермо* – одинарный

или двойной эспрессо поверх ломтиков лайма. Алжир подарил миру *мазагран* – холодный напиток из кофе со льдом, а порой с ромом, или сахаром, или лимоном, подается в высоком бокале. Много разновидностей кофе с сыром – сыр окунается в чашку горячего кофе, а съедается потом, когда плавится. В испаноязычном мире – *гуарапо кон кесо* с гаудой или эдамом. У шведов это называется *каффеост* – в нем используется финский сыр *лейпяюусто*. Есть ледяной кофе, есть кофе холодной заварки. Таиландский *блэк тай* – смесь черного чая (охлажденного), сахара, сгущенного молока, измельченного тамаринда, бадьяна, флердоранжевой эссенции и двойного эспрессо. Ирландский кофе (с виски), английский кофе (с джином) и кофе *калипсо* (с калуа и ромом). В Сенегале – *кофе Туба*, для которого зерна при обжарке смешивают с семенами эфиопской ксилопии и другими специями, а в горячий напиток добавляется сахар, получается очень сладко и ароматно. В Австралии – *айс шот*: одинарный эспрессо выливается в стакан для латте, наполненный льдом.

На периферии встречаются решительно странные образчики, и самый диковинный из всех – *копи лувак*, он же виверровый кофе. На Суматре кофе выращивают сто пятьдесят лет, но лишь недавно обнаружилось, что мусанги, местные котоподобные млекопитающие семейства виверровых, – большие ценители кофе. Мусанг безошибочно выбирает самые спелые кофейные ягоды, а его экскременты, как выяснилось, проделывают всю работу, для которой обычно требуются человек, машина и много-много воды. То есть пока кофейное зерно двигается сквозь желудочно-кишечный тракт мусанга, кожица, и мякоть, и клейковина удаляются, а остается только зерно, которое мусанг переваривать не умеет. Кого-то осенило, что можно использовать эти зерна – собирать экскременты мусанга, вынимать зерна, обжаривать их, молоть, заваривать и пить. В желудочно-кишечном тракте мусанга кофе приобретает интересный вкус, мускусный и мягкий. *Копи лувак* стал популярен, и поставщики подняли цены. Виллем восторгов не разделял. Он часто повторял поговорку Джорджа Хауэлла, знаменитого кофейного обжарщика: «Кофе через жопу – для тех, у кого все через жопу».

Виллем, Стивен, Джоди и Марли были рады помощи Мохтара. В «Бот-кофе» народу вечно было пруд пруди – еще один приспешник ничем не помешает. Через курсы, каппинги и консультации проходила ошеломительная многонациональная процессия: корейцы и узбеки, японцы, хорваты и русские. Толпы

немцев, толпы голландцев, иногда французы, иногда канадцы, несколько малайцев, множество китайцев и австралийцев. Все они собирались за круглым столом, дегустировали, писали заметки и рисовали на грифельных досках. Каппинги длились часами и были решительно непретенциозны. Люди даже смеялись. Расслабленно, открыто – те, кому кажется, будто кофейные каппинги, где обсуждается и оценивается кофе, должны быть невыносимы, сильно бы удивились. Но беседы звучали изысканно:

– Я чувствую классический жасмин и розу.

– Мне показалось, что вкус немножко металлический.

– Я отметил привкус яблок «фуджи».

– Я чувствую целую цветочную клумбу.

– Ароматические свойства были так многообещающи, что послевкусие меня разочаровало.

Прибираться, выливать остатки кофе в раковину и протирать столешницы после каппингов нередко выпадало Мохтару. Он любил допоздна задерживаться в «Боте» наедине с остывающим кофе, со шкалами и ручками выключенных ростеров, с зернами в аккуратно надписанных контейнерах – в этом пространстве, гибриде кухни, химической лаборатории и котельной. Когда все расходились, Мохтар брал чистую ложку и по кругу обходил чашки, одну за другой, читая приложенные к ним заметки и оценки.

Тоже хотел различать вкусы.

Глава 19
Q-экзамен

Q-грейдером Мохтар пока не стал – но знал, что надо. Q-грейдер – эксперт по арабике, уникальный специалист, умеющий оценить качество кофе. R-грейдер – эксперт по робусте, но считалось, что это отнюдь не так престижно. Q-грейдер проходит интенсивный курс обучения и сдает сложнейший экзамен – доказывает, что он или она умеет отличать плохой кофе от хорошего, а хороший – от великолепного. Q-грейдер – это примерно как сомелье в виноделии, гроссмейстер в шахматах. Программа Q-грейдинга – как и многие феномены третьей кофейной волны с ее помешательством на качестве и мастерстве – была совсем молода, появилась только в 2004 году. Спустя десять лет в мире насчитывалось всего две тысячи Q-грейдеров. И Виллем не ошибся: среди них не было ни одного араба. Вызов самоочевиден – и Мохтару на роду было написано его принять. Мохтар так и видел: вот он возвращается в Йемен, прибывает в Сану, путешествует по стране. Первый арабский Q-грейдер, важный человек.

Курс стоил две штуки баксов, а вновь просить денег у Омара было никак невозможно. Мохтар в уме перебрал других потенциальных спонсоров и остановился на дяде Ясире, младшем брате отца. Предприниматель Ясир жил в Модесто, где управлял семейным продуктовым бизнесом – он расширил дело Хамуда, открыв сеть магазинов на шоссе 99 и 5. Ясир поймет.

Мохтар не предупредил, зачем едет в гости. Сказал только, что у него новости. Приехав, он выложил свой инструментарий, а Ясир, его жена Файруз и семеро их детей – все младше четырнадцати – в недоумении наблюдали. Мохтар привез эфиопский кофе трех сортов, свой кемекс, маленькие электронные весы, чайник с длинным носиком, кофемолку и попкорницу, в которой планировал обжарить зерна по-эфиопски – на плоской сковородке.

Он взвесил зерна и обжарил – кухню наполнил роскошный аромат. Когда зерна остыли, Мохтар достал кофемолку.

– Ты что делаешь? – спросил один ребенок.

– Мелю зерна, – ответил Мохтар. – Иначе это просто зерна. Я мелю зерна в порошок, чтобы они растворялись в воде. И тут главное – выбрать средний помол.

– Что такое средний помол?

– Не мелкий и не крупный. Для кемекса требуется средний помол.

Этому его научил Стивен.

– Что такое кемекс?

Мохтар показал им стеклянный сосуд – прозрачную колбу, плотно стянутую посередине, похоже на песочные часы с открытым верхом.

– Сюда я налью воду. Наливать буду в верхнюю часть, и фильтры задержат молотые зерна, но пропустят кофе.

– А это фильтр?

– Специальный, – пояснил Мохтар.

Фильтр, впрочем, был обыкновенный, просто квадрат фильтровальной бумаги, ничего такого, но все дело в том, как с ним обращаться. Мохтар взял бумажный квадрат, сложил вчетверо, затем расправил в воронку; главное, чтобы с одной стороны получилось три слоя, а с другой один. Мохтар смочил воронку под краном и вставил в верхушку стеклянного кемекса.

– Теперь воду нальешь? – спросили дети. Им внезапно стало невтерпеж.

– Вода должна быть правильной температуры, – сказал он. – Посмотрим, как она там.

Вода в маленьком длинноносом чайнике закипала, а идеальная температура – между 195 и 205 градусами[13]. Чайник стоял на плитке с цифровым экраном.

– Скажете мне, когда будет двести два градуса, – распорядился Мохтар.

Столовой ложкой он положил молотый кофе в воронку и разровнял.

– Двести два градуса, – доложил один отпрыск семейства.

– Теперь смотрите, – сказал Мохтар и стал наливать воду.

Воду он наливал в три этапа. Сначала полил фильтр, чтобы смочить бумагу и вымыть из нее бумажный привкус. Затем налил чуть-чуть – хватило только смочить кофе.

– А чего ты ждешь?

– Теперь надо подождать сорок пять секунд, – пояснил Мохтар. – Это называется «цветение» – сейчас выходят кофейные газы.

Сорок пять секунд они подождали, а потом он поливал зерна по кругу, пока в чайнике не иссякла вода.

– А теперь что?

– А теперь смотрим, как капает кофе, – сказал Мохтар.

Вода пропитала кофе, получилась густая эмульсия, и она закапала сквозь фильтр в нижнюю половину кемекса. Мохтар

приготовил кофе на три чашки и, когда все было готово, налил Ясиру, Файруз и себе. Ясир и Файруз вежливо отхлебывали, а Мохтар распинался об истории йеменского кофе, явно намекая на свои планы импортировать кофейное зерно с родины предков. Но когда презентация завершилась, Ясир и Файруз так и не поняли, какая связь между этим затейливым кофейным ритуалом и планами Мохтара на жизнь. Их племяннику было двадцать пять лет – ни работы, ни диплома. Дольше всего он задержался на должности консьержа. Ясир не постигал, как умение наливать кофе поможет Мохтару чего-нибудь достичь.

– Ты же вроде должен учиться на юрфаке? – спросил Ясир.

Тем временем Виллем Бот составил план. Он совместно с другим экспертом, Камило Санчесом, уже написал для Института качества кофе отчет по Йемену, и теперь соавторы подумывали получить от ИКК финансирование и снарядить командировку в Сану. Собрать там йеменских фермеров и покупателей со всего мира – может, наладить какие-никакие связи, поддержать захиревшую кофейную индустрию страны.

Мохтар поедет с ними, поработает переводчиком и наведет культурные мосты, а главное, после конференции они втроем помотаются по стране – «кофейным караваном», как выразился Виллем. Возьмут джип-другой и покатят в кофейные районы, пообщаются с фермерами, будут обжаривать зерна и проводить каппинги. Посмотрят, где выращивают высококачественные ягоды, где удастся помочь фермерам с обучением и потенциальными партнерствами. И вдобавок прекрасно проведут время.

Такова будет кульминация Виллемова консалтинга, а дальше пусть Мохтар работает в Йемене сам.

– Но сначала тебе нужно стать Q-грейдером, – велел Виллем.

Наступил апрель 2014 года, а поездку они планировали на май. До этого дня «Бот-кофе» проводила для Q-грейдеров один курс, и выбора у Мохтара не было – пришлось опять обращаться за помощью к Омару. Мохтар задолжал этому человеку невероятную сумму, но Омар дал денег не колеблясь, и Мохтар записался.

Инструктором был не какой-нибудь загадочный профессор из далеких краев – курс вела Джоди Уайзер, с которой Мохтар

месяцами работал бок о бок.

– Я волнуюсь, – поделилась она с группой.

Джоди провела десятки сессий Q-грейдинга, но ведущим инструктором выступала впервые, а бремя на инструкторе огромное – курс очень дорогой, студенты приезжали издалека.

Группа сложилась географически разнообразная, и от успеха участников зависело многое. На учебу приехали двое мексиканцев, управляющие «Буна Кафе Рико» в Мехико. Эти были, пожалуй, самые опытные и уверенные. Двое других наглядно иллюстрировали, сколь многое студенты зачастую ставили на кон. Одна участница, женщина за тридцать, сдавала экзамен уже дважды и оба раза провалилась. Если не сдаст в третий заход, должна будет проходить весь курс заново. А сейчас она была беременна. Джоди надеялась, что это поможет – что обострившееся обоняние сыграет женщине на руку. Четвертый студент был из Кувейта – приехал неделей раньше позаниматься у Виллема. На занятиях у Джоди он был мрачен. Приехал он из далекой дали и намеревался стать первым Q-грейдером в Кувейте, как Мохтар – первым в Йемене.

В группе кто-нибудь порой пытался самоутверждаться за чужой счет – быть или казаться лучшим в кофейном деле, – но Джоди строила свой курс на значимости Q-грейдинга, на том, как он влияет на производителей, фермеров на всех этапах производственного цикла. В этом изначально и состояла задача Q-курса. Институт качества кофе задумал его для поддержки фермеров. Во многих кофейных регионах, тем более до третьей волны, фермеры в своем кофе почти не разбирались. Кофе они зачастую даже не пили – особенно в Йемене. Поскольку они толком не понимали, какого качества у них продукт, судьбу их решали брокеры и биржевое ценообразование. Однако, став экспертами, Q-грейдерами, фермеры будут знать, что́ продают. Если кофе у них прекрасный, они смогут рейтинговать его и находить покупателей, готовых за кофе с высоким рейтингом платить гораздо больше, чем за невесть какой.

ИКК старался привлекать на курсы по Q-грейдингу как можно больше фермеров. Когда фермеры, обработчики, экспортеры, обжарщики и продавцы обсуждают один и тот же кофе совместно, выигрывают все. Если производитель из Руанды знает, как улучшить свой кофе, способен сам продегустировать его и оценить, он сумеет довести его до уровня выше 90 баллов. На шкале, где максимальный балл – 100, все, что выше 90, считается потрясающим, и этот самый фермер превратит свой бизнес из низкооплачиваемого предприятия, выживающего по милости биржи, в производство высокого качества, которое сможет

выбирать обжарщиков и сотрудничать с ними напрямую.

Такова была вкратце суть вступительной лекции Джоди. Джоди рассказала историю о том, как ездила на плантацию в Панаму и проводила каппинг с владельцем этой плантации, который несколькими годами раньше стал Q-грейдером. Они с этим фермером продегустировали двенадцать местных сортов, и по всем двенадцати их рейтинги разнились всего на один балл. Общий международный язык при оценке качества – мощный экономический инструмент.

Курс был сложный, а экзамены еще сложнее. С первого раза экзамен на Q-грейдинг сдавало лишь около половины студентов. Экзамен делился на двадцать два раздела, и обычный эрудит или бытовой кофеман счел бы некоторые из них специфическими до безумия.

Понятнее и внятнее всего была «Общая часть»: сто вопросов с вариантами ответов про культивацию кофе, сбор урожая, обработку, грейдинг, обжарку и приготовление. А вот остальные тесты требовали нечеловеческих сенсорных способностей.

В ходе «Обонятельного теста» полагалось с завязанными глазами определить тридцать шесть разных запахов, в том числе горох, клен, вареную говядину, сливочное масло и чайную розу.

На «Каппинге» надо было распознать и оценить всевозможные сорта кофе – африканские и азиатские, мягкие и крепкие, после влажной и сухой обработки – и поставить оценки, соответствующие прецедентам. Если ранее кофе уже оценили на 94 балла, студент, пробуя его вслепую, должен был поставить оценку в пределах двухбалльной амплитуды.

На «Триангуляции» выдавали шесть наборов по три чашки. В двух из трех один и тот же кофе, в третьей – другой. Задача – опознать тот, что не совпадает с двумя другими. На экзамене «Парные органические кислоты» выдавали восемь наборов из четырех чашек. В две чашки каждого набора добавлялась какая-нибудь кислота – фосфорная, яблочная, лимонная или уксусная. Надо указать, в каких чашках есть кислота – и какая именно. На экзамене по «Определению обжарки» студент начинал с четырех чашек заваренного кофе и должен был опознать, какой кофе пережарен, какой недожарен, а какой – в самый раз.

На экзамене по «Грейдингу обжаренной арабики» от студента требовалось из стограммового образца обжаренных зерен извлечь все квакеры (недоразвитые и неправильно обжаренные зерна) и определить, к какому грейду – коммерческому, премиальному

или спешелти – относится образец.

За месяцы работы в «Боте» Мохтар насмотрелся, как экзаменовали других. Сам дегустировал, десятки раз бывал на каппингах. Но когда подошло время сдавать экзамен, он словно опять начал с нуля. И Джоди переживала за него. И за кувейтца. И за беременную. Джоди хотела, чтоб экзамен сдали все.

После экзамена объявили результаты. Мексиканцы сдали на раз. Беременная сдала. Но вот кувейтец провалился, а перейдя к Мохтару, Джоди замялась. Почесала шею, посмотрела в пол. Не могла взглянуть Мохтару в глаза.

– Ты не прошел, – сообщила она. – Ты завалил семь экзаменов.

Мохтар помолчал. Прикинул.

– Ты что хочешь сказать – я сдал *пятнадцать*?

Какое счастье. Да он со средней школы так не блистал на экзаменах.

Но на пересдачу не оставалось времени. Мохтар вернется в Йемен идейным юношей, но еще не Важным Человеком, которым себя воображал. Лишь теперь он рассказал родителям, чем занимается. Показал им свой кофейный инструментарий – тот самый, что возил к Ясиру.

Тратить время на кофе – это несерьезно, сочли родители.

Когда Мохтар сказал брату Валлиду, что уезжает в Йемен, Валлид спросил:

– Н-да? А кто умер?

Книга III

Глава 20
Хамуд и Хубайши

– Никому не говори, зачем приехал, – таков был совет деда Хамуда. – Скажи, что пишешь доклад в колледже.

– Но я не учусь в колледже, – возразил Мохтар.

– Но они-то не знают, – ответил Хамуд.

Приехав в Йемен, объяснил дед, напрашиваешься на вмешательство. Родня захочет вступить в дело. Или полезет с советами. Или друзья родни захотят вступить в дело либо полезут с советами. Невесть кто будет примазываться, мешаться под ногами или, что всего хуже, попытается все сделать сам, только быстрее и дешевле.

Мохтар забронировал билет на самолет до Саны и всем, кроме деда, сказал, что пишет курсовую об истории кофе в Йемене. Для всех его йеменских знакомых не было на свете ничего скучнее студентов с их курсовыми. Мохтара все оставят в покое.

Вдобавок считается, что студенты вечно на мели, тут тоже проблем не возникнет. Известно, что американские йеменцы приезжают из США с чемоданами денег и разбрасываются этими деньгами направо и налево. Мохтару лучше не высовываться, изображать молодого и безработного, стать невидимкой. У него был очень конкретный план – на первом этапе он собирался преобразить йеменский кофе, – и к этому плану причастны были дед, мухафаза Ибб и Виллем Бот.

Сначала Мохтар поедет в Ибб к Хамуду – три часа автомобилем на юг от столицы. Хамуд сведет Мохтара с местными аграриями. Где-то через неделю Мохтар вернется в Сану, поработает с Виллемом и Камило на мастер-классе Института качества кофе. А потом начнется кофейный караван.

Караван – это главное. Идеальный способ ознакомиться с йеменским кофейным производством, считал Мохтар. С ним поедут Виллем и Камило – крупнейшие в мире специалисты по качеству кофе. Мохтар будет наблюдать, учиться, наведет мосты между ними и йеменцами – у него с фермерами общий язык, общая история. В караване Мохтар познакомится со всеми, кто в Йемене выращивает кофе, а сопровождающие придадут ему весу, укрепят его позиции, и с этих позиций стартует его карьера в йеменском кофейном бизнесе.

Между тем Государственный департамент США рекомендовал туристам воздерживаться от поездок в Йемен. Но Виллем ехал с подачи американских властей – что может пойти не так?

Про хуситов, повстанцев с севера Йемена, Мохтар знал. До Арабской весны они уже шесть лет воевали с правительством Али Абдаллы Салеха. В 2011-м хуситы выступали против правительства, но когда Салеха низложила Арабская весна и президентом стал Абд-Раббу Мансур Хади, они продолжали критиковать власть и считались союзниками Ирана. Тем временем Салех замышлял вернуться к власти. Плюс еще «Аль-Каида на Аравийском полуострове», окрепшая в период безвластия после Арабской весны, – самое опасное отделение «Аль-Каиды» во всем мире. Все эти обстоятельства виделись Мохтару пузырями в бесконечном политическом кипении Йемена и пока что не имели отношения к его ближайшим планам. Мохтару надо в Ибб.

Дальний родственник, недавно женившийся на столичной жительнице, приехал в аэропорт на одной из машин Хамуда, с новоиспеченной женой на пассажирском сиденье, и Мохтар с молодоженами три часа ехал в дом к деду с бабкой, к Хамуду и Зафаран. Зафаран тогда была в отлучке – уехала в Калифорнию, – и Мохтару предстояло жить вдвоем с Хамудом, йеменским Джоном Уэйном.

Молодожены высадили Мохтара, и Хамуд приветствовал его в узорчатых воротах участка. Дед явно постарел. Еще чуточку сгорбился, сильнее опирался на трость, украшенную ручной резьбой, – он такие любил, у него была коллекция. Хамуд с Мохтаром погуляли под синим небом среди гуав и фиговых деревьев.

– Никому не сказал, чем занят? – спросил Хамуд.

– Никому.

– Молодец.

Они приблизились к кофейным деревьям, притулившимся вдоль ограды.

– Помнишь их? – спросил Хамуд.

Мохтар погладил глянцевитые листья. Он помнил. Подростком он видел эти деревья каждый день, но не знал, что это кофе. Пулялся ягодами, иногда сгрызал мякоть, а теперь, после полутора лет обучения, впервые трогал кофейное дерево и понимал, что это кофейное дерево.

Листья были на удивление плотные и блестящие. Волнистые кромки, ребристая поверхность. Крепкие листья цвета густой ирландской зелени, и под каждой мутовкой укрывались ягоды. Разнообразием своим они поражали. В каждой грозди из

пятнадцати ягод – пятнадцать стадий вызревания. Одни ягоды ярко-зеленые, другие зеленовато-желтые, третьи рыжеют, несколько ягод цвета фуксии и, наконец, три-четыре ярко-красные. Мохтар сорвал ярко-красную ягоду, и плодоножка под пальцами напряглась – дерево не желало делиться своими плодами.

Вот теперь трудоемкость сбора, о которой Мохтар читал, о которой говорили Виллем, и Джоди, и Стивен, и Камило, и Тадессе, стала самоочевидна. Подойти к дереву, найти ягоды, осмотреть пятнадцать штук, сорвать только те три или четыре, которые дозрели сегодня, и при этом каждая ягода чуточку сопротивляется, – на все это нужно время. Словно выбираешь фрукты на рынке – осматриваешь каждое яблоко или дыню, ищешь помятости, оцениваешь цвет. Сборщик так поступает с каждой ягодой на каждом дереве – это огромная работа. Чтобы выполнять ее хорошо, требуются зоркий глаз и немалая физическая выносливость.

Хамуд прислонил трость к низкой каменной стене, и Мохтар присел рядом с дедом.

– Если правда хочешь этим заняться, – сказал Хамуд, – тебе надо познакомиться с Хубайши.

Хифдих Аллах аль-Хубайши был крупнейшим местным торговцем кофе – доминировал на этом рынке вот уже полвека. У Хубайши, рассказал Хамуд, капитал в миллиарды риалов – миллионы долларов, – но его это не испортило. Кофейный бизнес считается зверским, но Хубайши – человек очень честный и порядочный.

– То есть вы знакомы? – спросил Мохтар.

– Никогда в жизни не встречались, – ответил Хамуд.

На богача Хубайши не походил. Хамуд отправил Мохтара к Хубайши в одиночестве – адрес дал, советами особо не снабдил. В маленькой лавке в центре Ибба Мохтар увидел человека в поношенной одежде. Ровесник Хамуду, наверное, однако на вид гораздо старше. Мохтар представился – думал, на Хубайши произведет впечатление родство с Хамудом; думал, они мигом договорятся о партнерстве. Ни уважения, ни внимания Мохтару не досталось. Хубайши был резок и смотрел опасливо.

– Ты студент? – спросил он.

– Да, господин, – ответил Мохтар.

Хубайши, кажется, не поверил. Встреча закруглилась стремительно, и приунывший Мохтар зашагал назад в дом

Хамуда. Самая влиятельная фигура регионального кофейного бизнеса не желает с ним сотрудничать. И какие напрашиваются выводы, если самый успешный бизнесмен Йемена смахивает на уличного попрошайку?

Все это, впрочем, роли пока не играло. У Мохтара имелись и более насущные проблемы. Через несколько дней прилетит Виллем, нужно подготовиться. Институт качества кофе совместно с Агентством США по международному развитию собирал конференцию – она должна была упрочить связи между йеменскими кофейными фермерами, брокерами и международными торговцами. Мохтару, Виллему и Камило предстояло участвовать в пленарном заседании, через Виллема Мохтар познакомится с игроками йеменского рынка и международной дистрибуции, а затем будет кофейный караван. Виллем понимал, в какие регионы хочет попасть, но было ясно, что без Мохтара получить доступ в районы проживания некоторых племен не удастся. Мохтар живо воображал будущее странствие – как они втроем путешествуют по горам и долам, встречаются с фермерами, осматривают плантации, собирают, обжаривают, дегустируют, закладывают фундамент для его, Мохтара, будущего в бизнесе. Но сначала нужно обосноваться в столице, а у деда Хамуда там не было жилья. Мать посоветовала своего дядю Мохамеда.

Мохамед родился в Иббе, годами работал в Саудовской Аравии электриком, а недавно ушел на покой и поселился в Сане. Они с женой Кензой были люди небогатые, жили в доме, принадлежавшем братьям Кензы, Тахе и Ясиру, на деньги, которые присылал домой их сын Акрам, вахтер Современного еврейского музея в Сан-Франциско. На эти денежные переводы Мохамед и Кенза оплачивали счета и содержали трех дочерей и трех сыновей, которые еще не доросли до отъезда из дома. Жили они в центре Саны, и мать Мохтара договорилась так, чтобы у них пожил и Мохтар, хотя места в доме было мало и спать ему предстояло на полу.

Что он и делал. Приехал в начале мая и тут же все устроил: по ночам он будет раскатывать одеяло, спать в углу гостиной, утром скатывать одеяло, прятать одежду под кресло и особо не отсвечивать. В обмен на это он станет вкладываться в хозяйство как-нибудь так, чтобы двоюродные дед с бабкой не теряли лицо. Денег он им не давал, вместо этого покупал продукты, что-нибудь по хозяйству, делал уборку и помогал девочкам с уроками. За

едой Мохтар с Мохамедом обсуждали политику. В Йемене политику обсуждали все – недостатка в новых событиях не было, а с политическим насилием Мохамед сталкивался лично.

Ребенком в Иббе, в семидесятые и восьмидесятые, Мохамед видел жестокие бои между йеменскими властями и теми, кто хотел установить в регионе социалистическое государство. Социалисты, пользуясь значительной военной и финансовой поддержкой Советского Союза, пытались вычистить местный трайбализм и подошли к делу стратегически – они уничтожали местных вождей. Одной из мишеней стал шейх Мохамед Нашир аль-Ханшали, племенной вождь аль-Даха в мухафазе Ибб и, удивительное дело, брат Хамуда. В 1986 году аль-Ханшали был убит за рулем своего автомобиля ракетным снарядом из базуки. Мохамед видел это своими глазами. Он вытаскивал из машины обгорелое тело аль-Ханшали.

В мае 2014-го, когда приехал Мохтар, марксисты давно канули в небытие, но племенные междоусобицы разгорелись с новой силой. Исторически Йемен либо жил под завоевателями или колонизаторами, от Османской империи до британцев, либо дрался сам с собой. Лишь в 1990 году он стал первой на Аравийском полуострове многопартийной парламентской демократией. В 1993-м прошли выборы, а в 1999-м президентом только что объединенной страны избрали фельдмаршала Али Абдаллу Салеха. Популярность его вскоре пошла на убыль, а затем Йеменом овладели грезы Арабской весны – мечты о более демократическом и равноправном Ближнем Востоке. Под давлением изнутри и со стороны международного сообщества Салех в конце концов сложил с себя полномочия. Его сменил Абд-Раббу Мансур Хади, но к тому времени годичное безвластие Арабской весны вновь внушило бодрость духа всевозможным повстанческим движениям. Хуситы (названные по имени своего предводителя Хусейна аль-Хуси), недовольные руководством в Сане – которое, считали на севере, традиционно интересуется их регионом недостаточно, – на своей территории устраивали налеты и захват земель. На юге со столицей в Адене уже заговорили о том, что пора отделяться.

Тем временем в стране росло грозное влияние «Аль-Каиды» – здесь она называлась «Аль-Каида на Аравийском полуострове», она же АКАП. «Аль-Каида» действовала на территории Йемена двадцать два года, с 1992-го, когда совершила подрыв аденского отеля, где обычно останавливались морпехи; погибли двое. В

2000 году они атаковали американский эсминец «Коул» у побережья Адена – это стоило жизни семнадцати людям. В 2007-м в мухафазе Мариб начиненная взрывчаткой машина смертника врезалась в автоколонну (погибли восемь испанских туристов и два йеменских водителя), а спустя год перед посольством США таким же образом были убиты еще двенадцать гражданских – то была предтеча атак в Бенгази[14]. В 2009 году в Джидде погиб смертник из Йемена – он пытался уничтожить саудовского руководителя антитеррористических операций. (Несостоявшийся убийца подорвал бомбу, спрятанную в задний проход, – сам погиб, саудовского министра только ранил.) В 2011-м АКАП взяла под контроль город Зинджибар на юге Йемена. В 2012-м она устроила теракт у президентского дворца в Сане, в результате чего погибло более сотни йеменских солдат.

Многие годы Соединенные Штаты при содействии Йемена расстреливали АКАП беспилотниками, и для йеменцев это стало просто фактом повседневности. В апреле 2014-го было проведено минимум четыре беспилотные атаки – погибших насчитывалось от тридцати семи до пятидесяти пяти (более точных данных нет), в том числе от четырех до десяти гражданских (оценки разнятся в зависимости от того, чей доклад читаешь). 19 апреля, за несколько недель до приезда Мохтара, беспилотники ЦРУ взорвали грузовик, в котором ехали предположительно боевики, – десятеро из них были уничтожены, но вдобавок погибли трое рабочих, оказавшихся поблизости.

И однако весной 2014 года возникли основания для осторожного оптимизма. Президент Хади только что провел конференцию «Национальный диалог», и после десяти месяцев дискуссий делегаты уговорились об основных положениях новой конституции. Вскоре президентский совет одобрил план перехода Йемена к федеративному устройству с шестью регионами в составе.

Утихомирит ли это восставших на севере хуситов – большой вопрос. Сейчас Мохтару надлежало думать про Виллема, который вот-вот прилетит из Калифорнии. Оценка рисков – дело заковыристое и крайне субъективное. Считалось, что для западных иностранцев столица не слишком безопасна, однако большинство посольств в Сане продолжали работу, а по всему Йемену оставались тысячи туристов и зарубежных сотрудников. В столицу и из столицы летали коммерческие рейсы – видимо, на относительную стабильность страны пока еще не вовсе махнули

рукой. При этом Госдепартамент зловеще предостерегал от визитов в Йемен. Как и почему конференцию АМР США не отменили и не перенесли, было неясно.

Плюс появившееся недавнее видео, выпущенное лидером АКАП Насиром аль-Вухайши, который предупреждал, что АКАП выследит и прикончит всех зарубежных «крестоносцев» – из Америки, Англии, Франции. В Сане на протяжении последней недели перед конференцией были попытки похищения немецких и российских граждан. 5 мая, за день до прилета Виллема, один сотрудник французской службы безопасности, охранявший делегацию Европейского союза, был убит, а другой ранен, когда в дипломатическом квартале столицы по их машине открыли огонь. В тот же день двое вооруженных людей на мотоцикле застрелили охранника перед лингвистическим институтом Министерства обороны. В общей сложности за март и апрель было убито пятьдесят три человека.

Виллем Бот очутился в опасном городе не впервые; колумбийцу Камило мутная обстановка и неуверенная в себе власть тоже были не в новинку. И все же никакой опыт не подготовил их к тому, с чем они столкнулись в Сане. Перед отъездом из Штатов Виллем получил письмо от «ГардаУорлд», компании, которая отвечала за безопасность на конференции. Сплошь заглавными буквами отправитель требовал, чтобы получатель открыл письмо, распечатал приложения, подписал и прислал обратно. К письму прилагалось руководство по безопасности в Йемене на двадцати шести страницах, где содержались очень подробные и довольно устрашающие инструкции на многие случаи жизни: теракт, враждебно настроенная толпа, почтовая бомба и похищение (которое называлось «нападение с целью вымогательства» или «краткосрочное удержание»). В одном документе, под названием «Подготовка к изоляции», на двух страницах запрашивались личные характеристики Виллема, образцы его почерка и сведения о родственниках, чтобы в случае похищения правоохранительные органы смогли его опознать. В руководстве говорилось: «На вопросы безопасности не стоит реагировать слишком остро – необходимо лишь на шаг опережать противника. Потратив немного времени и усилий на личную безопасность, можно действенно отвадить террориста, который обратится к менее защищенным и более доступным мишеням».

В Сане Виллема встретил ирландский сотрудник службы

безопасности – он пообещал заботиться о Виллеме, пока тот в стране. Ирландец проводил Виллема к двум большим бронированным джипам, припаркованным перед аэропортом, и больше Виллем его не видел.

В одном джипе сидели водитель и охранник с автоматом. Другой джип двигался следом, а в нем находились еще трое охранников – все вооруженные. Тот, что ехал с Виллемом, выдал ему конверт с мобильником и инструкцией: включить телефон и позвонить по такому-то номеру Халеду. Виллем попытался включить мобильник, но тот не работал.

Джип мчался по городу, не тормозя на контрольно-пропускных пунктах. В гостинице у ворот и у центрального входа стояла вооруженная охрана. Виллем рассудил, что теперь ему ничего не грозит, поднялся в номер, распаковал багаж и, за неимением лучшего занятия, принялся варить кофе. Он привез с собой кемекс и два больших френч-пресса.

В ту ночь Мохтар вышел из дома двоюродного деда, сел в такси и велел шоферу ехать в гостиницу. Мохтару было проще – ни охраны, ни мобильников в конвертах, ни ирландцев из службы безопасности. Когда Мохтар и Виллем встретились в вестибюле и Виллем поведал, как добирался до гостиницы, между ними что-то неуловимо переменилось. Виллем – учитель Мохтара, но сейчас Виллем в Йемене. Мохтар нужен Виллему не меньше, чем наоборот.

Они решили отправиться на пробную вылазку – недалеко, просто поужинать, прикинуть, каковы риски для немногочисленных иностранцев, которые ходят по городу. Мохтар вызвал бежевый внедорожник своих родных – «лексус» с дедовым шофером Самиром за рулем. Самир приехал в гостиницу под вечер, и Виллем, Камило и Мохтар сели в машину. Спустя несколько кварталов их остановили на КПП. Затемненные окна внедорожника скрыли Виллема и Камило на заднем сиденье, разговор вели Самир и Мохтар, и их пропустили. На втором КПП это тоже сработало.

А вот на третьем вышло иначе. Там, похоже, дежурили солдаты из нерегулярных частей. Другая форма, куфии, и солдаты тотчас принялись светить фонариками в окна, за которыми обнаружили Виллема и Камило.

– Кто эти люди? – спросили солдаты. – Что они тут делают?

После чего велели открыть все окна, все двери.

– Мы просто едем поужинать, – сказал Мохтар.

Но разговором он больше не рулил. Мохтар занервничал, и Виллем расслышал перемену в его голосе. Мохтар говорил нерешительно, неуверенно.

Солдаты – все они жевали кат и были на взводе – пролистали паспорта Виллема и Камило и обыскали машину. Виллем раздумывал о похищениях – вот сейчас их увезут и продадут. Мохтар думал о том же – не что похитят его, а что двоих его друзей и наставников, за которых в этой стране он отвечает целиком и полностью, вот-вот превратят в валюту, а то и что похуже. Некоторое время назад, в Милл-Вэлли, они ходили ужинать – Мохтар, Виллем с Кэтрин и их сын Винсент. Кэтрин говорила, что эта поездка ее пугает, и Мохтар по глазам видел, что Кэтрин нервничает не на шутку. Он тогда потянулся через стол, взял ее за руки и сказал:

– Виллем теперь принадлежит к племени аль-Ханшали, и мы будем защищать его ценой своей жизни.

Вроде бы успокоившись, Кэтрин поблагодарила Мохтара и сказала:

– Ты, главное, проследи, чтоб он не привез домой вторую жену.

Сейчас Мохтар обратился к солдатам:

– Прошу вас. Я просто хочу дать этим людям попробовать настоящую йеменскую кухню.

Но едва кто-нибудь косился на Виллема и Камило, Мохтару чудилось, будто солдаты прикидывают, сколько денег можно слупить за этих иностранцев.

– Мы правда едем ужинать, – повторил Мохтар и даже назвал ресторан, отметил, что кухня там куда лучше безвкусной гостиничной. – Давайте с нами, ребята. Встретимся там. Я угощаю.

В конце концов солдаты смилостивились. Пропустили Мохтара и его спутников, и позже в ресторане, судорожно жуя, Мохтар отчасти ожидал, что хотя бы один солдат и в самом деле придет. Не пришел ни один.

В Йемене похищения иностранцев случались регулярно и в лучшие, и в худшие времена. Почти всегда людей похищали ради денег, или для обмена пленными, или чтобы правительство прислушалось к нуждам и требованиям племени. Скажем, похищали приезжих из Европы или Азии и держали, надеясь привлечь внимание к недостаткам системы электроснабжения в регионе. Почти во всех случаях с похищенными обходились

хорошо и отпускали их потом живыми и здоровыми. Годом раньше в одном из самых безопасных районов Саны похитили голландскую пару – продержали полгода, отпустили целыми и невредимыми. Голландцы потом хвалили похитителей за любезность и подчеркивали, что по-прежнему любят Йемен. Таков был абсурдный, но общепринятый местный кодекс путешественника: всегда есть шанс, что тебя похитят во имя решения очередной проблемы региональной инфраструктуры.

Но с приходом «Аль-Каиды» положение отчетливо переменилось. В 2009 году нашли изуродованные тела двух немецких медсестер и учительницы из Южной Кореи – этот и другие инциденты подчеркивали разницу между подходами йеменцев и «Аль-Каиды». Об этом и раздумывал Мохтар. Нельзя подвергать Виллема риску – и нельзя, чтобы Виллем рисковал. Из ресторана они вернулись в потрясении, но от кофейного каравана все еще не отказались.

На следующий вечер Виллема, Мохтара и Камило пригласила на ужин американская руководительница одной неправительственной организации, которая финансировалась АМР США и курировала йеменское сельское хозяйство. Жила эта руководительница вблизи от гостиницы, где проводили конференцию, но настояла на том, чтоб они передвигались кортежем из трех автомобилей с вооруженной охраной. Джипы выехали из гостиничных ворот и мимо очередной пары охранников въехали в ворота ее жилища. В общей сложности одолели один квартал.

Перед ужином хозяйка подала Виллему и Камило виски, а Мохтару чай, и они поговорили о будущем йеменской кофейной индустрии и вообще о Йемене. Оптимизма хозяйка не питала. Я была в Афганистане, сказала она, так вот, в Йемене гораздо хуже. И не только в хуситах дело. Хуситов Америка знает, и, невзирая на лозунги «смерть Америке», ведут они себя пока что плюс-минус цивилизованно – ну, для повстанческой армии, которая постепенно берет город в кольцо. Любого американца – и вообще любого гражданина Запада – всерьез пугают не они, а «Аль-Каида».

Руководительница НПО велела гостям больше из гостиницы не выходить – о том, чтобы выехать из города, не могло быть и речи. Все равно разрешения на выезд им не дадут, а она помочь не сможет.

Конец кофейному каравану. Виллема и Камило зазвало в

Йемен Агентство по международному развитию, а Соединенные Штаты больше не могут отвечать за их безопасность. Им нужно уезжать.

Назавтра оба вылетели из Саны в Эфиопию.

Мохтар лежал на полу в доме двоюродных бабки и деда и смотрел в стену. Виллем улетел, и Мохтар тоже скоро купит билет домой. Все кончилось, не успев начаться. Он вернется в Калифорнию. Все равно надо заново сдать экзамен на Q-грейдера. Может, в колледж поступить. И всегда есть юридический. Но для этого нужны деньги. Мохтар вспомнил «Инфинити». Можно ночевать на полу у родителей на Острове Сокровищ, снова пойти консьержем. Копить года три-четыре. Бакалавриат он закончит… когда? К тридцати? Со всех сторон на него навалилась ночь. К четырем утра, когда муэдзин прочел азан, Мохтар так и не сомкнул глаз.

Глава 21
Мечта в ином обличье

Поутру его юные племянники проснулись, и позавтракали, и ушли в школу, а Мохтару идти было некуда. Ни встреч, ни планов. Кофейный мастер-класс свернули, и Мохтар остался один. Ничего не знал, ничего не мог. Не разбирался в сортах и методах культивации, типах грунта и орошении. Денег нет, его герои уехали.

В тот день Мохтар бродил по Сане – он был раздавлен, но и груз мечты больше на него не давил. Прежде у Мохтара была мечта, а мечты – они тяжелые, о них надо заботиться, их надо стричь и поливать. А теперь мечта улетучилась – Мохтар гулял по улицам, и ему нечего было терять. Занимайся чем угодно. Или ничем. Или даже оставайся в Йемене. По пути он ни с того ни с сего завернул в Университет Саны, послонялся по старым сумрачным коридорам и наткнулся на объявление о завтрашнем аграрном фестивале. Покажут всё, что выращивают в Йемене, – бананы, манго, фиги, мед, кофе.

Ничего особенного Мохтар не ждал, но решил пойти. Других-то планов все равно нет. Он вернулся к Мохамеду и Кензе и снова провел ночь без сна. Однако в самый смурной час Мохтар вспомнил фруктовое дерево из детства. Посреди Тендерлойна. С деревьями в районе было туго – может, их и вообще не было, ни одного, кроме этого. Росло оно на Эллис-стрит, в квартале от Церкви Глайд, где бездомные и самые уязвимые горожане выстраивались в очередь за пищей и прибежищем. Дерево было лимонное. Мохтар открыл его в детстве – настоящее лимонное дерево в Тендерлойне. Сначала подумал, что искусственное – слишком чистые лимоны, слишком желтые, чересчур гладкая кожура. Но Мохтар сорвал лимон и понюхал – оказалось, настоящий. Мохтар принес его домой и разрезал – сочный, живой лимон.

Мохтар уснул на полу в доме Кензы и Мохамеда, размышляя об этом лимоне и смутно понимая, с чего вдруг такие мысли.

Назавтра он отправился на фестиваль и, войдя, чуть не расхохотался. По сравнению с этим конференция AMP США была

крошечной. Аграрный фестиваль Университета Саны проводили под открытым небом – он был огромный и, что важнее, местный: приехали все, кто производил в Йемене хоть что-нибудь. Мед, миндаль, гуаву и пшеницу, сельскохозяйственное оборудование и пестициды. И все кофейные фермеры тоже здесь собрались. При виде этой картины плодородия на Мохтара нахлынула гордость за Йемен.

Разодетый как Руперт, Мохтар бродил от стенда к стенду, не понимая, как представляться. Он из Агентства США по международному развитию? Да вообще-то нет. Из Института качества кофе? Нет. Представиться студентом, как советовал дед? «Не говори, что ты покупатель», – велел Хамуд. И Виллем говорил то же самое: «Ничего не обещай».

Один кофейный кооператив показал ему зерна – потрескавшиеся и ужасно неоднородного качества. Мохтар не удержался и сказал им. Потом не удержался и предъявил фотографии на телефоне: вот как должны выглядеть ягоды – рубиновые, а не зеленые. Показал эфиопскую сушилку, набитую красными ягодами. Люди из кооператива никогда такого не видели.

Мохтар ушел с фестиваля, набив карман визитками и телефонными номерами. Кое-кто запомнился ему особенно. Луф Насаб, матерый сотрудник НПО и ботаник. Юсуф Хамади, председатель кооператива «Аль-Амаль» в Хайме. В ту ночь, лежа на полу, прислушиваясь к ночной Сане, Мохтар подумал, что в кофейный караван может отправиться и один. Виллема нет, разговаривать придется самому. Не получится быть ведомым, учиться, тихо наблюдая из угла. Надо изображать важную птицу, иначе фермеры не станут тратить на него время.

Назавтра он сел обзванивать всех новых знакомцев с фестиваля – оставлял сообщения, договаривался о встречах. Дозвонился до Юсуфа Хамади. Спросил, не согласится ли тот завтра показать свой кооператив. Юсуф согласился, и Мохтар позвонил Луфу Насабу. Не съездит ли Луф с ним в Хайму? Луф сказал, что съездит. Луф, решил Мохтар, может быть таким йеменским Виллемом – наставником, экспертом. Он знает регионы и понимает в кофе. Больше Мохтар про Луфа ничего не знал и старался не задумываться, что дальше – будет Луф помогать или только мешать. В голове отчетливо звучали дедовы слова: «Никому не доверяй. Ни с кем не входи в партнерство. Не высовывайся».

Проснулся Мохтар на рассвете. Они с Юсуфом планировали пересечься с Луфом в шесть утра на развязке под зданием «Панасоника». Мохтар встал, умылся, запихал свою скатку в угол гостиной и приступил к тщательному наведению лоска. Внешность – это важно, аксессуары – ключ ко всему. Свою молодость придется компенсировать атрибутами солидного человека.

Во-первых, часы. Все состоятельные йеменцы носили внушительные часы. У Мохтара были швейцарские, серебряные и прочные. Не заоблачно дорогие, они не вызовут зависти и не соблазнят воров, однако такие часы носили топ-менеджеры, а не путешественники.

Во-вторых, очки. Мохтар только недавно обнаружил, что близорук. Несколько лет назад в шутку нацепил очки друга – и внезапно мир обрел резкость. Дело было на Острове Сокровищ, Мохтар вечером выходил из автобуса и, надев очки, разглядел четкий абрис города, звезды, резные очертания каждой волны в Заливе. Он купил восьмиугольную оправу, металлическую, сделанную в 1941 году. Очки плотно обнимали ему уши – он смахивал на ученого, не чуждого приключениям.

В-третьих, блокнот. В Окленде Мохтар и Джастин сходили в магазин, где торговали кожаными аксессуарами ручной выделки, – Мохтар искал прочный, но антикварный на вид блокнот, который можно доставать в ключевые моменты, записывать детали своих визитов на плантации. Они выбрали затейливый блокнот, стянутый кожаной лентой. И неважно, что ни блокнотом, ни авторучкой Мохтар толком не будет пользоваться. Само собой, печатать заметки в телефоне гораздо удобнее – можно сразу проверять и отсылать.

Но важнейшая деталь экипировки – кольцо. Кольцо корнями уходило в историю Йемена, историю кофе, Арабскую весну, что привела к низложению президента Салеха. Кольцо досталось Мохтару за несколько лет до того и очутилось у него на пальце отчасти благодаря Тавакуль Карман, тогда самой молодой нобелевской лауреатке, а также первой среди лауреатов арабской женщине и первой йеменке. Карман, удостоенная Нобелевской премии мира за координирование йеменцев во время Арабской весны, в 2011 году приехала в Сан-Франциско выступать на юридическом факультете Университета Калифорнии в Беркли. Мохтара откомандировали к ней переводчиком, и на приеме после лекции он познакомился с одним из организаторов, Мохамедом Алемери. Алемери носил затейливое резное кольцо из серебра с сердоликом.

– Я знаю, откуда это кольцо, – сказал Мохтар.

В Сане, в районе Ка-аль-Яхуд, серебряных дел мастера – исторически то были в основном евреи – делали такие кольца веками. О чем Мохтар и сообщил Алемери, немало его изумив. Согласно арабскому обычаю – отметь вещь, отвесь комплимент, и тебе поднесут ее в дар, – Алемери предложил кольцо Мохтару.

– Я не могу его взять, – сказал Мохтар.

Они препирались, пока не вмешалась Тавакуль Карман:

– *Бери кольцо*.

И Мохтар взял, а сейчас понимал, до чего оно полезно в Йемене: можно показывать фермерам рубинового цвета сердолик и объяснять, что таков и есть идеальный цвет кофейной ягоды.

Нож он тоже с собой прихватил. Не йеменскую джамбию, традиционный кинжал, который носят на поясе, а американский двенадцатидюймовый ножик, который Мохтар носил на боку в кожаных ножнах, позаимствованных у Хамуда. Мохтар походил на гибрид Индианы Джонса и магистранта агрономии – вот теперь он был готов.

В начале шестого он вышел из квартиры Кензы и Мохамеда и поехал на развязку, где договорился встретиться с Юсуфом, – прямо за чертой Саны, под зданием «Панасоника». На развязке Мохтар огляделся, заметил Луфа, потом Юсуфа, председателя кооператива «Аль-Амаль». Тот помахал, и тут Мохтар увидел Али Мохамеда, руководителя отдела маркетинга и продаж из другого кооператива. «Ой нет, – подумал Мохтар. – Нет-нет-нет».

Он что, назначил двоих на одно время? Ясно, что так и есть, но Мохтар пока не готов был поверить. Мохтар поговорил с Юсуфом. Юсуф подтвердил, что они договорились на этот день, этот час, это место. А почему здесь Али Мохамед? Накануне, лихорадочно всех обзванивая, Мохтар, видимо, договорился и с ним. Мохтар отправился к Али Мохамеду – сердце уходило в пятки. Али Мохамед заверил Мохтара, что они договорились на этот день, этот час, эту развязку.

Мохтар вернулся к Юсуфу и спросил, нельзя ли посетить обе плантации за один день. Скажем, он сначала съездит в кооператив к Юсуфу, а потом к Али Мохамеду?

– Между ними несколько часов дороги, – возразил Юсуф. – И если по уму, тебе надо пробыть у нас весь день.

Мохтар проклинал себя. Что он за болван такой – все перепутать в первый же визит на плантацию? Он с порога внушил сомнения первым же двум кооперативам, с которыми планировал сотрудничать. Но сейчас нужно было выбрать.

Выбрал он Юсуфа. С Юсуфом он познакомился в Университете Саны, и Юсуф производил впечатление самого добросовестного.

Мохтар опять вернулся к Али Мохамеду, извинился, сказал, что экскурсию придется перенести. На любое время, сказал Мохтар. В долгу не останусь. Ошибка вкралась, сами знаете, как оно бывает.

Али Мохамед отъехал от обочины – чтобы успеть сюда к шести утра, подумал Мохтар, ему пришлось вставать до рассвета, а теперь впереди еще два часа в дороге, и все это зазря.

– Извините! – снова крикнул Мохтар вслед фургону.

Мохтар и Луф забрались в фургон. Там они познакомились с Мохамедом Базелем, правой рукой Юсуфа. Юсуф – высокий, худой, в очках с проволочной оправой – был председателем кооператива «Аль-Амаль», а Мохамед – пониже ростом, язвительный, с полным ртом ката – отвечал за продажи и маркетинг.

Они лениво болтали – про Сану, дороги, встречу в университете. Юсуф вырос в деревне, куда они направлялись, учился в Университете Саны, а потом в йеменской академии ВВС. Был пилотом ВВС, а теперь вернулся домой и управляет кооперативом. Похоже, человек очень искренний и чуткий – больше похож не на летчика-истребителя, а на доцента классической поэзии.

Столица осталась позади, город уступил место приземистым пригородам, и перед ними протянулось шоссе – только редкие бензоколонки и мелкие торговые центры по обочинам. Вскоре четырехполосная дорога истончилась до двух полос и завиляла узкими колеями; фургон цепко держался за покрытие, одолевая крутые горные перевалы. Взобрались на сто футов, потом на тысячу. Архитектура помолодела не на один век, и, по всем признакам судя, центральная власть сюда уже не дотягивалась.

Большинство встречных мужчин, молодых и старых, были с винтовками. Фургон въехал на территории племен; Мохтар свыкался с этой мыслью – в Сане и в Иббе он никогда не видал настолько вооруженных людей, – а тем временем они, прижимаясь к склону, обогнули холм и очутились в окружении. Дорогу преграждали двенадцать вооруженных мужчин.

Сидевший за рулем Хамид затормозил. Мужчины были взбудоражены и тыкали в окна стволами АК-47.

– Вы кто? Вы что тут делаете? – орали они.

На склоне стояли еще человек двадцать с ракетными гранатометами и немецкими штурмовыми винтовками G3.

– Что происходит? – спросил Мохтар.

– Не волнуйся. Племенные разборки, – ответил Луф.

У всех пассажиров фургона спросили документы.

Мохтар протянул паспорт в окно.

Племя Мохтара лет десять назад тоже ввязалось в разборки. Сам он тогда был в США, но по всему Йемену и йеменской диаспоре только об этом и говорили. Какой-то молодой человек из племени аль-Ханшали приехал в Сану на новом и дорогом «лендкрузере». Как-то раз припарковал машину на ночь, а утром не нашел – украли. Разлетелись слухи о том, кто виноват, и племя вора, аль-Аква, заявило, что поощрять воровство не намерено. Вор, кто бы он ни был, не знал, у кого крал и насколько авторитетно племя обокраденного. Вожди племен встретились и заключили мир. В знак покаяния и почтения аль-Аква устроили процессию – не только привезли украденный автомобиль, но и возместили моральный ущерб, подарив аль-Ханшали еще одну машину и целый грузовик коров. Их вождь в стихах извинился и выразил почтение, а вождь аль-Ханшали в стихах принял дары.

И тут та же история, объяснил Луф, – племенной диспут, все разрешится мирно, хотя и кажется, что неминуема война. Луф не переживал, Юсуф с Хамидом тоже. Но самопальный вооруженный блокпост на дороге в Хайму – это было ново: свидетельство безвластия, выгодного Салеху. Родня Мохтара считала, что Салех нарочно пытается дестабилизировать страну – доказать, что Йемену без него никуда.

Вооруженные люди листали документы, а Юсуф объяснил Мохтару, что здесь ищут представителей противника. Произошло убийство, люди жаждут возмездия. Будь у кого-нибудь из пассажиров фургона фамилия вражеского рода, им было бы несдобровать.

– Не переживай. Мы тут ни при чем, – сказал Юсуф.

Вскоре документы им вернули, Хамид поехал дальше, и все в фургоне вели себя так, будто ничего особенного и не случилось.

Они въехали в Хайму, на бензоколонке «Абу Аскр» резко свернули направо – Мохтар и не заметил, что там дорога, – и спустились в долину. Грунтовка была каменистая, ухабистая и вся в выбоинах. Мохтар треснулся макушкой о потолок, хмыкнул – бывает, что уж – и треснулся опять. Раз десять. Чтобы не биться

головой об окно, пришлось себя заклинить – одной рукой упереться в потолок, другой в стенку. Стройной стратегии шофер, очевидно, не выработал. Временами давил на газ, будто хотел прорваться сквозь бездорожье побыстрее, и гори оно все, но потом сбрасывал скорость и трюхал по ямам и рытвинам, как верблюд.

Мохтара мутило, жара стояла нестерпимая, и пора было остановиться – остановиться хотелось отчаянно, хотя в фургоне они провели всего-то два часа. Но надо было делать вид, будто для него это все обычное дело. Он же какой-то невнятный представитель Института качества кофе, или Агентства по международному развитию, или того и другого – предполагается, что он по таким дорогам уже наездил тысячи миль. За каждым поворотом открывался роскошный вид: иззубренные темно-серые скалы, исполосованные невероятными террасными садами. Архитектура простая – бежевые и белые саманные дома, прочные и ухоженные, зачастую ютились на неприступных горных пиках и грядах. Ниже деревень склоны холмов зеленели – видимо, кофе, решил Мохтар.

– Там в основном кат, – сказал Юсуф.

Десять лет назад восемьдесят пять процентов всех посевов составлял бы кофе, объяснил он. А еще двадцатью годами раньше – сто процентов. Но с каждым годом кат отъедает все больше земли.

Они миновали крошечные деревеньки, и всякий раз приходилось сбрасывать скорость до пешеходной; местные высыпали из домов и подходили, интересовались, что творится, что это за люди.

Мохтар и Луф были одеты строго, явно по-городскому, и деревенские считали, что они оба из ООН, или из АМР, или еще из какой международной организации.

Так фургон проехал с полдесятка деревень и прибыл в Бейт Алам, где Хамид затормозил окончательно. До полудня далеко, а воздух уже прогрелся до девяноста градусов.

Мохтар выбрался из машины, сощурился на солнце и увидел, что вокруг столпились несколько десятков деревенских. И тут они запели.

Мир тебе, досточтимый гость, – пели они. – Добро пожаловать в Бейт Алам, где полноводны наши реки, а плоды созрели для тебя! Племя аль-Хамдан приветствует всех, кто с миром ступает на его землю.

Пели они *замиль* – приветственную песню, традиционную для йеменских деревень; в каждой деревне она своя и обычно редактируется под конкретного гостя и случай. Мохтар улыбнулся и поблагодарил, а деревенские, допев, выстроились в

шеренгу. Старейшина пересчитал их по головам.

– Что происходит? – спросил Мохтар у Хамида.

– Лотерея. Решают, у кого в доме ты будешь гостить, – ответил тот.

– Пойдем, – сказал Юсуф и взял Мохтара за руку.

Следом за ним Мохтар по крутому склону поднялся на холм. Несколько сот каменных ступеней привели их на террасы, и так Мохтар впервые оказался на настоящей кофейной плантации. Он щупал листья. Нюхал листья. Изображал профессора – если найдет дефект, напустит на себя озабоченность. «Вот где все началось», – думал он. Его эйфория длилась с минуту.

– Это не кофе, – сказал Юсуф.

Мохтар ощупывал оливу.

– Я знаю, – сказал Мохтар, пытаясь сохранить лицо. – Но растительность вблизи кофейных деревьев влияет на их здоровье.

Это он сочинил на ходу и лишь впоследствии узнал, что так оно и есть. Юсуф уважительно кивнул, и они пошли дальше.

– *Вот* кофе, – сказал Юсуф.

Мохтар потрогал листья и увидел под ними созвездия красных и зеленых ягод. По всему склону волновалась яркая зелень – квадратами посаженные деревья *Coffea arabica* цвели на засушливом, казалось бы, холме. Пахло жасмином, и в густой листве тихонько шелестел ветер.

– Ну, что скажешь? – спросил Юсуф.

– Неплохо? – сказал Мохтар.

Он не знал, что́ Юсуф хочет услышать. Они пошли дальше, а вскоре подтянулись крестьяне и сборщики, толпа росла, и все задавали вопросы:

– Листву жрут гусеницы. Что нам делать?

– А пестициды можно?

– Как вам почва?

– Что вот тут за белое кольцо на стволе?

Мохтар понятия не имел. Он же не агроном. Он очутился на кофейной плантации впервые в жизни. Правда, признаваться в этом нельзя. Спасибо, подключился агроном Луф.

– Это натрий, – сказал он про белые кольца. – Дереву достается слишком много соли.

Луф отвечал на многочисленные вопросы, щупал листья, садился на корточки, осматривал грунт. На каждый вопрос у него был ответ, и Мохтар перешел в тендерлойнский режим – все запоминал, все переваривал, готовился потом повторить. Луф заговорил о необходимости обрезки – объяснил, что дерево – оно как семья, ветка – ребенок, одно дерево не прокормит бесконечное множество здоровых ветвей, поэтому все больные

ветви надо обрезать. Он показывал разные сорта – крестьяне и сборщики даже названий таких не знали.

– Это туфаи, – говорил Луф. – Это давири. Это удайни.

Крестьяне просто выращивали кофе – вообще кофе второй волны. Юсуф понимал, что где-то там, в большом мире, все меняется, теперь важны регионы, сорта, но его кооперативу не хватало информации и контактов. Здесь не разбирались в сортах, не знали, где какому сорту лучше расти, как лучше собирать и обрабатывать ягоды разных видов, а главное – кто за все это будет платить.

Мохтар осторожничал. Нутром чуял, что сможет выстроить линию поставок, надеялся связать этих крестьян с элитными покупателями в США, Европе и Японии, но пока ничего такого сказать вслух не мог. Дед втемяшил ему в голову накрепко: «Не обещай, если не уверен, что сдержишь слово. И не обещай, пока нет средств, чтобы сдержать слово».

Так что пока Мохтар гулял и слушал. Слушал Луфа – тот объяснял, как лучше собирать ягоды, когда их лучше собирать. Наблюдал за манерой речи Луфа, за его повадками, припасал все это на будущее. И старался не отставать от Юсуфа и пожилых, даже дряхлых крестьян и сборщиков, которые скакали по террасам, точно кролики. Мохтара втаскивали на скалы и ловили, когда он поскальзывался на ступенях. В разреженном воздухе приходилось то и дело переводить дух. Мохтара пошатывало, и местных это забавляло.

– А это кто? – спросил Мохтар.

Под высоким и замечательно крепким кофейным деревом в одиночестве сидел человек.

– Это Малик, – сказал Юсуф. – Наш лучший фермер.

Малик сидел в тени скрестив ноги и, похоже, был совершенно доволен жизнью.

– Он часто так, – пояснил Юсуф. – Всегда тут. То ягоды собирает, то под деревьями сидит.

На голове у Малика была густо расшитая серая куфи. Его наружность и настрой заинтриговали Мохтара, и он сделал несколько снимков, отметив между тем, что Малик выложил перед собой на полотенце дневной урожай. Штук пятьсот ягод – все рубиновые.

– Вот поэтому он наш лучший фермер, – сказал Юсуф.

Выяснилось, что Малик почти весь урожай собирает сам – помогают ему жена и несколько родичей. Кофе для них не работа и не хобби, нельзя перепоручить его нерадивым поденщикам. Кофе – призвание, наслаждение и источник гордости.

Малику в кооперативе принадлежало около четырехсот

кофейных деревьев, и рядом росли деревья другого фермера. Все собирали свой кофе сами, а затем все ягоды перемешивались – красные и зеленые, спелые и гнилые. Все это продавалось брокеру, и обычно тот злоупотреблял финансово невыгодным положением фермеров. Сортов много, но все в кучу. Одна большая куча, и ее продавали за цену, которую предлагал брокер.

Мохтар подошел к Малику. Тот не встал и вообще уважения не выказал. Ни капли не удивился и не взволновался, узрев визитера из Саны, из Америки. Но когда Мохтар спросил, нельзя ли ему забрать в Сану образец ягод, Малик почтительно согласился.

– Дадим тебе потом большой мешок, – сказал Юсуф.

– Я хочу эти, – сказал Мохтар. – Я хочу ягоды этого человека – и отдельно от остальных.

Юсуф повел гостей обедать к себе в дом. Как-то так вышло, что Юсуф и выиграл лотерею. Дом у него был традиционный, деревенский. Первый этаж без стен и темный, для скота. На втором этаже и выше жили разные ветви семьи. Каждый из семи этажей назывался «дом», и на каждом жила отдельная семья или семьи, и все были друг другу родня. В доме Юсуфа жили четыре поколения.

Для Мохтара и Луфа закатили пир, выдававший, впрочем, сравнительную бедность деревни. Курица нежирная и с душком. Рис в изобилии, и хлеб, и *схуг* – сальсоподобное блюдо из острых перцев, которыми славится регион.

За весьма церемонной трапезой Мохтара и Луфа напоили кофе, сваренным, отметил Юсуф, из плодов тех самых деревьев, под которыми они только что гуляли. Но это был не кофе – не тот кофе, что пьют во всем мире. Этот напиток варили из высушенной шелухи кофейных ягод. То, что Мохтар и почти все за пределами Йемена называют *кишр*, – чай карамельного оттенка, слегка отдающий сладостью, призраком ягоды. Восхитительно вкусный, но не кофе. Мохтар не знал, как сказать об этом Юсуфу, и понимал, что это дурной знак: если председатель кооператива не в курсе разницы между кофе и чаем, задача сложнее, чем Мохтар предвидел.

После обеда они сели пожевать кат, и к ним присоединились десятки других людей, в основном фермеры – всех заинтересовал заезжий американский йеменец и его друг из Саны. Всех, кроме одного человека. В тот день Мохтар столкнулся с ним уже не в первый раз. Человек был дородный, носил солдатскую шинель и

русскую, кажется, ушанку с завернутыми наверх меховыми наушниками. На плече у него висел «калаш», на груди – две гранаты. Мохтар перехватил его скептический взгляд и спросил Юсуфа, кто это.

– Это Генерал, – ответил Юсуф. – Не обращай внимания. Ему не угодишь.

Генерал и впрямь был генералом, служил в йеменской армии, а выйдя в отставку, купил в долине Хаймы участки под кат и кофе и стал одним из крупнейших землевладельцев региона. Весь обед Генерал сверлил Мохтара взглядом.

Луф от ката отказался. Он вообще не жевал кат. Мохтар считал, лучше согласиться, не обижать хозяев, но Луф уперся. И вообще, тут кат употребляли не пойми как. В городе его аккуратно срезали, готовили и подавали красиво. А здесь сваливали на пол, как хворост. Но Мохтар взял листья, сунул за щеку, и все лениво болтали, пока кат не ударил в голову. Всеми овладела легкая эйфория, и Мохтар решил, что пора явить этим людям прошлое и будущее.

Он рассказал им о рождении кофе, о том, что изначально кофе выращивали в Йемене, что кофе – ядро йеменской истории, право Йемена по рождению. Большинство слушателей удивились. Они раньше-то знали? Не поймешь. Мохтар продолжал: голландцы украли саженцы кофе, посадили на Яве, поделились с Францией, французы посадили кофе на Мартинике, португальцы украли его у французов, посадили в Бразилии, а теперь кофейный рынок стоит семьдесят миллиардов долларов и на кофейных зернах зарабатывают все – все, кроме йеменцев, которые вообще-то заварили эту кашу первыми.

Может, все дело в кате, но слушали они открыв рты. Даже Генерал слушал, хотя и посматривал косо. В основном ваши зерна экспортируются в Саудовскую Аравию, объяснил Мохтар. Фермеры продают кофе за гроши, и пора что-то с этим делать. Но сначала нужно усовершенствовать технологию. Собирать ягоды, только когда они красные, – и тут он показал им свое кольцо с сердоликом. Затем следует высушить ягоды на сушилках, на воздухе, чтобы высыхали равномерно. Затем хранить их как полагается, в прохладных и сухих помещениях, чтобы не ферментировались и не плесневели. Сейчас, объяснил он, вы слишком торопитесь со сбором, поэтому зеленые, желтые и красные ягоды перемешиваются, сушатся неверно, доставляются нерадиво, а сортируются небрежно, если вообще сортируются. С обжаркой в Саудовской Аравии беда, сказал Мохтар, и выходит, что на всех этапах кофе не уважают, над зернами издеваются.

Дальше он рассказал им про Монаха из Мохи, и что надо

вернуть себе свое наследие, и что если они повысят качество культивации, будут лучше собирать урожай, лучше сушить, лучше хранить и доставлять, могут повыситься и цены, и заработки.

– Ты нам поможешь? – спросил кто-то, и во взгляде Генерала Мохтар различил искорку надежды.

«Я? – подумал Мохтар. – Нет – во всяком случае, пока еще нет». Он перестраховывался. Хотелось, но нельзя было сказать, что он приехал не просто консультантом, не просто непонятным представителем ИКК или АМР, а потенциальным покупателем, потенциальным экспортером.

После ката их с Луфом попросили расписаться в деревенской книге гостей. Все гости деревни подписывали ее веками – громадную книжищу с пожелтевшими страницами. Мохтар вывел свое имя, а ниже написал: «Вашим по́том, и кровью, и усердием ваш кофе станет лучшим в мире». Решил, что так будет правильно.

На обратном пути Юсуф откровенно разволновался:

– То есть ты поможешь нам продавать дороже?

– Не знаю, – сказал Мохтар.

– Но ты поднимешь нам цену, если мы будем выращивать лучше?

– Не уверен, – сказал Мохтар. – А вы *можете* лучше?

В Сану они вернулись поздно. Город уже затих; Мохтар вошел в дом, спрятал кофейные образцы под кресло в углу, развернул скатку и лег.

«Я не могу, – думал он. – Без шансов».

Где-то посреди долгого пути домой, что сотни миль двухполосными дорогами петлял мимо бесчисленных вооруженных незнакомцев, где-то посреди раздумий о том, что фургон вот-вот опять тормознут на блокпосту, Мохтара одолели сомнения. Всего-то первая поездка, а он уже столкнулся с мстительной толпой, за которой склона холма не видать. Он заморочил голову одной деревне, но на такое предприятие его не хватит. Это какой-то бред.

И ведь есть еще ростовщики. Придется идти голова к голове с ростовщиками. С ростовщиками, о которых он не знает ничегошеньки. Дед Мохтара родом из влиятельного племени, но готов ли Мохтар подрезать источник дохода у толпы кровожадных ростовщиков? На их совесть надеяться нечего – они порабощают фермеров и плевать хотели на качество кофе, которым торгуют. Что будет, если явится Мохтар из Сан-

Франциско и их подвинет?

А фермы – это же сущая катастрофа. Зерна порой хранятся по пять лет! Фермеры запасают их, точно твердую валюту, – можно подумать, зерна не стареют. И вдобавок этот чай – они хоть понимают разницу между чаем из шелухи и кофе из зерен? И удастся ли улучшить культивацию так, чтобы кофе и впрямь сильно вырос в цене? Кто его знает, что там за кофе. Допустим, фермеры станут собирать ягоды как надо, и сушить как надо, и обрабатывать как надо – все будут делать как надо, но кто заранее скажет, хорош ли выйдет кофе? Вдруг он ужасен? Тогда ничего не исправишь, как ни совершенствуй производственную цепочку.

И опять же, Мохтар не смыслит ни бельмеса. Изучает кофе месяцами, учится у лучших – в «Голубой бутылке», у Виллема Бота, – кое-как разбирается в каппингах и обжарке, но ничего не понимает в культивации, или сборе урожая, или сортировке. Не в курсе, как растет реальное дерево в реальном мире. Луф выше его на голову.

«Нет уж», – думал Мохтар. Он какой-то шут гороховый. У него есть название компании и логотип, но он сам не знает, что делает. Он одолжил денег у Омара, а теперь все псу под хвост. Можно – и нужно – вернуться домой. Пойти в колледж, поучиться чему-нибудь. Хватит уже халявить. На сей раз вжиться в роль не получится.

Глава 22
Отправная точка

Хотя, если вдуматься, раньше-то получалось.

Его отправной точкой стала развязка. Следующие три месяца Мохтар чуть не каждый день приезжал на развязку возле «Панасоника», садился в очередной фургон и всякий раз направлялся в новый район – он вознамерился посетить все тридцать два кофейных региона Йемена. Одни были как Хайма: трудолюбивые фермеры, сравнительно продвинутые технологии и видно, что с людьми можно иметь дело. Другие поездки вгоняли в тоску. Один раз он ехал семь часов и обнаружил, что в регионе растет лишь крошечная рощица кофейных деревьев, и двадцати не наберется. Некоторые фермеры просто-напросто не внушали доверия.

И они тоже не доверяли Мохтару. В большинстве регионов фермеры относились к нему с вежливым подозрением. К ним десятилетиями более или менее постоянно ездили какие-нибудь неправительственные организации, а после 9/11 стало регулярнее наведываться АМР США. Иногда это приводило к какому-никакому прогрессу, иногда нет. Иногда строили, допустим, водосборник, а бывало, что водосборник или еще что-нибудь начинали строить, но так и не достраивали. Намерения у гуманитарных сотрудников были добрые, порой безупречные, а вот систематическая работа хромала. В таких обстоятельствах и приезжал Мохтар. Он появлялся – стильно одетый, со своим классическим арабским, со своим американским паспортом, – и хотя фермеры были бы рады поверить, что у Мохтара есть ответы на вопросы, понимание, а главное, возможность продавать их кофе подороже, верилось им с трудом.

Однако традиции гостеприимства требовали обходиться с Мохтаром хорошо. Поэтому фермеры показывали ему террасы, кормили обедом, потом жевали с ним кат, а временами оставляли на ночлег. Ожидали они свидеться с ним вновь? Да не то чтобы. Ожидали, что он изменит их жизнь? Нет.

Он знал, что может усовершенствовать их методы культивации. Он знал, что качество резко вырастет, если сборщики просто будут срывать только спелые ягоды цвета сердолика. Что обрезка повысит плодоносность деревьев, а если фермеры станут сушить ягоды на высоких сушильных

платформах, качество вырастет еще. Если паковать зерна в пластик, а не мешковину, влага не будет испаряться, и от этого кофе станет вкуснее. Это азы – это могут изменить сами фермеры. Если ягоды будут собраны и высушены качественно, Мохтар обработает их сам – тщательнее, чем принято, – а получив зерна, отсортирует их прилежнее, чем здесь сортировали последние сто лет. Мохтар знал: лично он тоже многое может изменить.

Закавыка в том, чтобы дожить до следующего урожая. В разъездах это оказалось нелегко. В первую же неделю Мохтар свалился с малярией. Заехал в Буру, далеко на западе Йемена, утром проснулся с пожелтевшими глазами. То ли в Буре подхватил, то ли в Хайме, но несомненная малярия, и Мохтар не мог пошевельнуться. Его трясло. Руки-ноги ослабли и онемели. Хозяева дома в Буре дали ему таблетки, но Мохтар был уверен, что умрет. Его отвезли в местную больницу, где он две ночи пролежал в лихорадке.

Выздоровев уже в Сане, он поехал снова, и на сей раз в Бани Исмаил на него напала какая-то бешеная диарея. Два дня он не отходил от очка (нормальных туалетов в деревне не было) и все ждал, что через задний проход вот-вот выпадет печень.

Спустя несколько недель его навестил солитер – к этому выводу пришли все, да и он сам. Мохтар ел с утра до вечера и ночь напролет, но не набирал веса. Кто-то утверждал, что тело таким образом корректирует потерю веса после малярии и диареи. Мохтар ел, ел и ел, но почему-то худел все сильнее.

– С ним можно жить, – сообщил ему один друг. – Сосуществовать.

– А ты керосинчиком его, – посоветовал другой.

Выяснилось, что это давний обычай – пить керосин, чтобы вытравить паразита. Мохтар решил обождать, и спустя еще неделю метаболизм нормализовался. То ли солитер ушел сам по себе, то ли его и не было – Мохтар не понял. Еще несколько недель Мохтар наслаждался нормальной работой пищеварительной системы, а затем познал ни с чем не сравнимую боль от камня в желчном пузыре. Провалялся в больнице еще ночь и на волю вышел помятым.

Три месяца он провел в Йемене и болел каждые четыре или пять дней. Ему рекомендовали опасаться питьевой воды, фруктов, любой пищи, где могут таиться бактерии, – он же американец, он не приспособлен к организмам, с которыми свыклись йеменцы. И хотя Мохтар знал, что от некоторой пищи в некоторых деревнях

стоит отказываться – да почти от любой пищи, от любой необработанной пищи, от любой воды, соков, фруктов, в любых деревнях, – отказываться он не мог. Он гость, а гость должен уважать хозяев, и нужно подчеркивать свое йеменское наследие, а чужеродность и хрупкость, наоборот, не подчеркивать. Так что Мохтар ел все, что дадут, и надеялся на лучшее. Диарея приключалась так часто, что он бросил считать и переживать. В конце концов, это невысокая цена за легендарную йеменскую щедрость.

Он продолжал ездить. Опять в машину. По разбитым дорогам, через узкие горные перевалы, в новые деревни, где всякий раз его приветствовали традиционными *замилями*, а потом проводили лотерею – разыгрывали, кому выпадет честь его приютить. За обедом и катом его неизменно усаживали на гору подушек и одеял во главе стола, точно монгольского полководца. Всегда подавали холодную газировку – едва Мохтар прибывал в деревню, детей посылали купить газировки, пешком за много миль. А за экскурсией по террасам, и обедом, и катом всегда следовали подарки. Если регион славился манго, Мохтар увозил с собой кучу манго – немыслимо столько съесть. Если в регионе делали мед, Мохтару дарили столько меда, что хватило бы наполнить ванну. И разумеется, всякий раз он уезжал с кофейными ягодами, лучшими образцами деревенского урожая, и возвращался в Сану, складывал образцы в угол гостиной у Мохамеда и Кензы и ложился спать.

Он съездил в Бейт Алия, в двух часах от Саны, более двух тысяч метров над уровнем моря. Там земля была благословлена обильным водоносным слоем, и фермеры возделывали тридцать тысяч деревьев. Он съездил в Бани Матар, около двух часов от Саны и в тысяче восьмистах метрах над уровнем моря. В Бани Исмаил он видел самый драгоценный и дорогой йеменский кофе. Зерна маленькие, почти круглые, урожай сильно зависит от дождей. Местный кооператив был дружелюбен и дисциплинирован, но там не знали наверняка, сколько кофе производят. За один урожай, сказали Мохтару, наполняем по два грузовика в неделю плюс-минус восемь недель. Более точных подсчетов они не проводили. В Аль-Удайне Мохтар видел самые красивые зерна во всем Йемене. Но не все поездки увенчивались успехом. Наоборот – успех выпадал редко. Как-то раз Мохтар семь часов ехал в Хадджу – согласно его исследованиям, это кофейный регион. Приехав, никакого кофе он не нашел. Местного крестьянина на пыльной дороге потрясло, что Мохтар зазря притащился в такую даль.

– Кофе выращивал дед моего деда, – сказал крестьянин. – Ты

припоздал лет на сто.

Всякий раз, когда Мохтар возвращался в Сану, Мохамед и Кенза видели при нем очередной мешок и замечали, что их гостиная как будто съеживается. Но оба помалкивали, принимая за беспримесную правду то, что Мохтар им сообщил, – что он пишет курсовую про кофе в Йемене.

Однако спустя время стало ясно, что обманывать их больше нельзя.

– Я начинаю бизнес, – сообщил им Мохтар.

– Что ж ты раньше-то не сказал? – спросили они.

Даже не знаю, как ответить, отозвался он. Хамуд велел планами ни с кем не делиться. Но с другой стороны, посмотрим, что такое для йеменцев местное кофейное производство. Несерьезно. С тем же успехом можно говорить, что торгуешь леденцами. На продаже кофе никто не зарабатывает.

– Но у меня может получиться, – прибавил Мохтар.

Он рассказал, где побывал, показал фотографии. Мохамед и Кенза были изумлены. Они никогда не видели этих районов Йемена. В Иббе, конечно, бывали, но в Хайме нет, и в Буре, и Хадджe, и в Бани Хаммад.

– Что ж ты нас-то с собой не взял? – спросили они.

Иногда он брал их сына Нуридина. Восемнадцать лет, самый старший из шестерых детей, что по-прежнему жили дома. Только что окончил школу, перспектив никаких. Подумывая про американский колледж, он подал на визу в посольство США, и там его завернули с комической снисходительностью.

– Кто вас спонсирует? – спросили его.

– Мой брат Акрам, – ответил Нуридин. – Он работает вахтером в Современном еврейском музее в Сан-Франциско.

– В Сан-Франциско? Да это самый дорогой город в мире! – сказал агент и в визе отказал.

Тогда Нуридин подал документы на рабочую визу в Южную Корею. Визу получил, прилетел в Сеул, приземлился, но его не пустили. Все бумаги были в порядке, но его опять посадили на самолет и отправили обратно. Тогда он полетел в Малайзию, исторически гостеприимную к йеменцам, и там одно время работал в ресторане, где ему платили смешные деньги, да еще и издевались.

А теперь Мохтару не помешала бы помощь. Ему нужен человек, который будет ездить с ним по регионам, помогать каталогизировать образцы, записывать имена фермеров, урожаи. Нуридин стал первым сотрудником Мохтара, а вопрос зарплаты они, естественно, отложили на потом.

Мохтар по-прежнему навещал племенные территории, в нескольких часах или нескольких днях езды от Саны, и всякий раз брал с собой нож и пистолет «зиг зауэр». У шофера была полуавтоматическая винтовка. Если предстояла поездка в особенно беспокойный или непонятный район, с ними ехал охранник с «калашом» и гранатой. Все это было в порядке вещей. В Йемене проживают двадцать пять миллионов человек, и в стране минимум тринадцать миллионов единиц оружия – в пересчете на душу населения это самое вооруженное государство после Соединенных Штатов. Мужчины носили «калаши» на улицах. Приходили с ними на свадьбы.

В детстве Хамуд подарил Мохтару пистолет, кольт.45-го калибра, и Мохтар его сохранил. В конце концов он купил старый АК-47 и порой одалживал у Хамуда АКС-74У 1983 года. Спокойнее, когда они лежат в фургоне, – мало ли, вдруг опять влипнешь в межплеменную распрю или кто-нибудь покусится на наличку, которую Мохтар носил под ремнем. Или бензин понадобится.

Ходили слухи, что сторонники изгнанного Салеха бомбят нефтепроводы. Салех хотел подорвать инфраструктуру и тем убедить йеменцев, что при нем дела обстояли благополучнее. Поэтому бензин порой исчезал, цены взлетали, на бензоколонках вырастали очереди. Когда очереди длинны, нервы у всех ни к черту. Кто-нибудь пытается влезть без очереди, а кто-нибудь еще достает оружие и палит в воздух.

Мохтар так привык мотаться по регионам, возвращаться в Сану пыльным, немытым, небритым и в племенном наряде, что порой забывал, на каком он свете. В столице он раз в неделю ходил в кафе «Кофейный уголок» – дорогое заведение, которое посещали богатые и просвещенные йеменцы, а также некоторые гости с Запада, – подключался там к вайфаю и писал свои отчеты.

Как-то утром он зашел в кафе, не приняв душ и толком не выспавшись, и сел неподалеку от двух молодых женщин в дорогих

туфлях и разноцветных хиджабах, с утонченным и ненавязчивым макияжем. Одна достала ноутбук и принялась смотреть «Дневники вампира»[15] без наушников. Вой и вопли слышало все кафе. Женщин это не смущало. Однако вскоре они обратили внимание на Мохтара.

– Ты на него посмотри, – сказала одна. – Дикарь дремучий.

Мохтар не сразу поверил, что речь про него. Говорила женщина по-английски, полагая, что Мохтар – какой-то крестьянин, ненароком забредший в элегантное городское кафе. При нем были нож, пистолет, сам растрепан и в растрепанных чувствах – ясно, что она приняла его за гостя с захолустного севера, за хусита, неотесанного и кровожадного, традиционный объект насмешек горожан.

Хуситы придерживаются направления шиитского ислама под названием зейдизм – зейдиты составляют около тридцати пяти процентов всех йеменских мусульман. До 1962 года зейдиты тысячу лет контролировали север Йемена, и хуситы нередко ввязывались в территориальные конфликты с соседями – саудитами на севере и йеменскими властями на юге. В Сане их считали досадной напастью, невоспитанными деревенщинами, которым лишь бы оружием помахать.

– Вот он и есть наша главная беда, – продолжала женщина. – Из-за таких людей вся страна топчется на месте.

У Мохтара было много работы, он вымотался, однако его внутренний оратор не дремал.

– Простите, мэм, – по-английски сказал Мохтар, – но беда здесь – *вы*.

У женщины отпала челюсть. Смотрела женщина так, будто перед ней непостижимый говорящий зверь.

– Вы унижаете меня, – продолжал Мохтар, – и при этом смотрите свой подростковый сериальчик без наушников.

Женщины глядели ему в рот, будто гадали, дублирована ли его речь. У них в головах не укладывалось, как с губ этого варвара срываются слова на американском английском.

– Вы должны меня уважать, – сказал Мохтар, – вы должны уважать это пространство и людей, которые здесь сидят, и не стоит делать выводы на основании того, как я выгляжу. Вообще-то, по-моему, вам стоит уйти.

И они ушли.

У племенного имиджа были свои плюсы. Снова приехав в Хайму поговорить с Юсуфом и Маликом о сушилках и

ближайшем урожае, Мохтар проснулся утром от далекого треска выстрелов.

Он взял свой «калаш» и пошел на звук в долину, где мужчины соревновались в стрельбе. Среди них был и Генерал. На плече у Мохтара он заметил автомат.

– Стрелять-то умеешь? – скептически спросил Генерал.

– Умею, – ответил Мохтар.

Стрелки целились в белый камешек на гребне ярдах в семидесяти. Пока что никто в него не попал.

– Твоя очередь, – сказал Генерал.

Рафик и Ракан учили Мохтара стрелять из мелкашек, пистолетов и «калашей» в стрелковом клубе «5 собак» в Бейкерсфилде, неподалеку от Ричгроув, и Рафик объяснял про боеприпасы для разных видов оружия и относительную меткость каждого. Эти местные мужчины стреляли сплошь из новых АК, мощных и эффективных, но не таких метких, как «калаш» Мохтара, выпущенный раньше 1974 года. Для прицельной стрельбы такие гораздо лучше.

Мохтар подошел, прицелился, выдохнул и выстрелил.

Камешек слетел с гребня.

Мохтар отошел, выслушал похвалы остальных и в лице Генерала прочел некое подобие уважения.

Зная, что повторить выстрел, скорее всего, не сумеет, и понимая ценность эффектно брошенного микрофона, Мохтар закинул автомат на плечо и удалился.

Глава 23
Отъезд из Саны

Мохтар глянул, какие рейсы летают из Саны, и нашел один с пересадкой в Катаре. Пора возвращаться в Штаты. Проверить собранные образцы – домой он вез двадцать один набор, – и навестить родных, и подумать, где найти несколько сотен тысяч долларов, чтобы снова приехать в Йемен и уже взаправду купить кофе, если среди образцов найдутся качественные.

Пять дней он лихорадочно завершал сбор образцов по всему Центральному и Северному Йемену. Дело было в Рамадан; хуситы тем временем взяли Амран, последний рубеж обороны на севере, и теперь угрожали и Сане.

Каждую ночь Мохтар бодрствовал до четырех утра, молол образцы и ложился спать весь в кофейной пыли. В конце концов накануне вылета он упаковал одежду. Упаковал образцы, которые хранились в квартире. Половина зерен осталась в Иббе – кое-что он хранил у Хубайши, – но с этим придется обождать. Вот проклятая страна, думал Мохтар. В Амстердаме можно было бы послать коробку «ФедЭксом» прямо сегодня вечером, в любой вечер. Можно было бы уехать, попросить кого-нибудь все прислать – звякнуть Самиру, или Мохамеду, или кому угодно. А в Йемене, если хочешь вовремя вывезти что-нибудь из страны, придется везти самому.

Мохтар купил пять чемоданов и набил туда двадцать один образец с двадцати одной плантации – все виды кофе из всех регионов. Что еще? Нужен мед. Родители хотели йеменского меду. Еще они хотели йеменского миндаля и изюма – значит, надо в старый город Саны. Мохтар позвонил Нуридину, попросил помочь. Нуридин не спал – никто не спал, Рамадан на дворе, – и вдвоем они в предутренние часы мотались по городу на такси, собирая все, что нужно Мохтару. Десяток подарков для всех калифорнийцев, кто пришел на ум, – открытки, благовония, алоэ, четки, серебряные кольца с сердоликом, кашемировые платки ручной работы.

Дальняя родня, узнав, что Мохтар летит в США, попросила присмотреть за их шестилетней дочерью Диной, летевшей в

Калифорнию тем же рейсом. Позднее Мохтару нелегко было объяснить легкость этого уговора – как это так, везти дочь родственника, девочку, которую он впервые в жизни видит, через континенты и океаны. Но прилететь в Йемен и вылететь из Йемена – та еще задачка, редко попадаются такие, как Мохтар, чтоб уезжали и могли сопроводить Дину, которая летела к родным в Модесто.

Пока Дину собирали, замечательно бодрые Мохтар и Нуридин носились по бессонному городу, хохотали не умолкая, а между тем вставало солнце. Потом они свернули на одну из самых оживленных центральных улиц Саны и угодили под перестрелку.

Утро прорезал треск автоматной стрельбы. Мохтар задрал голову и над крышами домов по обеим сторонам увидел силуэты «калашей». Стоило бы дать задний ход, но такси застыло.

– Назад, назад! – заорал Мохтар.

– Она не умеет назад! – заорал таксист в ответ. – Вылезайте, будете толкать!

Мохтар и Нуридин вылезли и стали толкать такси. Они ржали. Не могли остановиться.

– Приятно было познакомиться, – сказал Мохтар.

По его прикидкам, шансы выжить у них были где-то шестьдесят на сорок.

Толкая такси, Мохтар заметил на багажнике бак с пропаном. В Йемене такое часто, бензин-то дефицитен, шоферы переделывают двигатели, чтоб работали на пропане.

Мохтар и Нури захохотали еще громче. Они тут толкают такси с открытым пропановым баком, а у них над головами тарахтят автоматы. И не убежишь. В такси лежит весь их кофе.

Вскоре Мохтар добрался до аэропорта – сидел в зале ожидания, думал о том, что было час назад, об этой минуте, когда он чуть не погиб. Оглядевшись, он вспомнил, что с ним тут шестилетняя девочка и она пока что не произнесла ни слова. Мать поцеловала ее в лоб, велела вести себя хорошо и по дороге в Америку не баловаться.

Красивый ребенок – темно-карие глазищи, черные кудри. В футболке «Хелло Китти», с рюкзаком «Губка Боб». Мохтаром, как ни странно, не интересуется вообще, а ведь он везет ее в путешествие, им предстоит провести вместе часов двадцать шесть – до Катара, через Атлантику до Филадельфии, потом дальше, в Сан-Франциско. Все это предприятие – уехать из Йемена, уехать

из Йемена с Мохтаром, которого она впервые в жизни видит, перелететь пустыни и океаны – не смущало Дину.

– Что, не будешь со мной разговаривать? – спросил Мохтар.

Дина посмотрела на него, промолчала и отвернулась. До самого Катара не промолвила ни слова. В самолете показывали кино, а Мохтар ужасно не выспался. Проснулся, когда они приземлялись в катарском международном аэропорту Хамад. Пересадка длилась десять часов, так что Мохтар накормил Дину обедом, она с удовольствием все съела и в конце концов заснула у него на плече, пока они ждали рейса до Филадельфии. В дороге она тоже спала, а просыпаясь, ела обернутую в пластик самолетную еду и в общей сложности семь часов смотрела мультики.

В аэропорту Филадельфии Мохтар взял Дину за руку – она была такая сонная, что позволила, – и они зашагали к пограничному контролю. Две очереди – одна к молодому человеку в будке, другая к человеку постарше, и хотя обе очереди были не очень длинные, одна двигалась быстрее, Мохтар встал туда и вскоре уже здоровался с молодым человеком. Позднее думал, что, вероятно, зря. В эту невозможную игру американские арабы играли уже много лет: кто просвещеннее, кто лучше понимает – молодые чиновники, выросшие в разнообразном связном мире, или немолодые, повидавшие в американских аэропортах больше путешественников?

– Здрасте! – сказал Мохтар как можно более по-американски – показать, что говорит без акцента, что вырос в Америке.

Не помогло. Не прошло и двух минут, как молодой пограничник сунул паспорт Мохтара в красный конверт.

– Пройдемте, – сказал пограничник. – Не волнуйтесь. У вас все хорошо.

Мохтара и Дину отвели в боковую комнату, и когда дверь открылась, Мохтар увидел целое море арабских лиц. Он сто раз летал по США, в Йемен и из Йемена, но, как ни странно, его никогда не задерживали, не допрашивали, ничего такого. Новизна этой картины – впервые увиденной своими глазами, после стольких лет рассказов – только подчеркнула абсурд.

– Салам алейкум! – громко сказал Мохтар, рукой обведя полкомнаты.

Кое-кто рассмеялся. Большинство ответили на приветствие:

– Ва алейкум ассалам.

Другие слишком изнервничались, или устали, или впали в прострацию. Кое-кто торчал здесь часов пять или шесть. В этой комнате время лишалось смысла, и некоторые мужчины и женщины были уже за гранью терпения.

Мохтар и Дина немножко посидели, а затем к Мохтару приблизился чиновник с любезной гримасой. Судя по бирке на груди, звали его Джоэл.

– Здравствуйте, Мохтар, – сказал он. – Можно называть вас Мо?

– Нет, – сказал Мохтар, а потом не удержался: – Можно называть вас Джо?

Джоэл снисходительно улыбнулся, и Мохтар улыбнулся в ответ: мол, эти проверки – ущербная, расистская по сути процедура, но он пока еще готов не терять чувства юмора.

Джоэл как будто смущался. Сказал, что это просто формальность, вообще все это, и они вышли из комнаты и по коридору добрались до зоны багажа, где Мохтар забрал чемоданы. Увидев, сколько у него чемоданов, Джоэл заинтересовался, но улыбки с лица не снял, сказал, что не вопрос, обычная формальность, стандартная процедура.

Другой чиновник помог дотащить чемоданы до стального стола и там их открыть – взорам явилась куча кофейных зерен в куче пластиковых пакетов. Мохтар понимал, что Джоэл и вообще таможня слишком заинтригованы. Знал, что не успеет на следующий рейс. Прикинул, кому из адвокатов с Восточного побережья можно позвонить.

– Итак, кем вы работаете? – спросил Джоэл.

Стараясь не выказывать раздражения, Мохтар ответил, что занимается кофе, он импортер, помогает улучшить условия для йеменских фермеров, – и, кстати говоря, его работу очень поддерживает Агентство США по международному развитию, он помогает американскому правительству.

– *Моему* правительству, – прибавил он, повысив голос. – Я хочу, чтобы мы хорошо выглядели за рубежом!

Тут Джоэлу стало совсем интересно, но тон беседы переменился. Джоэл спросил про кофе – какой кофе лучше, какая лучше обжарка, темная или светлая, какую обжарку предпочитают эксперты? Мохтар слегка успокоился и как можно непринужденнее заговорил про сорта, про разные обжарки, про то, как высота над уровнем моря влияет на кофейные ягоды, про относительные плюсы йеменского кофе – пускай Джоэл закажет йеменский кофе, когда в следующий раз зайдет в кофейню, а

скоро он сможет пить кофе, который импортирует лично Мохтар. И поскольку вся эта кофейная беседа шла так гладко, Мохтар утешал себя, что им с Диной вскоре разрешат застегнуть чемоданы и уйти.

Но сначала санитарный контроль, сказал Джоэл. Все чемоданы застегнули, провезли по очередному коридору в очередную комнату, где водрузили на очередные стальные столы.

Женщина в мундире сообщила Мохтару, что без документов и разрешений ввозить в страну растительные образцы нельзя; она еще много чего говорила, только он сбился и не запомнил, потому что, пакуя горы кофейных зерен, ни о чем таком не подумал. Он пережил допрос, вполне вероятно – расистский, но теперь эта вполне разумная женщина задавала вполне легитимные вопросы о том, имеет ли Мохтар право импортировать пять чемоданов кофейных зерен, в которых таятся – а может, и не таятся – представители инвазивных видов насекомых или неведомые бактерии.

Женщина, впрочем, сама не понимала, к какой категории относится кофе. Это же все-таки не живое растение. Это зерна. И она тоже один за другим задавала Мохтару предсказуемые вопросы. Вы из Йемена? А в Йемене есть кофе? Плодородные регионы? Там правда что-то растет? Обожаю кофе, сказала она. А это хороший кофе? А в магазинах продается? А в «Старбаксе» йеменский кофе есть?

Невероятно, но, проведя у санитарного инспектора десять минут, Мохтар уже вновь застегивал чемоданы – ему разрешили идти. То ли могущество кофе сработало, то ли могущество его обаяния, но Мохтар пошел дальше, крепко держа Дину за руку, очень довольный тем, как все обернулось, – он почти не сомневался, что на следующий рейс они успеют.

Тут Джоэл отвел его в самый конец очереди:

– Вам придется еще раз пройти службу безопасности.

Мохтар пропихнул на конвейер свою ручную кладь, следом сунул Динин рюкзак с Губкой Бобом – последний этап, все должно быть гладко. Но после рамок и рентгена его с Диной опять отвели в сторонку; сотрудники Управления транспортной безопасности искали следы взрывчатой пыли на его ручной клади, а Мохтар между тем, обернувшись, увидел, как досматривают Дину.

Их пропустили, и они зашагали по коридору в поисках своего следующего рейса, но поскольку вышли они через санитарный контроль, вокруг все было незнакомое, а до гейта далеко. Сотрудники УТБ объяснили Мохтару, куда идти, налево, направо, опять налево, но он заблудился и вновь оказался по ту сторону

досмотра. Чтобы попасть к гейтам, надо пройти досмотр еще раз.

Так что они прошли досмотр еще раз. После досмотра, когда до рейса оставались считаные минуты, они помчались к гейту, и там Мохтару навстречу шагнул очередной сотрудник УТБ:

– Можно задать вам несколько вопросов?

Спрашивали про поездку Мохтара в Йемен, его работу, проживание в Соединенных Штатах. Расспросы длились десять минут – хватило, чтобы Мохтар и Дина опоздали на самолет.

Они уже четыре часа торчали в аэропорту Филадельфии. Следующий рейс ожидался через шесть часов. Мохтар подошел к стойке авиакомпании – афроамериканка за стойкой поздоровалась, извинилась, что так вышло, и выдала Мохтару с Диной новые билеты не на соседние места.

Мохтар попросил соседние места, и афроамериканка сказала, что это можно, но придется доплатить.

Мохтар доплатил, и она выдала ему новые билеты, на которых была пометка, что Мохтар и Дина подлежат дополнительным проверкам.

– Знаете что? – сказал Мохтар. – Вы работаете в расистской организации. Уж кто-кто, а вы-то должны понимать. Меня проверяли четыре часа, и я опоздал на самолет. Мне поэтому и нужны новые билеты. А вы снова отправляете меня на проверки, потому что я смуглый.

Мохтара несло, он заговорил громче. Люди вокруг прислушивались. Он продолжал:

– Вы вообще в профсоюзе? Вы работаете на расистов. Это расистская система.

И в конце концов афроамериканка и ее коллега, белый мужчина, принялись извиняться.

Белый мужчина вышел из-за стойки и склонился к Дине:

– Хочешь стикер?

– Да не хотим мы ваших стикеров! – сказал Мохтар. – Мы хотим уважения.

Слушали все, кто собрался у гейта. Кое-кто захлопал. Мохтар кипел до самой посадки, а когда его билет просканировали, раздался сигнал, и очередная сотрудница безопасности отвела Мохтара в сторонку. Огляделась и сказала:

– Все, идите уже.

Мохтар взял Дину за руку и поспешил прочь.

Глава 24
А вот это интересно

«Ты потерял вес». Это первое, что говорили ему все в «Бот-кофе». Мохтар похудел на двадцать пять фунтов. «Ты потерял жопу», – отмечали все.

Десять часов Мохтар и Стивен разбирали йеменские образцы. Образцы были грязные, несортированные, куча треснувших зерен и прочих дефектов. Отобрав зерна, с которыми можно работать, Стивен тщательно их обжарил, а затем Мохтар, Стивен и Виллем провели очень официальный каппинг, дабы выяснить, есть ли у Мохтара, а заодно у Йемена хоть какие-то надежды войти в мир спешелти-кофе.

Первые несколько порций были кошмарны.

– Отстой, – снова и снова говорил Виллем.

Каппинг проводили в «Бот-кофе», и Мохтар включился в процесс, надеясь на лучшее, вспоминая знакомых фермеров – Генерала, и Малика, и Юсуфа; все их будущее зависело от того, может ли их кофе стоить больше, стоить дорого.

– Отстой, – прокомментировал Виллем очередной сорт.

В тот день они попробовали десять сортов, и вердикт Виллема всякий раз был один: не годится. В образцах грязь, земля, слякоть, зерна старые и переферментированные. Нечисты и лишены достоинств.

Ничего экстраординарного Мохтар не ждал. Если хотя бы несколько образцов заслужат оценку больше 80, прикидывал он, уже будет от чего плясать. За несколько сезонов или несколько лет он дотянет их до 90. Но пока ни один его кофе не заслужил больше 70. Ради настолько плохого кофе незачем возвращаться в Йемен. Без толку.

Назавтра Стивен аккуратно обжарил оставшиеся одиннадцать образцов – он очень старался повысить шансы этого кофе, помочь ему добиться почета.

– Отстой, – снова сказал Виллем.

Пять образцов из последнего десятка не годились вообще никуда. Не оправдали даже стоимости своей перевозки из Йемена в США. Мохтар уже не знал, стоит ли продолжать. Он, пожалуй, не выдержит, если еще раз услышит «отстой».

Тут Виллем хмыкнул. Как будто удивился.

– А вот это интересно, – сказал он.

Спустя несколько дней Мохтар стоял перед «Роял граундз кофе», крупнейшим обжарщиком и импортером Северной Калифорнии, и плакал. Три образца заслужили у Виллема, Джоди и других Q-грейдеров больше 90 баллов. Два из Хаймы, один из Ибба. Один из сортов вырастил Малик.

Мохтар отнес образцы в «Роял граундз», и на основании таких оценок там сказали, что готовы купить восемнадцать тысяч килограммов. В объеме восемнадцати тысяч килограммов у Мохтара не было ничего, но в теории добыть можно. Если будет чем заплатить.

Он снова пошел к Омару. Рассказал про оценки, про перспективу больших заказов от крупнейших обжарщиков и продавцов. Омар собрал небольшую группу инвесторов – американских арабов, добившихся успеха в технологическом секторе. Вместе они пообещали одолжить Мохтару денег – около трехсот тысяч долларов – на контейнер кофе. С оговорками, конечно. Кофе должен быть высочайшего качества, и этот кофе еще нужно как-то вывезти из очень нестабильной страны. Денег Мохтар не получит, пока не докажет ценность кофе и свою способность его доставить.

Мохтар согласился. Не знал, что еще сделать, да других вариантов и не было. И он верил в себя, хотя в последний раз, получив на руки крупную сумму наличными, сложил ее в портфель и потерял на автостоянке.

Родители гордились его работой в Йемене, но не хотели, чтоб он снова туда уехал. Он и так вернулся, похудев на двадцать пять фунтов, – кожа бледная, запавшие глаза. Малярия или солитер – что уж он там подхватил – пошатнули его организм. Родители боялись за здоровье Мохтара, но еще сильнее боялись из-за того, что недавно, 21 сентября, хуситы взяли Сану и страна застыла на пороге гражданской войны.

Однако Мохтар купил билет на самолет. Скоро следующий урожай, а он теперь может взаправду купить кофе. Он должен – инвесторы рассчитывают, «Роял граундз» ждет. Осталось только сдать экзамен по Q-грейдингу, тогда он вернется в Йемен первым арабским Q-грейдером в истории. Да запросто.

Не очень. Мохтар снова пошел на экзамен. Опять принимала Джоди, и было сложно, как и в первый раз, но он тогда подошел к победе так близко, потом прикоснулся к корням кофе, и вдобавок у него миссия, им руководят судьба и Бог, – в общем, поэтому, считал Мохтар, экзамен он и сдал.

В сентябре 2014 года Мохтар стал первым в мире арабским Q-грейдером арабики, а в октябре вернулся в Йемен, в Хайму. Хотел навестить Малика – человека, которого впервые увидел под кофейным деревом. Высочайшего балла заслужил кофе Малика – этот кофе и подпитывал мечту.

Мохтар воображал, как прилетит в Нью-Йорк, а потом в Лондон, а потом в Сану, а потом приедет в Хайму по долине, которой не коснулось время, и найдет Малика под тем же деревом, и передаст весть о том, что кофе у Малика – один из лучших в мире.

Глава 25
Страна без власти

Дети с «калашами» наперевес – это было ново. Приземлившись в Сане 27 октября 2014 года, Мохтар в аэропорту и по дороге в столицу столкнулся с мешаниной военных подразделений, сил безопасности и неприкаянных отрядов хуситских или псевдохуситских повстанцев.

Как небольшая группка захолустных жителей умудряется захватить страну? Мохтар почти всю жизнь провел в Калифорнии, и на ум ему приходила такая картина: как будто почти никому не известные ополченцы с орегонской границы налетели и заняли Сакраменто, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, нигде не встретив особого сопротивления. Вчера Йеменом правил президент Хади – сегодня он уже в бегах, а у руля внезапно стоят эти северные повстанцы, хуситы, которые прежде не очень-то влияли на йеменскую политику.

В сентябре хуситы взяли под контроль большую часть столицы. Попутно они добились капитуляции или невмешательства почти всех йеменских вооруженных сил. В армии не было четкой вертикальной иерархии, немногие из командующих офицеров были безусловно верны Хади, так что продвижению хуситов почти ничто не мешало. Кое-каких командиров они подкупили, а те, что были сторонниками Салеха, открывали им путь сами. И вот столица принадлежит хуситам.

Шагая по аэропорту, Мохтар видел их везде – вооруженные до зубов, в традиционном платье, с тюрбанами и кинжалами, они странным образом сосуществовали с обычной транспортной службой безопасности. Мохтар сел в такси и спустя несколько минут очутился перед блокпостом под контролем хуситов. Во всяком случае, одеты они были как хуситы. Но совсем дети, не старше тринадцати. Одному, похоже, лет десять.

Они махнули таксисту, и таксист затормозил, и Мохтар посмотрел, как разворачивается нелепый фарс. Дети прикидывались взрослыми мужчинами, солдатами, а таксист прикидывался, будто не замечает или не удивляется, что эти солдаты – дети. Они спросили у таксиста документы и куда он направляется, бегло пролистали бумаги и пропустили.

Поражала в хуситах их вежливость. Мохтар слыхал об этом от йеменских друзей еще до приезда, своими глазами увидел в

аэропорту и в первые дни увидит еще не раз. Хуситы были любезны и в целом вели себя профессиональнее и внимательнее обычных чиновников – эффективнее и гостеприимнее.

По пути в город такси останавливали и на других блокпостах – порой йеменская полиция, порой хуситы, и всякий раз Мохтар надеялся, что машину не обыщут, что не обыщут и его. Он вез десять тысяч американских долларов и был уверен: если их найдут, он их больше не увидит. Инвесторы выдали ему эту сумму наличными, все остальное он получит на оговоренных условиях. Пока что Мохтар был рад, что бумажных денег у него не очень много. Поползут слухи, хуситам или грабителям станет любопытно. Ради собственной безопасности и шанса вести бизнес на племенных территориях главная задача Мохтара – быть как можно скучнее.

Бизнес ему предстоял не очень сложный. Съездить в регионы, чей кофе оценили выше всего, и проконтролировать, чтобы ближайшие урожаи, которые намечаются через два месяца, отслеживались пристально и собирались на пике сердоликовой спелости. Потом надо выкупить примерно восемнадцать тысяч килограммов сушеных ягод – набить ими грузовой контейнер. Денег на первый взнос у Мохтара нет, и придется просить фермеров отказать их обычным покупателям в надежде, что двадцатишестилетний йеменец из Сан-Франциско – ему уже исполнилось двадцать шесть – как-нибудь исхитрится получить у безымянных инвесторов сотни тысяч долларов когда-нибудь потом.

После этого надо перевезти ягоды в Сану, где их очистят и рассортируют. Но сначала надо найти или арендовать фабрику по обработке. А затем, если все остальное пройдет по плану – если Мохтар сможет купить ягоды, арендовать или купить фабрику и доставить ягоды туда на обработку и сортировку, – надо придумать, как вывезти из Йемена восемнадцать тысяч килограммов кофе посреди гражданской войны и при том, что большинство портов контролируют хуситы.

Все не так сложно.

К Мохамеду и Кензе Мохтар прибыл другим человеком. Они знали, что у Мохтара хотя бы теоретически есть инвесторы и что он стал Q-грейдером (они понимали, что в мире кофе это большое дело), поэтому на сей раз его приняли почтительно. Он уже не студент, не юнец, который вроде как открывает бизнес. Он приехал в Йемен взаправду купить кофе, обработать, увезти и

продать на международном рынке. Он вернулся Важным Человеком.

Но спал он по-прежнему на полу. Больше было негде.

Мохтар говорил с Нуридином – о хуситах, о том, что в сентябре Сана была под контролем Хади, потом за какие-то сутки оказалась в руках хуситов, однако йеменская жизнь текла более или менее без помех. В день вторжения работали банки и магазины – на следующий день они тоже открылись. Мохтар с Нуридином говорили о том, как повлияют – и повлияют ли – хуситские успехи на работу Мохтара; разве что минимально, рассудили оба.

Но теперь Мохтару предстояло разъезжать американским экспортером и возить крупные денежные суммы по глухомани, находящейся под контролем племен. Это надо учесть. Мохтар и Нуридин все обдумали. Как обычно, Мохтару понадобится шофер, однако на сей раз вооруженный. В некоторых районах понадобится второй охранник, и этому охраннику нужен АК-47. Мохтар будет таскать с собой «зиг зауэр» – все равно Мохтар по Йемену без него не ездит – и нацепит несколько гранат. (В Йемене гранаты носили в основном для виду. Мужчины надевали их на грудь, цепляли к жилетам в знак того, что готовы любую перепалку довести до логического завершения.) Значит, в любой поездке – минимум по три единицы вооружения на машину, а если придется перевозить кофе, потребуется много грузовиков, и каждый с вооруженным сопровождением.

Назавтра после прилета в Йемен Мохтар с Нуридином отправились в Хайму. На бензоколонке «Абу Аскр» свернули направо и спустились в долину.

В кооперативе «Аль-Амаль» Мохтар вылез из фургона и поздоровался со всеми, кого знал. Последовали песни, и рукопожатия, и объятия, но Мохтар искал Малика – человека под деревом. Нашел в общем доме – Малик сидел еще с троими. Мохтар наклонился, обхватил голову Малика и поцеловал его в лоб.

– Твой кофе – лучший в мире, – сказал Мохтар.

Малик кивнул. Ничего не сказал.

– Спасибо, – прибавил Мохтар, и, поскольку Малик молчал, пришлось пояснять.

Мохтар рассказал, что довез кофе Малика до самого Сан-Франциско. Там этот кофе почистили, рассортировали, обжарили, попробовали, и он получил высший балл за всю историю

йеменского кофе.

Малик улыбнулся и кивнул.

– Спасибо, – повторил Мохтар, а потом сообщил, что отныне будет скупать у Малика весь кофе впятеро дороже того, что Малику платили прежде; что Маликов метод культивации и сбора станет образцом для всех в кооперативе; что вместе они преобразят Хайму, а затем и весь кофе Йемена.

Малик кивнул и улыбнулся.

Мохтар со значением похлопал его по плечу и ушел. Подмывало смеяться. Либо Малик – сверхъестественно бесчувственный стоик, либо эти вести его не удивили. Может, он и так все это знал.

Мохтар провел в кооперативе весь день. Побродил по плантациям. Поговорил про обрезку и следующий урожай. Рассказал фермерам, что теперь он Q-грейдер. Фермеры ходили за ним следом меж деревьев, вверх-вниз по террасам; воодушевленные новостью про Маликов кофе – новостью, которая в мгновение ока разлетелась по всему кооперативу, – они уверились, что Мохтар и в самом деле принесет им перемены.

Ты не обижайся, весь день многообразно намекали они, но когда ты приехал в этих своих американских тряпках и не смог отличить кофейное дерево от оливы, мы не очень-то в тебя поверили.

В Эфиопии Мохтар не бывал. Как и все, кто летал через Эфиопию, он бывал в аэропорту Аддис-Абебы, но за пределы города не выезжал. Поездку предложила Служба поддержки малых и микропредприятий (SMEPS), неправительственная организация, которая на средства Всемирного банка пыталась улучшить экономические условия для йеменского малого бизнеса. План был такой: свозить шестнадцать некрупных кофейных фермеров из Йемена на процветающие эфиопские плантации. Может, вдохновятся или чему-нибудь научатся. Мохтар был знаком с Абдо Альгазали, одним из директоров SMEPS, который и зазвал его за компанию. 31 октября 2014 года они полетели в Аддис-Абебу – короткий рейс через Красное море.

Большинство йеменских фермеров впервые выезжали из страны – и уж точно впервые очутились в Эфиопии. Посмотреть, как в промышленных масштабах выращивают, собирают и обрабатывают спешелти-кофе, решили в районе поблизости от Харэра. Из Аддис-Абебы до Харэра восемь часов дороги через бесчисленные деревни. Пейзажи умопомрачительные – Эфиопия

зеленела, все вокруг зеленое. Эфиопию, как и Йемен, остальной мир систематически не понимает. Скажешь «Эфиопия» – и Запад сразу думает про бедность, голод и исхудавших детей, умирающих в пустыне. Но Мохтар увидел бурлящее восточноафриканское государство: города, фермы, озера, огромный и образованный средний класс, боевитая пресса и Аддис-Абеба – столица, что соперничала с Найроби и Йоханнесбургом.

В Аддис-Абебе они, впрочем, не задержались. Проехали ее насквозь по пути в Харэр, на родину кофе. В холмах над Харэром легендарный пастух Калдим впервые отметил бессонную пружинистость в поступи своих коз и отведал кофейных ягод, которыми они питались. Здесь по сей день выращивали кофе – в Иргачеффе, на огромных плантациях в холмах, политых обильными сезонными дождями.

Харэр уникален. Древний город, старейшие в стране мечети, почти ни следа современной архитектуры. Харэр – самый йеменский город во всей Эфиопии; сюда тысячелетиями приезжали арабские купцы, здесь по сей день чувствовался их огромный культурный вклад. Вдобавок Харэр в свое время приютил Артюра Рембо. Молодой французский поэт, сильно повлиявший на сюрреалистов, бежал сюда, в хижину высоко над городом. Он был наркоманом, продавал оружие и успел поторговать кофе. Он умер во Франции в 1891 году, в тридцать семь лет, планируя вернуться в Африку.

Эфиопский метод культивации спешелти-кофе стал для йеменцев открытием. Вот они, на практике, – те самые методики и стандарты, которые пропагандировал Мохтар. Если фермеры не верили ему прежде, когда он показывал фотографии громадных сушилок, набитых ярко-красными ягодами, то теперь увидели все это своими глазами. Узнали, что это достижимо.

И достижимо без крупных капиталовложений или новейших технологий. Эфиопы собирали ягоды так же, как йеменцы, вручную, но аккуратнее, и на всех этапах производства использовали более точные методы. Единственное, что йеменских фермеров не касалось совсем, – влажная обработка. Эфиопы обильно мыли свои зерна водой. Обычно кофейные плантации располагались у рек, речной поток перенаправлялся на промывание кофе, а затем возвращался в водную систему.

Но сливная вода не годилась для питья и, поскольку в ней теперь содержались сахара с кофейных плантаций,

воздействовала на экосистемы рек, ручьев и грунтовых вод. В мире, озабоченном перерасходом воды и истощением пресных вод (а также повышением цен на пресную воду), такая расточительность в долгосрочной перспективе политически и финансово несостоятельна.

Кое-где эфиопы уже экспериментировали с сухой обработкой. У йеменских фермеров выбора не было. Они не знали другого способа, и на влажную обработку им редко хватало воды. Йеменский кофе обрабатывали всухую изначально. В этом крылась сила йеменских кофейных зерен – а также их слабость. Традиционная сухая обработка способна уловить необычные вкусы, подчеркнуть самые яркие и смелые оттенки зерна. Но если проводить сухую обработку небрежно, зерна получаются настолько неровного качества, что годятся разве только на сырьевую биржу.

В Эфиопии Мохтар видел огромные сушилки, полные рубиновых ягод. Видел маленькие фермы с собственными брендированными сортами – фермы, отправлявшие свой кофе прямиком к обжарщикам Европы и Японии. Видел, какие перемены приносит прямая торговля, когда обжарщики заказывают фермерам то, что им нужно, а фермеры знают, как удовлетворить нужды обжарщиков. Великолепный симбиоз, без лишних прослоек брокеров и ростовщиков, которые неизменно обдирают производителей как липку.

Мохтар вернулся в Йемен и захотел поделиться впечатлениями с Юсуфом и кооперативом «Аль-Амаль». Дозванивался несколько дней – безрезультатно. В конце концов Юсуф ответил.

– Прости, – сказал он. – У нас тут покойник.

– Кто? – спросил Мохтар.

– Малик, – ответил Юсуф. – Умер в ту ночь, когда ты уехал.

У Мохтара в голове не укладывалось.

– Он был очень старый, – сказал Юсуф.

Мохтар поехал в Хайму выразить соболезнования. Вдова Малика, женщина по имени Варда, сидела на верхнем этаже своего дома. По комнате гулял прохладный ветер из окна. На крыше сохли красные ягоды. Мохтар сказал Варде, что ужасно соболезнует. Как и ее муж, она была очень молчалива – не

поймешь, что на уме. И, как и Малик, она была крошечная – футов пять ростом.

– Я о вас позабочусь, – сказал Мохтар.

И прибавил, что кофе – ее кофе, кофе ее мужа – очень много для него значит и что он, Мохтар, всегда будет ей помогать.

Она, кажется, не понимала, что он несет. Мохтар взглянул на эту сцену ее глазами: пятьдесят лет замужем, муж умер несколько дней назад, и тут заявляется американец, которого она видит впервые в жизни, и обещает о ней заботиться?

Мохтар встретился с ее сыном Ахмедом, они обсудили будущее. Но Мохтара раздирали сомнения. Его бизнес отчасти строился на кофе Малика и Варды – на том, что их хозяйство и дальше будет производить качественный кофе, всего месяц назад получивший такие высокие оценки. Не верилось, что без Малика ферма не просядет.

«Тебя хочет видеть Генерал». Такое послание передали Мохтару. Он зашагал к Генералу. Тот с первого дня относился к Мохтару с подозрением – одет как Руперт, замашки городские, – но снайперская победа слегка его смягчила.

А теперь они сидели вдвоем и жевали кат. Мохтар показал Генералу фотографии из Эфиопии – красные ягоды, сушилки, – и Генерал смотрел очень внимательно. Кат его развеселил, и Генерал заговорил о службе в армии, спросил, где это Мохтар научился так метко стрелять. Врать Мохтар не стал – ответил, что учился в Бейкерсфилде у Ракана и Рафика и в Иббе у Хамуда. Упомянул, что Рафик служил в полиции Окленда, а в полицейской академии был лучшим стрелком. Прошло несколько недель, эта история разлетелась по всей деревне, обросла подробностями, и в конце концов все узнали, что Мохтар – лучший снайпер Калифорнии и учился у спецназовца.

Генерал сказал, что дело Мохтара поддержит, и пообещал построить первую в Хайме сушилку. Спустя несколько недель сушилка была готова. Эфиопскую версию варили из алюминия, но в остальном сушилка у Генерала получилась в точности такая же. Громадная, прочная, на десять тысяч ягод – почти весь его урожай. Генерал построил ее из местной древесины, просто глянув на фотографии у Мохтара на телефоне.

Хубайши звонил Мохтару нечасто. Обычно Мохтар звонил

ему сам.

– У меня для тебя двадцать тонн, – сказал Хубайши. – Собрали, как ты просил. Только красные.

Мохтар не поверил. Хубайши под восемьдесят, последние полвека он торгует низкокачественным сырьевым кофе. Мохтар объяснял ему, как добиться высокого качества, но не ждал, что у старика получится – или что он хотя бы попытается. А теперь Хубайши заявляет, что у него двадцать тонн спешелти-кофе.

Назавтра Мохтар приехал – и оказалось, что все правда. Работники Хубайши собирали рубиновые ягоды и каждый лот хранили отдельно. Весь кофе они упаковали в мешки и надписали, как велел Мохтар. Основных источников было три: долина Хувар в мухафазе Ибб, деревня Рават в регионе Удайн и кофе из вади Аль-Джаннат, Райской долины. В общей сложности двадцать тонн. Гораздо больше, чем потянет кооператив «Аль-Амаль».

Если на каппинге кофе Хубайши покажет себя хорошо, а Мохтар найдет деньги, чтобы этот кофе выкупить, ему хватит спешелти-кофе набить целый контейнер – он получит свои восемнадцать тысяч кило.

Мохтар разъезжал по долине Ибб, и его свита росла. Нуридин тоже мотался постоянно, но вдобавок Мохтару нередко составляли компанию Юсуф из «Аль-Амаль» и прочие сменявшие друг друга фермеры, которых он успел подключить к своему движению. И не было у Мохтара сторонника увлеченнее Генерала. Генерал обожал кататься по плантациям, и его присутствие замечательно склоняло другие деревни, другие кооперативы перейти на методы Мохтара.

Как-то раз в деревушке за сотню миль от Хаймы гости сходили на экскурсию, пообедали, а потом человек двадцать местных сели отдохнуть и пожевать кат. Мохтар – от ката, пожалуй, чересчур осмелев, – распространялся не только о том, как фермерам можно и должно улучшить свои методы культивации, но и о том, как их сейчас эксплуатируют, даже порабощают ростовщики региона.

– Они вами пользуются, – возмущался он. – Вы продаете по дешевке. Продайте лучше мне – и освободитесь от этих преступников. Вы будете свободны, точка. Больше эти акулы вас долгами не закабалят.

Обычно, планируя разглагольствовать перед фермерами, Мохтар непременно выяснял, кто из его слушателей важные

игроки, кто возглавляет кооператив, к каким старейшинам прислушиваются. Но разведданные на сей раз подкачали. Человек, сидевший рядом, в клетчатой куфии, с ворохом бумаг и налички в карманах, был ростовщиком – тем самым ростовщиком, что держал под пятой всех местных фермеров.

Человек этот встал и повернулся к Мохтару:

– Ты зачем явился к нам и морочишь голову этим людям? – Он сощурился на Мохтара. – Между прочим, несколько лет назад сюда уже приезжал один такой. Из Саудовской Аравии, наобещал того же самого. Кончил нехорошо.

Намек Мохтар уловил: его угрожали убить. Он медленно потянулся за «зиг зауэром». Стрелять не собирался, но прикидывал, что без пистолета живым ему из этой деревни, вероятно, не выбраться. Общего настроения он не понимал. За кого тут местные – за акулу или за Мохтара?

В дальнем углу встал еще один человек. Мохтар надел очки – посмотреть, кто это. Генерал – и глаза его пылали яростью. Из кармана он достал гранату, занес руку, пересек комнату, шагнул к Мохтару, затем к ростовщику. Загородил Мохтара собой, едва не тыча гранатой в дрогнувшее лицо ростовщика.

– Тронешь Мохтара, – прошипел Генерал, – ответишь передо мной.

Ростовщик вымученно улыбнулся и снова сел.

Глава 26
Держи деньги в руке, а не в сердце

Мохтар покупал кофе, но обрабатывать его было негде.

Ему была известна лишь одна фабрика – управлял ею некто Шаббир Зафир. Познакомились они уже некоторое время назад, и Мохтар знал, какая у Зафира репутация. Тот был из Индии, по-арабски говорил коряво, но перед своими покупателями из Азии и Европы прикидывался йеменцем. В Йемене жили сотни тысяч иммигрантов, большинство плюс-минус ассимилировались, но Мохтара как-то смущали повадки Зафира. И на той же фабрике Зафир вдобавок выпускал бумагу, отчего кофе получался в лучшем случае сносный. Никак невозможно избавить зерна от смутного бумажного запаха.

Но пока у Мохтара не было выбора. Абдо Альгазали велел не работать с Эндрю Николсоном, другим известным владельцем фабрики в Сане. Почему надо стороной обходить этого Эндрю Николсона – который фигурировал у Мохтара в самой первой таблице SWOT, – так и не прояснилось, но Абдо Альгазали настаивал. Придет время – и у Мохтара появится своя фабрика, но пока деваться некуда, надо выбирать меньшее из двух зол, и меньшее зло – Зафир. Мохтар повез в Сану образцы всех трех сортов Хубайши.

На фабрике Зафира пришлось иметь дело с Сухой, которая занималась текущей работой. Мохтар выдал ей образцы Хубайши и оставил заказ – очистить зерна и рассортировать. Суха всегда была надменна, обычно резка, а Мохтар, беседуя с ней, увидел сортировщиц – примерно двадцать женщин сидели за деревянными столами, и перед каждой высились по две кучи зерен. Сортировщицы работали молча, слушать музыку им запрещали, и Мохтар посочувствовал; на следующей неделе он приезжал еще трижды, и всякий раз его образцы не были готовы.

Суха отделывалась отговорками, но время поджимало. Мохтару нужны образцы – обжарить, продегустировать, отослать Виллему, который был тогда в Эфиопии. Но Суха тянула резину, и как-то раз на глазах двадцати безмолвных сортировщиц он потерял терпение.

– Не можете управлять фабрикой, – рявкнул Мохтар, – продайте ее мне!

Сам не понял, зачем так сказал. У него же нет денег на

фабрику. Но порой он надевал костюм богатого американского йеменца, зная, что вот такие люди, как здесь, блефа не распознают. Сортировщицы покосились на него и вернулись к работе. Но едва Суха удалилась, к Мохтару подошла одна сортировщица, женщина лет тридцати, с непокрытой головой.

– Если покупаете фабрику, возьмите меня, – по-английски сказала она.

Смотрела она не мигая. Мохтар удивился. Повстречать на кофейной фабрике англоговорящую сортировщицу – само по себе неожиданный поворот, но вдобавок она повела себя на редкость смело, обратившись к нему при остальных.

– Хорошо, – по-английски ответил он. – Как вас зовут?

– Амаль, – ответила она.

– Где мы можем побеседовать?

Они договорились назавтра встретиться в кафе.

Там Амаль рассказала Мохтару, до чего гнусны условия на фабрике Зафира. Смены долгие, платят гроши и редко вовремя. Запрещают разговаривать, петь, слушать музыку. Одна женщина работала на ранних сроках беременности, а потом у нее случился выкидыш, она заболела, и ее уволили. Мохтар вспомнил свою бабушку в Ричгроув – ее многочисленные истории о том, какую несправедливость приходилось терпеть рабочим Центральной долины. Бабушкину ярость Мохтар полностью разделял.

– Если откроете фабрику, – сказала Амаль, – я пойду к вам. И остальных уговорю.

За два дня женщины рассортировали его образцы, и Мохтар в спешке упаковал посылку Виллему в Аддис-Абебу. Пришел в центр DHL в Сане, где у него потребовали доплату, – иного он в Йемене и не ожидал. Он не раз все взвесил и знал, что отсылает три образца общим весом три килограмма. Но сотрудник DHL уверял, что посылка весит 4,2 килограмма, и требовал лишнюю сотню долларов.

– Слушайте, – сказал Мохтар, – вот не надо. Я же знаю, что там три кило.

Клерк опять взвесил посылку, и весы вновь показали 4,2. Может, он на них рукой надавил? Нет, руки у него по швам. С мелким жульничеством Мохтар сталкивался сто раз по всему Йемену, но это просто поразительно. Видимо, сотрудник перенастроил весы.

Мохтар снял посылку с весов и снова положил. Опять 4,2 кг. Очень интересно. Мохтар вскрыл коробку, затем все три пакета.

Первый пакет – нормально. Второй пакет – нормально. А в третьем он увидел что-то черное и блестящее. Похоже на «зиг зауэр». На *его* «зиг зауэр». Торопясь все упаковать, Мохтар кинул «зиг зауэр» в пакет с кофе и чуть не отправил в Эфиопию заряженный пистолет.

Виллем попробовал образцы и два из трех объявил прекрасными. Кофе из долины Хувар получил 88,75 балла, кофе из Удайна – 89,5. А вот кофе из Райской долины переферментировался и никуда не годился.

Но это было неважно. Поскольку Хубайши следовал инструкциям Мохтара, у Хубайши теперь было десять тонн высококачественных зерен из долины Хувар и семь тонн из Удайна. И Мохтар знал, что может все это купить. Восемнадцать тысяч килограммов высушенных ягод обойдутся примерно в двести тысяч долларов, а через Виллема несложно будет распродать весь контейнер торговцам спешелти-кофе в США, Европе и Японии. Хубайши уже подготовил грузовики и шоферов – уж возить кофе по стране он умел. Мохтару осталось только оплатить этот кофе, обработать и рассортировать.

Но когда он позвонил инвесторам, думая, что они тоже обрадуются и высоким баллам, и тысячам килограммов кофе – доступного вот прямо сейчас, отмечал Мохтар, – те остались невозмутимы. Нас беспокоит ситуация в стране, сказали они. Похоже, Йемен вот-вот рухнет.

– Ну? – спрашивал Хубайши. Он теперь звонил каждый день.

– Жду денег, – врал Мохтар. – Со дня на день должны поступить.

Каждое утро Мохтар звонил и умолял инвесторов вложиться в начинание, которое он тут начинает, и каждый день Хубайши звонил и интересовался, планирует ли Мохтар заплатить за кофе, который пообещал выкупить. Хубайши говорил мягко, но шли недели, и Мохтар понимал, что рискует потерять весь кофе, тонну за тонной. Хубайши нужно платить фермерам и кооперативам – он продал пять тонн из Удайна, затем пять тонн из долины Хувар. Мохтар смотрел, как кофе утекает сквозь пальцы, и это доводило его до отчаяния.

В знак доброй воли Хубайши отдал ему пять тонн удайни. Взял с Мохтара десять тысяч долларов, а остальное – почти на сотню тысяч – продал в кредит. Это не беда. Мохтар не сомневался, что в конце концов убедит инвесторов выкупить кофе, за которым они его послали, но пока встал вопрос, куда

девать эти пять тонн.

Складов у Мохтара не было, фабрики тоже. У Зафира на фабрике такие условия, что везти кофе туда неохота. В Сане Мохтар знал лишь одну фабрику, помимо Зафировой, – «Райян» Эндрю Николсона. Николсон был первым американцем в йеменском кофейном бизнесе, которого обнаружил Мохтар. Абдо, конечно, предостерегал, но выбора не было. Хубайши надо отгрузить зерна, а Мохтару надо где-то их обработать.

Глава 27
Американцы

Когда Мохтар приехал, Али аль-Хаджри, правая рука Эндрю Николсона, стрельнул из винтовки в воздух. Настроение у всех было праздничное. Мохтар поздоровался с Али и Эндрю, а затем увидел фабрику изнутри – и там все оказалось совсем не так, как Мохтару намекали. Работники довольны и дружелюбны. Сортировщицы поют. Мохтара мигом осенило: Абдо Альгазали не хотел сводить его с Эндрю не потому, что Эндрю непорядочен, просто было ясно, что Мохтар и Эндрю поладят и вместе будут непобедимы.

Эндрю говорил по-арабски с акцентом, характерным для Саны. Они не сразу решили, на каком языке им общаться – на йеменском арабском или американском английском. Выбрали английский, и Мохтар услышал тягучий говор американского юго-востока. Несообразно, комично даже в устах человека в маавазе, с йеменской бородой и весьма убедительным йеменским кинжалом на поясе. Эндрю смахивал на местного не меньше Мохтара.

Однако вырос Эндрю в сельском районе Луизианы. Играл в бейсбол, женился на своей школьной подруге Дженнифер. В колледже учился на инженера, потом ушел в продажи. Он был успешен, но неугомонен и вскоре снова пошел учиться – теперь на медбрата. Через несколько лет, уже медбратом в хьюстонской больнице, он работал с врачами и другими сотрудниками из мусульманских и арабоязычных стран и заинтересовался. Было это уже после 9/11, и Эндрю – возможно, внутренне протестуя против нетерпимости, которой в детстве насмотрелся и наслушался в Луизиане, – сдружился с коллегами из Египта и Иордании. Как минимум хотел, чтоб они понимали: здесь им рады.

Вскоре Эндрю и Дженнифер решили переехать в Йемен поучить арабский. Обоим не было тридцати, особо ничем не обременены. Жилья в собственности у них не было, и хотя они только что родили первого ребенка – девочка приехала в Сану в девять месяцев, – на такое приключение, считали оба, можно решиться только сейчас, когда они свободны. За полтора года в столице они обзавелись друзьями и бегло заговорили по-арабски. Потом вернулись в Хьюстон, где Эндрю стал консультировать

компании, работающие в арабских странах.

Один его хьюстонский друг, владелец кафе Шон Маршалл, познакомил Эндрю со спешелти-кофе третьей волны. Как-то раз они обсуждали кофе, его происхождение, состояние рынка, и Шон сказал:

– А давай ты съездишь в Йемен, привезешь образцы, займешься экспортом?

Эндрю рассмеялся и отмахнулся, но на следующее утро идея зазвучала правдоподобнее. Эндрю с Дженнифер все обсудили и спустя полгода вновь переехали в Сану. Поначалу жили у друзей, и каждую неделю Эндрю ездил в горы, навещал кофейные фермы и собирал информацию. Привозил в столицу образцы, но обрабатывать их как полагается было некому. Так-то Эндрю не планировал открывать фабрику, но без фабрики никуда. Поэтому он вступил в дело с Шоном и еще одним партнером, и они расширили бизнес. Работали с фермерами, возили кофе в Сану, обрабатывали и экспортировали. Компанию назвали «Райян».

Капиталовложения потребовались крупные, и «Райян» не приносила дохода ни в первый год, ни во второй. Надежных работников поди отыщи, но Эндрю удалось привлечь одного хорошего человека, Али аль-Хаджри, и тот стал на фабрике замдиректора. Все остальные у Эндрю воровали. Он обратился к Али, а Али обратился к своей матери. Мать Али смоталась в родную деревню, в двадцати минутах езды от Саны, и пустила клич: ищут надежных сотрудников, которые не воруют. Через несколько недель мать Али заполнила все штатное расписание «Райян». Всех, кто работал на ее сына, который работал на американца, она знала лично. Жизнь наладилась.

«Райян» открылась в 2011 году во время Арабской весны, но успеху предприятия уличный хаос не очень-то и помешал. Люди хотели йеменского кофе – Эндрю оглянуться не успел, а уже экспортировал его в Японию, Китай, Европу и Северную Америку. Потрясения в стране временами усложняли задачу, но «Райян» работала без перерывов в период подъема и падения президента Хади и при хуситах. Если у тебя экспортный бизнес в Сане, таким вещам не удивляешься.

Мохтар и Эндрю уговорились сотрудничать как партнеры, а не конкуренты. Мохтар будет разыскивать элитный кофе в глухомани, а Эндрю займется более доступным кофе поближе к Сане. «Райян» обработает зерна Мохтара, но сортировку Эндрю не осилит. У него нет ни помещения, ни сотрудников.

Первый торговый этаж дома, где жили Мохамед и Кенза, – прежде там находилась лавка, где торговали конфетами и газировкой, – пустовал. Удобное место, считал Мохтар, – а вот Нуридин сомневался. Место-то удобное, спору нет, но в последний раз, когда оно было открыто, там ведь видели бесовского ребенка.

Случилось это несколько месяцев назад. Посреди дня перед магазином стоял тринадцатилетний ребенок с ножом в руке – закатив глаза, он нес околесицу. Никому не удавалось его урезонить, и в конце концов все пришли к выводу, что он одержим злым духом. Отвезли его к местному экзорцисту, тот тоже заключил, что в мальчика вселился шайтан, что шайтан полюбил этого ребенка. Лавку закрыли: ее замарал дьявол. О чем Нуридин и поведал Мохтару.

– Магазин на первом этаже? – переспросил тот.

Мохтар сто раз бывал внутри – раньше покупал там телефонные карточки. Он не верил, что ребенок был одержим шайтаном, и уж точно не верил, что это замарало магазин. Однако из-за печати дьявола помещение стояло пустое и за аренду просили недорого. Так что Мохтар его снял.

– Только сортировщицам не говори, – предостерег Нуридин.

Йеменцы суеверны – если хоть одна сортировщица испугается истории про шайтана в магазине, остальные не уйдут с фабрики Зафира, где никаких шайтанов не водится. Поэтому Мохтар ничего им не сказал.

Он снял этот магазин и два соседних и снес между ними стены. Обустроил зону отдыха с диванами, кофейным столиком и ковром. Предложил Амаль и другим сортировщицам зарплату вдвое выше, чем у Зафира, и в один прекрасный день шестнадцать сортировщиц ушли от Зафира и явились к Мохтару.

Мохтар встретил их церемонно. Он в жизни никого не нанимал, но кое-чего нахватался в прогрессивных калифорнийских компаниях, где работали его друзья. Он запланировал день знакомства. Подал кофе, сок, пирожные, собрал шестнадцать женщин и попросил их сесть в круг. Все они были в никабах. Мохтар видел только глаза.

– Я хочу познакомиться с каждой из вас, – сказал он и в их глазах прочел, что все это очень необычно. – Давайте по кругу: скажите, как вас зовут, откуда вы, ну и для разгона – на какую еду вы похожи и почему.

Женщины не поняли. С чего это они – еда? Зачем

работодателю знать такие вещи? Двадцать минут Мохтар объяснял суть концепции. В итоге от одной женщины удалось добиться, что, будь она едой, она была бы зеленым яблоком. Женщину звали Ум-Рияд, это значит «мать Рияда». Она была старше всех и явно храбрее, прямолинейнее.

– Почему зеленым яблоком? – спросил Мохтар.

– Зеленые яблоки бывают сладкие, а бывают кислые, – ответила она. – Вот и я такая же. Иногда сладкая. Иногда кислая. От настроения зависит.

Остальные женщины робко засмеялись.

– Очень хорошо! – сказал Мохтар.

Но когда настала очередь следующей женщины, она сказала, что зеленое яблоко похоже и на нее. И следующая тоже сказала, что она как зеленое яблоко. Они так и не поняли концепцию и предпочли копировать друг друга, не рискуя шагнуть в неведомое.

Но Мохтар хотя бы выяснил, как их зовут и откуда они родом, и всех удивил, доказав, что их родные места для него не совершенно темный лес. Они-то думали, далекие районы Йемена для Мохтара – просто слова, но он объездил все тридцать два кофейных региона и неплохо знал страну.

Алам сказала, что приехала из Утмы.

– Я там был, – сказал Мохтар. – Гуавы у вас потрясающие.

Ум-Рияд сказала, что приехала из Бани Исмаил.

– Я там был, – сказал Мохтар. – У вас такие обезьянки стаями бродят.

Багдад сказала, что приехала из Хаймы.

Из внешней или внутренней? – спросил Мохтар. Багдад как будто изумилась, что он вообще знает Хайму. Ответила, что из внешней.

– Аль-Маджар?

– Южнее, – сказала она.

– Бейт Алель, может? Бейт аль-Забадани?

– Почти попал.

– Аль-Асан? – наугад спросил он.

– Да! – сказала она.

Все зааплодировали.

Мохтар открыл ноутбук и показал им фотографии из своих разъездов по Йемену. Женщины сгрудились вокруг, не веря глазам. Они и не знали, до чего разнообразен Йемен, до чего прекрасен.

Спустя несколько часов Мохтар уже отчасти понимал, с кем имеет дело, хотя видел только глаза. На фабрике Зафира сортировочный цех располагался в большом зале открытой

планировки, и женщинам приходилось носить никабы с утра до ночи – неудобно и непрактично, если целыми днями сортировать ягоды в помещении без кондиционера.

Мохтар хотел это исправить. В людном районе Саны не откроешь компанию, где шестнадцать женщин будут сидеть непокрытыми на виду у прохожих, – йеменские обычаи бесили Мохтара, но не годится рисковать целым бизнесом, только чтобы выступить против традиционной женской одежды. Пока что необходим компромисс. Мохтар перестроил цех так, чтобы получился просторный зал с высокими стенами и дверью, которая запиралась изнутри. Сортировщицы сами решают, кому и когда туда входить, а оставшись одни, могут снимать никабы и вообще одеваться и вести себя как хотят.

Мохтар вспоминал, какие правила хотел бы изменить в «Инфинити». Он бесплатно кормил сотрудниц завтраком и обедом. Бесплатный вайфай, транспорт на работу и с работы. Первого мая он дал сортировщицам выходной и поставил им музыкальный центр, который подключался к их смартфонам.

– За работой делайте что хотите, – сказал он им. – Вы – моя золотая команда.

Его переполняло великодушие – он воображал, как у них сложится плюс-минус калифорнийское предприятие, либеральное и эгалитарное, в их собственном пространстве.

Но в первые дни, пока Мохтар обучал сортировщиц, они неловко мялись, и хотя аудиотехника у них была, всякий раз, проходя мимо цеха, он слышал тишину. Он обустроил гостиную с диванами и молельным местом. Все равно ничего.

А спустя неделю он кое-что услышал. Он собирался в «Райян», и тут из сортировочного цеха донесся низкий басовый гул. Женщины заперлись изнутри, и Мохтар, стоя под дверью, узнал песню. Играла *Yeah!* Ашера[16].

С тех пор музыка в сортировочном цехе не умолкала. Иногда народная йеменская. Иногда Кэти Перри – женщины особенно любили *Roar*[17]. Нередко подпевали.

– Вы перед моим лицом, – сказал им Мохтар.

Он сказал им так в первый же день и повторял на каждом собрании – всякий раз, когда хотел напомнить, как они для него важны. Придя работать к нему, они многим рискнули, и он этого не забудет.

– Вы перед моим лицом, – что ни день повторял он.

Это старая йеменская поговорка, ее сложно перевести. Так говоришь тем, кого любишь, так говоришь друзьям и при этом показываешь на свое лицо. Это значит, те, на кого ты сейчас смотришь, всегда у тебя перед глазами. Твоя первая мысль – о

них.

Книга IV

Глава 28
Бедлам

Дело было 31 декабря 2014 года, за три дня до рождения пророка Мухаммеда. Праздновали по всей стране. Мохтар проснулся у деда в Иббе и с утра решил сходить в спортзал за углом. Но, спустившись к завтраку, он увидел, что его тетка смотрит телевизор. Смертник совершил в Иббе теракт.

Сорок девять убитых, семьдесят раненых. В Иббе такого еще не бывало – город привык жить вдали от подобного насилия. «Началось», – подумал Мохтар. В тот день ему надо было в Сану, так что он двинулся из Ибба на север.

У Мохамеда и Кензы напряженно обсуждали, к каким последствиям приведет убийство невинных в Иббе. Даже «Аль-Каида» не стала бы творить такое в Йемене. Ее ярость обычно целила в западные мишени, военные объекты – не в гражданских.

Спустя неделю Мохтар опять оказался у Мохамеда и Кензы. Как-то утром после завтрака опять решил сходить в спортзал. Ближайший назывался «Клуб спорта и здоровья „Арнольд“», в честь Шварценеггера.

Мохтар сел в такси и на подъезде к спортзалу увидел толпу мужчин, направлявшихся в ту же сторону. По большей части хуситы. Спортзал, сообразил Мохтар, находится возле отдела полиции, а сегодня набирают кадетов в полицейскую академию. Хуситы планировали внедрить своих в правоохранительные органы.

Мохтар уплатил таксисту и решил пройтись несколько кварталов до «Арнольда» пешком. Глянуть, что происходит, поглазеть на это странное зрелище – толпы северян в центре Саны.

Тут земля содрогнулась. Мохтар упал на колени. Думал, землетрясение. Пощупал асфальт, ожидая вибраций, следующих толчков. Услышал крики. Вой автомобильной сигнализации. Кинулся к отделу полиции и там увидел горящие тела. На земле лежал торс мужчины. Кричала женщина. По всей улице лужи крови. Мохтар смотрел на обугленные останки десятка мертвых и как будто узнавал знакомых.

Сердце екнуло: он вспомнил, что Хатем, сын Мохамеда и Кензы, чуть моложе Нуридина, – кадет полицейской академии.

Мохтар знал, что Хатем дома, не может быть, что он – один из этих погибших, и, однако, различал его лицо у обгорелых трупов. Вскоре прибыли репортеры. Они снимали видео, щелкали фотографии. Мохтар убрал телефон. Не мог больше смотреть на эту бойню. А потом его осенило: беги.

Он побежал. Известно, что террористы нередко подрывают вторую бомбу, едва к пострадавшим от первой прибывают спасатели. Поэтому Мохтар побежал, и все вокруг, подумав, будто он что-то увидел, тоже побежали.

У Мохамеда и Кензы он ничего не сказал. Нуридин заметил, что Мохтар сам не свой, но тот не хотел обременять родных грузом увиденного. Им по телевизору и так покажут. Тридцать восемь убитых, шестьдесят раненых. Мохтар не хотел волновать родных. Но про себя гадал, что творится в Йемене, и переживал, что страна превращается в очередной Ирак – беззаконный край сектантских раздоров, смертников и похищений, где безмятежная жизнь всем заказана.

Мохтар продолжал работать как мог. Каждый день открывал цех сортировщицам, кормил их завтраком, и они обсуждали, что было сделано вчера и что нужно сделать сегодня. Мохтар по-прежнему обучал сортировщиц, приглядывал за каждой, каждой давал отклик.

После обеда он отправлялся на фабрику Эндрю – пожевать кат, поговорить о бизнесе и политике. Оба еще не понимали, повлияют ли последние йеменские события на страну в целом и на их работу. Поначалу все это смахивало на простой передел власти между равно бестолковыми игроками.

7 января два брата, Шериф и Саид Куаши, вошли в редакцию сатирического журнала «Шарли эбдо» и застрелили одиннадцать человек. Отступая, они вдобавок застрелили полицейского. Третий человек, Амеди Кулибали, застрелил полицейского в Монруже, к югу от Парижа, и еще четверых – в кошерном магазине. В ответ на эти теракты, вызванные публикацией в «Шарли эбдо» карикатур на пророка Мухаммеда, весь мир выступил на стороне журнала и его убитых авторов, редакторов и карикатуристов. В воскресенье, 11 января, более четырех миллионов человек по всей Франции вышли на демонстрацию в поддержку жертв и в защиту права на свободу выражения.

14 января ответственность за теракты взяло на себя йеменское отделение «Аль-Каиды» – «Аль-Каида на Аравийском полуострове».

18 января хуситы отвергли проект новой конституции, написанный комитетом, представлявшим весь йеменский политический спектр. Назавтра хуситы захватили государственный телецентр. Они заняли все правительственные здания в Сане, и президент Хади в знак протеста сложил с себя полномочия. Спустя недели он отменил свою отставку, но это уже не имело никакого значения. Страна перешла под контроль хуситов.

Родные и друзья Мохтара в Штатах беспокоились за него, но в своей повседневности он как-то не замечал перемен. Лег вечером спать – у власти Хади, проснулся наутро – в стране нет президента. И однако аэропорт работает и принимает регулярные коммерческие рейсы. Банки открываются как обычно. И продуктовые, и спортзалы, и мечети. По улицам разъезжают такси. Сана осталась Саной, хотя ею теперь правили хуситы. Будничная жизнь йеменцев шла своим чередом. После обеда Мохтар сидел на фабрике у Эндрю, жевал кат с Али, и вместе они смеялись над американскими йеменцами, которые бежали из страны.

– У нас теперь нет правительства, – говорил Мохтар.

– Так, стоп. В Йемене было правительство? – отвечал Эндрю.

10 февраля 2015 года Государственный департамент США объявил, что приостанавливает работу посольства в Йемене. Сотрудники вывезены из Саны. Назавтра американское посольство закрылось с концами. Британское тоже закрылось, а британские и американские власти призвали своих граждан немедленно уезжать. Но эвакуировать американцев США не планировали. Коммерческие рейсы доступны, указывал Госдепартамент, а «американские власти организуют эвакуацию только в том случае, если нет безопасной коммерческой альтернативы».

Французское министерство иностранных дел закрыло свое представительство спустя несколько дней. «С учетом текущих политических событий и из соображений безопасности, – говорилось в его заявлении, – посольство рекомендует как можно скорее временно покинуть Йемен, прибегнув к услугам коммерческих авиаперевозчиков по вашему выбору. Посольство закрывается с пятницы, 13 февраля 2015 года, до особого

распоряжения».

С посольствами западных стран такое уже бывало – они закрывались то на день, то на неделю. Посольство США закрывалось в 2001, 2008 и 2009 годах. Все это вполне укладывается в ритм йеменской жизни, решил Мохтар. Становится жарко – посольства закрываются, спустя пару-тройку недель все поутихнет – и они откроются вновь.

Эндрю тоже остался. Они с Мохтаром договорились делиться планами. Пока совсем не припрет – а точнее, пока вовсе не остановится их кофейная работа, – из страны они не уедут.

Изо дня в день по нескольку часов Мохтар умолял инвесторов заплатить за кофе, который он, Мохтар, обещал выкупить у Хубайши. Уже два месяца прошло, а инвесторы ни в какую. Чем хуже становилась ситуация в Йемене, тем крепче инвесторы держались за свои деньги.

Мохтар позвонил Гассану и попросил совета. Позвонил Виллему. Хубайши звонил ему самому каждый день – мол, где мои деньги?

К марту большинство американских йеменцев из числа знакомых Мохтара уже уехали. Он уже беспокоился за Эндрю. Мохтар родом из крупного племени – его в случае чего защитят. А вот у Эндрю такого наследия нет. Настали новые времена, когда нельзя полагаться на правила и порядок и похитить могут любого иностранца. Дженнифер, жена Эндрю, убережется, если не будет выходить из дома, но Эндрю многие знали – его будут искать.

20 марта в двух мечетях Саны взорвали себя два смертника. Случилось это во время пятничной молитвы, и в мечетях, куда ходили хуситские шииты, народу было битком. Сто тридцать семь мужчин, женщин и детей погибли, более трехсот получили ранения. В Йемене еще не случалось настолько жестоких терактов, и ответственность за этот взяла на себя ИГИЛ.

21 марта ИГИЛ опубликовала имена и адреса сотни американских военных, расквартированных в Йемене, и призвала сторонников убивать этих людей. Эту последнюю группу американцев эвакуировали 25 марта, и едва они покинули стратегическую военную авиабазу Аль-Анад, что к северу под Аденом, ее заняли хуситы. Также они взяли под контроль международный аэропорт Адена и местный центральный банк.

Саудовская Аравия, у которой в 2009-м и 2010-м уже были стычки с хуситами, теперь стянула к йеменской границе артиллерию и танки. К концу марта хуситы контролировали

девять из двадцати одной мухафазы Йемена, в том числе Таиз, третий по величине город страны.

– У нас тут дела плохи, – сказал Мохтар.

Они с Эндрю под вечер сидели на фабрике и жевали кат.

– У нас тут Йемен, – сказал Эндрю.

Они еще не были готовы уехать насовсем. Но планировали уехать временно – в Сиэтл на конференцию Американской ассоциации спешелти-кофе. «Райян» арендовала стенд; туда съедутся сотни импортеров и покупателей со всего мира, эта конференция – важнейший этап. Эндрю пустит Мохтара к себе на стенд, и Мохтар покажет йеменские сорта, хайму и удайни. В карьере Мохтара пока не бывало настолько важных мероприятий – он впервые продемонстрирует, каких успехов добился.

Выбраться из Йемена – даже в мирное время, даже для американских граждан – всегда было задачей не из легких. Слухи поползли еще в 2011 году. Американские йеменцы являлись в посольство США по безобидному вызову и уходили оттуда без паспортов. Проводились абсурдные допросы, американских йеменцев обвиняли в том, что они жили в США под фальшивыми именами. До Мохтара доносились такие истории. Странные истории, нереальные, и самая странная из всех – история Моседа Шайе Омара.

Мохтар был с ним знаком еще по Сан-Франциско. Кроткий человек лет шестидесяти, прожил в Америке сорок с лишним лет. Натурализовался он в 1978 году. У Моседа был номер соцобеспечения, калифорнийские водительские права, он исправно платил все налоги.

Как и у тысяч других иммигрантов, у Моседа на родине остались близкие. Одна дочь жила в Йемене с его родителями. Когда ей исполнилось двенадцать, Мосед решил забрать девочку к себе в Сан-Франциско. В 2012 году он приехал в Йемен оформить документы, сделать дочери паспорт. В августе 2012-го подал заявление на паспорт для дочери в посольство США в Сане.

В декабре 2012 года его вызвали в посольство. Позвонили, сказали, что у них «хорошие новости» по поводу его заявления.

23 января 2013 года он пришел в посольство – думал, что за паспортом. Посольский сотрудник спросил паспорт у него. Мосед отдал ему паспорт, и сотрудник попросил подождать в приемной.

Где-то спустя час Моседа вывели из приемной. Следом за сотрудником он прошел насквозь весь центральный корпус и попал в соседний. Они миновали много запертых дверей, на

которых дежурили американские солдаты. Мосед уже догадался, что это, пожалуй, не вполне стандартная процедура. Ясно, что ведут его не за дочериным паспортом.

Моседа завели в комнатушку, где сидели трое. Один из дипломатической службы безопасности, другой переводчик. Третий, кажется, был американец, но на протяжении всей процедуры – допроса, понял Мосед, – этот человек не произнес ни слова.

Через переводчика сотрудник дипломатической службы безопасности расспрашивал, откуда Мосед родом, кто его родственники, как его зовут. Мосед отвечал, что зовут его Мосед Шайе Омар. Ну, у него и в паспорте так написано – в паспорте, который Госдепартамент выдавал и продлевал совсем недавно, в 2007 году.

Спустя час Моседа отвели из допросной обратно в приемную. Велели подождать.

Спустя еще час его опять повели коридорами, через все эти двери с вооруженными дежурными, и препроводили в допросную. Сотрудник дипломатической службы безопасности снова спросил, как зовут Моседа. Мосед снова ответил, что его зовут Мосед Шайе Омар – другого имени у него не было. Переводчика это, видимо, раздосадовало, и он стал вклиниваться с советами. Он переводил то, что говорил сотрудник дипломатической службы безопасности, и вдобавок рекомендовал Моседу сотрудничать, сказать, что от него хотят услышать.

Второй допрос длился еще час, затем Моседа вернули в приемную. Велели подождать. Миновало много часов. С половины седьмого утра Мосед не ел и не пил – это и при нормальных обстоятельствах нелегко, а Моседу было особенно тяжко. Он страдал от диабета и гипертонии, и теперь на него накатила слабость, перед глазами все поплыло. Родным или друзьям не позвонишь – мобильные телефоны в посольстве запрещены, а таксофонов не было.

В четыре часа дня Мосед уже отчаянно хотел на свободу, подошел к охраннику и сказал, что ему надо уйти, он на все готов, только бы вернуться домой и поесть. Охранник передал это посольским, а вскоре пришел сотрудник и отвел Моседа обратно в допросную.

Там Моседу дали бумагу и велели подписать. По-английски он читал неважно и смысла документа не уловил. Переводчик присутствовал в допросной, но переводить не вызвался. Если хотите уйти, сказали Моседу, ставьте подпись. Он поставил подпись – «Мосед Ш. Омар», – а переводчик взял у него отпечаток большого пальца.

Моседа снова отвели в приемную и велели подождать консула, который вернет ему паспорт. Но паспорт ему не вернули. Его вызвали к окошечку и сказали, что не могут вернуть ему паспорт, поскольку его зовут не Мосед Шайе Омар. С этими словами сотрудник посольства захлопнул окошечко, ушел, а вооруженный охранник выпроводил Моседа за дверь.

Мосед вернулся домой, где у него, поскольку он двенадцать часов не ел и не пил, резко упал сахар в крови; Моседа срочно госпитализировали. В больнице он гадал, что это такое приключилось в посольстве. Ему не сказали, почему вдруг решили, что он не Мосед Шайе Омар. Доказательств не предъявили. Не сказали вообще ничего, не дали шанса объясниться. Не сообщили дату слушаний, не растолковали, что ему делать-то теперь без паспорта, если почти вся его родня живет в США и сам он тоже прожил там сорок лет.

Мосед стал звонить в посольство, но никто не отвечал. Обнаружилось, что посольство предпочитает общаться по электронной почте, и Мосед сел писать письма. Одиннадцать месяцев он писал в посольство, но не получал ответа. Наконец в декабре 2013 года, почти через год после того, как 23 января у него конфисковали паспорт, пришло письмо: Моседа вызвали в посольство. 15 декабря он пришел, и ему выдали документ, где говорилось, что его паспорт аннулирован, поскольку «в результате расследования было обнаружено, что вы не являетесь Моседом Шайе Омаром, дата рождения 1 февраля 1951 года. В действительности ваше имя – Ясин Мохаммед Али Альгазали, дата рождения 1 февраля 1951 года. 23 января 2013 года вы под присягой подписали заявление, где указали, что в действительности являетесь Ясином Мохаммедом Али Альгазали. Поскольку при получении паспорта вы сообщили ложные сведения, ваш паспорт аннулирован согласно Главе 51.62(a)(2) Раздела 22 Свода федеральных нормативных актов США».

За много лет Мохтар наслушался таких историй. По всему выходило, что обращаться в американское посольство за помощью не надо.

25 марта, когда последние американские военные ушли из Йемена, спустя сутки после того, как хуситы начали наступление на Аден и вынудили президента Хади бежать морем, Мохтар сел в такси и велел таксисту ехать в пока еще открытый офис йеменского турагента – Мохтар хотел купить билеты до Сиэтла, на кофейную конференцию.

Но возле агентства Мохтар увидел похоронную процессию хуситов. Хоронили жертв терактов 20 марта. Толпа вышла на проезжую часть, окружила такси. Мохтар понимал, что лучше сматываться. Похороны – мишень: террористы завели привычку взрывать бомбы посреди похоронных процессий, тем самым удваивая число погибших. Мохтар вышел из такси и пробился сквозь толпу. Купит билет потом.

Назавтра президент Хади обратился к Саудовской Аравии за помощью – надо, мол, сломить напор хуситского движения. Ссылаясь на связи хуситов с Ираном, Хади попросил у саудовцев военного вмешательства. Мохтар эту новость услыхал, но не придал ей значения. Никто не придал ей значения. Мохтар не помнил даже, есть ли у саудовцев армия.

Глава 29
Горы в огне

В три часа ночи 26 марта Мохтар проснулся от грохота. Дом содрогнулся. Ночевал Мохтар на фабрике «Райян» – заработался допоздна и решил поспать в офисе у Эндрю. Поднялся на крышу и увидел гору Фадж-Аттан в огне. Небо исполосовали хуситские ракеты. По всему городу клубился дым пожаров. Настал конец света.

Мохтар вышел в интернет – так и есть, саудовцы. По всей Сане F-15 бомбили позиции хуситов. Бомбы падали каждые несколько минут. Потолок трясся, сыпалась пыль.

Мохтар позвонил матери:

– Я жив-здоров.

Мать умоляла его уехать из столицы в Ибб к Хамуду. Мохтар поразмыслил. Ибб, несомненно, безопаснее – вряд ли саудовцы станут бомбить Ибб. Но отправляться в путь посреди бомбардировки как-то немудро. Мохтар сейчас в густонаселенном городском районе, а саудовцев, судя по новостям, интересуют только расположения хуситских сил и военные склады. Не станут же они бомбить жилые кварталы.

Мохтар попросил мать не волноваться и дал отбой. Попытался заснуть. Считал бомбы. Пятьдесят, шестьдесят. На восьмидесяти сбился со счета.

В пять утра он услышал азан. Затем снова. По всему городу муэдзины наперебой звали на молитву. Мохтар вышел на улицу, решив переждать исход темноты в мечети. По дороге, шагая между черными силуэтами домов, видел ослепительно белые залпы ПВО.

Бомбардировка продолжалась; в мечети собралось несколько десятков людей. Ковер посерел от осыпавшейся штукатурки. Имам прочел долгую молитву, и все молились так, будто настали их последние минуты. Вряд ли в Сане так много военных объектов, размышлял Мохтар. Видимо, бьют по гражданским, – видимо, и впрямь война. Когда имам попросил Аллаха простить им всем грехи, мужчины вокруг зарыдали, и Мохтар понял, что может погибнуть прямо здесь, что в любой момент эту крышу

может разнести бомба.

«Хорошая была жизнь?» – спросил себя Мохтар. Да не поймешь. Неполная. Кофейный бизнес надо было начать пораньше. Начни он годом раньше, успел бы хоть что-то сделать, закончить хоть что-то, пока не посыпались бомбы. А теперь он умрет в мечети. Может, это отчасти утешит его родных. Упала еще одна бомба – уже ближе.

Мужчины вокруг перестали рыдать. Они смирились с судьбой. И Мохтар тоже. События ему неподвластны, и потому весь страх, вся тревога отступили. Будто груз спал с плеч. Мохтар умрет, Мохтар не умрет. Он тут ни при чем. Можно бежать из мечети и умереть. Можно остаться в мечети и умереть. Можно пойти к Кензе и Мохамеду, умереть в кругу родных. А можно в «Райян» – умереть со своим кофе.

Или, может, он не умрет. Люди пробыли в мечети час, пока затишье между бомбовыми ударами не затянулось и не застыло. На рассвете все закончилось. Когда Мохтар и остальные вышли наружу, уже вставало солнце, и город омыло жутким розовым светом, и воздух сиял пылью.

Мохтар, объятый незнакомым и всеобъемлющим покоем, зашагал на фабрику, убежденный, что больше его ничто никогда не испугает. Он как будто уже умер.

В то утро он снова отправился к турагенту. Попросил у нее два билета из Саны. Им с Эндрю нужно на кофейную конференцию.

– Вы что такое говорите? – спросила турагент. – У нас нет *аэропорта*.

Саудовская Аравия разбомбила взлетно-посадочные полосы и пригрозила сбить любой самолет, который попытается вылететь из Саны.

Мохтар пошел на фабрику. Они с Эндрю пожевали кат.

– В Арабскую весну аэропорт тоже закрывался, – сказал Эндрю. – Еще откроется.

Мохтар зашел на сайт Госдепартамента США, ожидая найти там что-нибудь про эвакуацию американских граждан. Ничего не нашел. Каждый день Госдеп невнятно намекал, что американским йеменцам хорошо бы выбираться из страны любыми возможными путями.

Совсем недавно был прецедент – Госдепартамент занимался эвакуацией своих граждан из воюющей страны. В 2006 году Пентагон и Госдеп помогли пятнадцати тысячам американцев

уехать из Ливана во время войны между Израилем и «Хезболлой».

Но тут другое дело. В Йемене АКАП, ИГИЛ – США решили не соваться и обойтись без полномасштабной эвакуации. В Йемене не осталось ни посольства, ни сотрудников, проверить и допросить потенциальных пассажиров при посадке на самолет или на судно некому. Перспектива ненароком ввезти в Штаты террориста – слишком большой риск, решили Штаты. Пускай застрявшие в Йемене американские граждане справляются сами как могут.

В официальном заявлении Государственного департамента говорилось, что «на текущем этапе американское правительство не планирует организовывать эвакуацию граждан США. Мы настоятельно рекомендуем всем американским гражданам укрыться в безопасном месте, пока не представится возможность безопасно покинуть страну. Американским гражданам, желающим покинуть Йемен, надлежит воспользоваться коммерческими видами транспорта, когда таковые будут доступны».

Поэтому возник сайт StuckInYemen.com[18], где документировалось отчаянное положение тех, кто застрял в стране. Сайт поддерживали правозащитные организации американских мусульман, в том числе Совет по американо-исламским отношениям и Азиатское юридическое собрание[19]. Сайт разрастался – там собралось семьсот американцев, которые надеялись, что их правительство предоставит им способ выехать из Йемена.

Под давлением арабо-американских правозащитников представитель Госдепартамента Джефф Ратке в итоге объяснил, что американцы, оставшиеся в Йемене, сами вырыли себе яму и теперь должны в нее лечь. Они давно пропускали мимо ушей предостережения американского правительства, намекнул он, так что сами виноваты.

– Пятнадцать с лишним лет Государственный департамент рекомендовал гражданам США воздерживаться от поездок в Йемен, а тем американским гражданам, которые уже находятся там, мы советовали уехать, – сказал Ратке.

На другой пресс-конференции Госдепартамента еще одна его представительница, Мари Харф, обронила, что у американцев есть «варианты» отъезда.

Один журналист попросил уточнить.

– Какие варианты? – спросил он. – Вплавь?

Мохтару нужно было выбираться срочно. Надо попасть на конференцию ААСК в Сиэтл и спастись от эскалации насилия (в таком порядке). Каждый день он заходил к турагенту и проверял, не возобновились ли полеты. Но аэропорт лежал в руинах. Надеяться, что в ближайшее время его откроют, не приходилось.

Бомбардировки продолжались – в основном по ночам. Саудовская Аравия нарекла свою операцию «Бурей решимости» и утверждала, что в военной кампании участвуют еще девять государств, главным образом суннитских. Иордания, Марокко, Судан, Кувейт и Бахрейн предоставили по пятнадцать истребителей. Объединенные Арабские Эмираты прислали тридцать. Сенегал, Катар и Египет тоже вошли в коалицию. Но в основном кампанию вели саудовцы – сто истребителей, сто пятьдесят тысяч мобилизованных солдат.

Бомбили все сильнее. Сначала военно-воздушные базы и военные склады под Саной. Затем крупнейшие дороги, связывающие столицу с Таизом и Аденом. К субботе, 28 марта, под бомбами погибли минимум тридцать четыре гражданских.

На пятый день эти бомбардировки – во всяком случае, в центре Саны – вошли в эдакий нормальный ритм. Мохтар поехал к Эндрю. Может, у Эндрю есть варианты, думал он, может, у него есть ответы. Кат у него точно есть.

Мохтар сел в такси и велел водителю ехать в Аль-Бонию. Когда почти уже доехали, над капотом такси взвился дым.

– Перегрелся, – пояснил таксист и затормозил.

Мохтар вышел и увидел лавку, где торговали венками – йеменской версией гавайских цветочных ожерелий. Про себя посмеялся, решил купить по ожерелью для Эндрю и Али. Дар в честь того, что они выжили в бомбардировках. Купил два и сел в такси, едва водитель захлопнул капот.

Эндрю и Али над ожерельями тоже посмеялись. Эндрю свое надел, и втроем они сидели у него в квартире и набивали рты катом. Мохтар открыл ноутбук, поискал новости. Новости не утешали. Он зашел на сайт Госдепартамента – может, появились варианты. Ни малейших. День клонился к вечеру.

За ужином Али сказал, что отвезет Мохтара домой. Город притих. Зная, что с приходом темноты в любую минуту могут посыпаться бомбы, жители Саны завели привычку завершать все поездки до наступления ночи. Оказаться ночью на улице никто не хотел.

Когда стемнело, Мохтар и Али еще были в дороге. И тут Али предложил завернуть на фабрику. Ему туда надо, и это по дороге к Мохтару. Мохтар же не против?

Ну а что было делать? Все такси попрятались на ночь. Мохтар и Али поехали на фабрику. Не успели доехать, как началась бомбардировка. Мохтар впервые очутился на улице во время ночной бомбардировки – очень новое ощущение. Под такси рокотала земля. Где-то вдалеке еле слышно шуршало – это обращались в пыль мишени бомбардировщиков.

На фабрике Мохтар и Али полюбовались войной из окна. Небо расчертил огонь зениток. Мохтар включил камеру на телефоне и снял, как за горой Фадж-Аттан летят вверх трассирующие снаряды. Саудовские силы разбомбили склад боеприпасов. Оранжевое огненное облако взметнулось на триста метров. Внутри взрыва грохотали взрывы. В какой-то четверти мили от фабрики.

«Пора уезжать из Саны», – подумал Мохтар.

Но с фабрики уезжать не время – во всяком случае, не в эту ночь. Бомбили близко, что будет дальше – не угадаешь. В эти дни саудовцы уже уничтожали жилые дома, рынки, больницы, но вроде бы прежде у них был какой-то план. Не исключено, что теперь они возьмутся за промышленные корпуса. Возможны хаос, мародерство. Мохтар вспомнил про пять тонн кофе на складе фабрики. Если кофе украдут, прощай вся его работа последних полутора лет.

– Знаешь что? – сказал он Али. – Я заночую здесь.

Али отказался оставлять Мохтара одного.

– Я тебя довезу, – сказал он.

Бомбят близко – глупо тут сидеть, твердил Али.

Ты езжай, сказал Мохтар, а я останусь и пригляжу за фабрикой.

Али уехал, а Мохтар ушел в офис. Собрал подушки с диванов и устроил себе постель. Бомбы сотрясали город каждые десять минут, но Мохтар уже привык. Еще не настала полночь, а он задремывал.

Дзынькнул телефон. «Не смотри, – сказал он себе. – Спи».

И посмотрел.

Написала ему Саммер Нассер. Американская йеменка из Нью-Йорка, Мохтар познакомился с нею в соцсетях. Приехала в Аден навестить родных и тоже застряла в стране. Она слыхала, в половине десятого утра из Адена выходит греческое судно. Она хочет попасть на борт.

«Я займу тебе место», – написала она.

Глава 30
Греческое судно

Внезапно сна ни в одном глазу. Дорога до Адена – часов восемь или девять к югу. Надо найти машину, которая сможет доехать. И водителя. Может, охранника. Ехать придется через зону активных боевых действий. Блокпостов там, вероятно, десятки. Надо упаковать образцы кофейных зерен и наличку, чтобы хватило попасть на судно и потом долететь до Сиэтла. Нестись придется на всех парах, через самое сердце Йемена, под ночной бомбардировкой. Какой-то бред.

Но затем Мохтару явилось равно бредовое видение: он в Сиэтле, беседует с покупателями, рассказывает историю йеменского кофе, собирает запросы, получает предзаказ на тонны кофейных зерен, воплощает свой бизнес в реальность. Вот чего он хотел. И не хотел, чтобы саудовские бомбы диктовали ему, что можно, а чего нельзя. Он прочел намаз истихара – молитву к Аллаху с просьбой дать ответ.

«Это верный путь?» – спросил он Аллаха.

И почувствовал ответ: путь верный.

Этого было довольно. Мохтар хотел уехать, а сообщение Саммер пришло, едва он увидел, как взорвалась гора, – знамения сошлись. В последний раз у него было такое чувство – нет никаких сомнений, вот она, судьба, – когда он увидел статую перед зданием братьев Хиллз напротив «Инфинити» и решил посвятить свою жизнь кофе.

Он позвонил Саммер:

– Я еду.

Он позвонил Эндрю, рассказал ему про Саммер и греческое судно.

Эндрю толком не проснулся.

– Не надо, – сказал он Мохтару. – Аден – это *прямо зона военных действий*. Там *прямо идет война*.

Мохтар не дрогнул. Эндрю позвонил Али:

– Вправь Мохтару мозги, а?

Али позвонил Мохтару, но Мохтар не желал ничего слушать. В конце концов Эндрю и Али бросили его отговаривать, но не захотели отпускать одного.

Мохтар позвонил семейному шоферу Самиру. Попросил отвезти, пообещал, что хорошо заплатит. Самир пришел в ужас.

– Не поеду, – сказал он. – И тебе тоже не надо.

Мохтар дал отбой. Вариантов не было.

Тем временем Али позвонил друзьям, Садеку и Ахмеду. Оба жили по соседству с фабрикой и накануне вечером помогали Эндрю перевозить кофе с фабрики к нему домой. За скромную мзду они согласились прокатиться в Аден. Садек сказал, что одолжит фургон, который обычно водит днем. Фургон не его, но его работодатели не узнают. Мохтар договорился о цене за машину и о том, что Ахмед поведет фургон, а Садек поедет за компанию: чем больше народу, тем спокойнее.

Мохтар принялся паковать вещи. Что взять с собой? Он смотался в квартиру Кензы и Мохамеда, кинул в рюкзак к телефону и ноутбуку две чистые рубашки и пару штанов. Добавил смену носков и белья. Примотал к себе под одеждой четыре тысячи американских долларов и сунул за пояс кольт.45-го калибра.

Теперь кофе. Прихватив твердый чемодан «самсонайт», он спустился на первый этаж в сортировочный цех. Цапнул мешок зерен из Хаймы. Зерна вдовы Варды. Генерала. Хубайши. Что еще? Перед ним стояли лица фермеров: как можно пренебречь их трудом? Мохтар остановился на сборной солянке – север и юг, шесть разных плантаций. Все, что он привезет, будет представлять Йемен в Сиэтле. Образец его лучшего кофе – лучшего кофе, что выращивали в Йемене за последние восемьдесят лет, бессистемная, но все равно важная кофейная карта страны, где впервые начали культивировать кофе, олицетворение пятисот лет традиции.

Мохтар закрыл чемодан и попытался поднять. Слишком тяжелый, вдобавок не застегивалась молния. Придется разгружать. Какую часть йеменской истории выбросить? Будь у него время сделать все по уму, упаковать шесть чемоданов, как он планировал, тщательно отобрать образцы, а потом сесть в самолет из Саны, как нормальный бизнесмен, которым он себя воображал, ему не пришлось бы за полночь смотреть на одинокий чемодан и выбирать, какие регионы Йемена будут обойдены вниманием, когда он вернет миру кофе своей родины. Он вынул десяток образцов и закрыл чемодан. Отнес его вниз и стал ждать машину.

Садек приехал на шестнадцатиколесной грузовой платформе. На такой автомобиль можно увезти. И она была белая. Все надежды Мохтара незаметно проскользнуть в Аден по темноте

испарились. Эта машина будет заранее сигналить о себе всем, кто встретится по дороге, и всем, кто бомбит с небес. Ярко-белый грузовик с платформой помчит сквозь йеменскую ночь посреди мощнейшей бомбардировки только что начавшейся войны.

– Так, – сказал Мохтар. – Поехали.

На часах самое начало первого. За девять часов надо добраться до Адена.

Глава 31
Дорога в Аден

Они выехали из города, вздрогнувшего от очередного бомбового удара.

– Все будет нормально, – сказал Садек.

Мохтар на него посмотрел. В спешке приготовлений он и не задумался о том, что этих двоих видит впервые в жизни. Они друзья Али – и это все, что Мохтар о них знает. Оба примерно его сверстники. Садек – с буйной черной шевелюрой, в традиционном платье, скорее в духе северных племен, чем утонченных столичных жителей. Ахмед, коротко стриженный и с ухоженной бородой, – в брюках и рубашке поло. Мохтару предстояло провести девять часов с этими людьми по дороге на греческое судно, о котором он тоже не знал ничего. Не знал даже, куда оно идет.

Из города они выехали без проблем, но было ясно, что скоро начнутся хуситские блокпосты. Хуситы отслеживали передвижения людей, возможные очаги сопротивления, оружие, вообще все.

Двухполосная дорога петляла, уводя их прочь из города. Они мчались километрах на 130 в час – слишком быстро для таких поворотов. На первом КПП Ахмед сбросил скорость, едва показалось трио солдат. Мохтар ожидал, что их затормозят, допросят, осмотрят. Но солдаты глянули на грузовик, на переднюю решетку или на номер – Мохтар не понял – и кивнули: проезжайте, мол.

На втором блокпосту все сложилось иначе. Солдаты в разномастном обмундировании – то гимнастерки национальной армии, то хуситская одежда – махнули Ахмеду, чтоб остановился.

– Куда направляетесь? – спросили они.

Ахмед сказал правду: что Мохтар хочет выехать из страны через порт в Адене, что они перевозят небольшие образцы йеменского кофе. Солдаты захотели посмотреть. Мохтар вылез и расстегнул чемодан. Он понимал, что все это выглядит странно, и сам сказал солдатам, что перевозить один черный чемодан на гигантской грузовой платформе – явно подозрительное дело. Посмеялся. Хуситы его веселья не разделили.

Мохтар открыл чемодан, показал зерна и не успел оглянуться, как уже излагал историю кофе в Йемене, рассказывал,

что хочет восстановить мировой престиж йеменских кофейных зерен. Он говорил без умолку – ну, он всегда говорил без умолку. История йеменского кофе солдат не увлекла.

– Проезжайте, – сказали они.

Ахмед проехал.

Блокпосты попадались каждые двадцать минут. Иногда грузовик тормозили, и приходилось объяснять, что они тут везут и куда едут. Иногда открывали чемодан и показывали кофе. Иногда их пропускали просто так. Система – если она была – ускользала от Мохтара. Он все сильнее недоумевал, если не останавливали. Тогда он отмечал одну и ту же последовательность событий. Солдаты смотрели на номер грузовика – или, может, там что-то было на решетке, – кивали и пропускали. Странное дело, но грузовик ехал довольно быстро, и не было резонов задавать вопросы. Такими темпами они успеют в Аден к восьми утра. Мохтар ожидал неприятностей, непредвиденных препятствий, но пока что они опережали график.

Около половины второго ночи их остановили на очередном КПП. Они объяснили, куда едут.

– Вы дальше через Ярим? – спросил солдат.

Ахмед и Мохтар ответили, что да, через Ярим. Ярим – городишко на полпути между Саной и Иббом. С трудом отыщешь на карте, но Мохтар хорошо знал Ярим – нередко останавливался там, когда ездил на север или на юг.

– Там будет жарко, – сказал солдат.

– То есть? – спросил Садек.

– Не надо через Ярим, – сказал солдат и махнул им, чтоб проезжали.

Но как еще проехать? Шоссе идет через Ярим. Все трое пожали плечами. Самонадеянность, пожалуй. Хуситские блокпосты они проезжали запросто. Чувствовали себя неуязвимыми и с самого выезда из Саны не видели ни малейших следов саудовских бомбардировок.

Они покатили к Яриму.

От КПП, где солдат так загадочно их предостерег, до Ярима было двадцать миль, но в пяти милях от города на темных обочинах замелькали гражданские, что направлялись на север, кто шагом, а кто бегом. Два часа ночи.

– Что за ерунда? – сказал Ахмед.

Движение замедлилось, а вскоре, уже у городской черты, застыло вовсе. С приближением к Яриму ручеек бегущих людей разлился полноводной рекой. По обочинам бежали тысячи. Машины, ехавшие на север, еле ползли. Машины, ехавшие на юг, к Адену, вообще не двигались.

Навстречу им выбежал человек. Ткнул пальцем в грузовик Садека.

– Вы сгорите! Сгорите! – заорал он.

Мохтар вылез из грузовика. Воздух был необычайно жаркий, и из города несло чем-то едким – там что-то горело. Мохтар спросил человека, шагавшего на север, что произошло.

– Саудовцы только что разбомбили город, – ответил тот. – Метили в нефтяной танкер. Попали в грузовик с йогуртом. Человек десять погибло, если не больше, – дети, маленькие совсем.

Но это случилось всего несколько минут назад. Откуда хуситский солдат на КПП узнал, что грядет?

Оранжевое зарево многочисленных пожаров очерчивало весь центр города.

– Придется в объезд, – сказал Садек.

Они свернули с шоссе и отыскали грунтовку, огибавшую город. В свете фар мельтешили тени – люди бежали из Ярима. Город превратился в кипящий котел.

– Может, остаться? Помочь? – спросил Мохтар.

Если остаться, толку не будет. Нечем тут помочь. Они не пожарные, не медики. А вдруг грузовик станет мишенью? Бомбардировщики метили в нефтяные танкеры, а попали в грузовик с йогуртом. Надо уезжать – подальше от города, от гражданских.

Но тут грузовик застрял.

Мохтар и Садек вылезли. Не разглядишь ни дороги, ни даже колес. Мохтар включил фонарик на телефоне и подсветил проблему. Колеса крутились в шестидюймовой грязи. Толкать шеститонный грузовик – не выход. Попробовали подсовывать камни под покрышки – бесполезно. Огляделись, ища помощи, но вокруг царил хаос. Никто не поможет проезжему грузовику. Вскоре они уже по щиколотку утонули в грязи, а грузовик так и не сдвинулся. Нужен буксир.

Садек махнул какому-то мотоциклисту, запрыгнул к нему и исчез. Не сказал, что задумал, ни Мохтару, ни Ахмеду. Мохтар постоял в темноте. Посмотрел в черное небо, на крошечные яркие звездочки. Они два часа ехали из города, объятого пламенем, и попали в городишко, объятый пламенем.

Спустя сорок минут в темноте замаячили огни фар. Приехал другой грузовик. Оттуда выскочил Садек. Посреди контуженного Ярима он умудрился отыскать эвакуатор. Водитель вытащил их из грязи. Спустя десять минут они уплатили ему и поехали дальше. На всех парах обогнули Ярим и вернулись на шоссе. Мохтар глянул на телефон. Почти три часа ночи.

Телефон разряжался. В Аден не успеть, это ясно. Если Ярим разбомбили просто так, другие города впереди тоже, наверное, бомбят. В этот раз они явились после бомбежки – но в следующий раз может и не повезти. Не очень-то удачный был план. Мохтар предложил Садеку и Ахмеду плюнуть и дальше не ехать.

– Можем повернуть назад, – сказал он. – Так не годится. Саудовцы целят в грузовики. А если бы по нам стрельнули?

– Но не стрельнули, – возразил Садек. – Ты подумай сам. Аллах нас уберег.

В тот момент всем показалось, что логика у него стройная.

Они поехали дальше, на юг, в Аден.

Глава 32
Добро пожаловать в Аден

В Аден они въехали, когда вставало солнце. Ближе к центру города десять человек остановили и окружили грузовик. Видимо, члены народного комитета, решил Мохтар. С 2011 года по всему Йемену возникали народные комитеты – защищали свою территорию от хуситов и от «Аль-Каиды». Местные мужчины объединялись в эдакое ополчение – становились солдатами в периоды кризисов.

Эти люди были вооружены, но в гражданском. Один ткнул стволом в кабину:

– Выходите.

Мохтар обернулся к Ахмеду и Садеку:

– Давайте я сам с ними поговорю.

Они вышли из грузовика. Люди столпились вокруг и обыскали всех троих. Обыскали машину и нашли пистолет Мохтара. Весть о явлении кольта.45-го калибра взбудоражила толпу, и пистолет мигом растворился в воздухе.

Мохтар объяснил, что хочет попасть на судно в порту, что эти двое – его шоферы. Показал паспорт, предположив, что народный комитет отнесется к американцу благосклонно. Соединенные Штаты – вроде как их союзник.

Но ситуация уже вышла из-под контроля. Садек тоже что-то сказал, а эти люди расслышали его акцент и разглядели наряд.

– Мужик – хусит, – сказал один ополченец.

Мохтар обернулся – Садеку уже завязали глаза и тыкали дулом в спину. Надо убедить этих людей, которые сражались с хуситами и в боях успели потерять друзей и родных, что Садек не хусит. Но Садек как будто нарочно косил под хусита.

– Побойтесь Бога, побойтесь Бога, – сказал Мохтар. Это означало: «Придержите коней. Подумайте, что вы делаете. Аллах смотрит на вас и судит ваши поступки». – Он со мной. Он просто шофер. Никакой не хусит, – сказал Мохтар, хотя на самом деле не знал, кто таков Садек.

Почему Садек вообще согласился поехать в Аден? Вроде логично допустить, что он и впрямь хусит, нет? Может, он воспользовался Мохтаром, чтобы попасть сюда?

– К тебе вопросов нет, – сказали Мохтару. – Можешь идти. Но эти двое пойдут с нами.

Было ясно, что бросать Ахмеда и Садека нельзя. Садека убьют. Может, и Ахмеда тоже. Мохтар ответил, что если забирают Ахмеда и Садека, придется забрать и его.

– Да запросто, – сказали ему.

Ахмеду развязали глаза и разрешили сесть за руль, а один комитетчик, забравшись в кабину вместе с Мохтаром и Садеком, командовал, куда ехать.

Узкими улочками Адена они в конце концов прибыли в какую-то, что ли, школу, где народный комитет устроил себе штаб-квартиру. На улице топтались человек двадцать. За окнами мелькали другие. У большинства АК-47.

Мохтара, Садека и Ахмеда вывели из грузовика. Мохтар шепотом велел Садеку помалкивать:

– Говорить буду я.

Их провели в какую-то комнату на первом этаже. Пустую, не считая наспех сварганенной койки у стены и ряда стульев перед койкой. Всем троим велели сесть на койку и дали холодной воды. В Йемене всегда блюдут обычаи гостеприимства, даже с пленниками.

Вожаку было за сорок – розовая рубашка поло, штаны хаки и сандалии. Он спросил у Мохтара паспорт. Мохтар, не вставая с койки, предъявил паспорт. Вожак стоял, еще трое комитетчиков сидели на стульях. Вожак листал паспорт с большим интересом.

– Когда ты ездил в Дубай? – спросил он.

Мохтар не понял, проверяют ли его – на штампе ведь стоит дата въезда – или этот человек просто не понимает, что такое виза. Мохтар постарался ответить как можно точнее.

– Я ездил на конференцию по спешелти-кофе, – сказал он.

– А в Эфиопию когда ездил? – спросил вожак.

Мохтар прикинул. Около года прошло. Он наугад назвал дату, и вожак перевернул страницу.

– Когда ты ездил в Париж?

– Не помню. В марте, кажется, – ответил Мохтар.

– Ты ездил за рубеж и не помнишь?

Тут до Мохтара дошло, что для этого человека такой паспорт – невозможная экзотика. Что видит вожак? Йеменца, который вдобавок американец, катается себе в Эфиопию, в Париж, в Дубай, но не помнит подробностей.

– Слушайте, – сказал Мохтар человеку в розовом поло. – Я не помню даты. Я нервничаю.

И прибавил, что хочет сесть на судно в порту на побережье Красного моря, а к викторине по штампам в паспорте не готовился.

– Я занимаюсь кофе, – сказал Мохтар. – Посмотрите у меня в

чемодане – там только образцы кофе. Я всего лишь пытаюсь помочь людям, помочь фермерам.

Он тараторил, и внимание этих людей, их терпение отчасти его успокаивало. Надо остаться в живых, надо сохранить жизнь своим спутникам. Надо болтать дальше.

– Я просто занимался своим делом, как и вы, а тут эти клятые хуситы все расхерачили.

Что-то дрогнуло в лицах его поимщиков. Они расслабились. Почуяв шанс, Мохтар сам себя удивил. Он встал, подошел к этим людям, которые его допрашивали, подсел к ним и посмотрел на Ахмеда с Садеком.

– Вы защищаете свой город, свои дома, – продолжал он, – а эти проклятые хуситы к вам лезут. Они не имеют права.

Он говорил и говорил, глядя на Ахмеда и Садека, будто символически отделил себя от них, присоединился к народному комитету.

– Зря мы поехали в Аден. Я понимал, что опасно, – сказал Мохтар. – Но я хотел быть с моей невестой, с Саммер. Мы хотели вернуться домой, вот и все.

Он непринужденно поглядывал на Ахмеда и Садека, чтобы те не перебили его и не возразили. Пока что его план приносил плоды. Он рассказал, чем занимается, выдумал себе невесту и тем самым себя очеловечил. Теперь надо сделать то же самое с Ахмедом и Садеком.

– А эти двое по доброте своей взялись мне помочь. Я понимаю, выглядят они подозрительно. Вот этот с виду – вообще дикарь. – Он ткнул пальцем в Садека. – Но это потому что они ни в зуб ногой. Они просто работники фабрики, моей кофейной фабрики, и согласились отвезти меня в порт.

Почти не соврал. Прибавил:

– Народ, мы тут за вас.

И на этих словах люди как будто выдохнули с облегчением. А Мохтар понял, что никто не умрет.

Их вывели наружу, и лишь тогда Мохтар разглядел наклейку на решетке грузовика – грузовика, на котором они девять часов ехали в ночи. Наклейка гласила: «Аллах велик. Смерть Америке». Хуситский лозунг, в цветах иранского флага. Неудивительно, что грузовик так легко пропускали на хуситских КПП.

Заметил ли наклейку народный комитет – непонятно. Лучше считать, что заметили. Ничего не поделаешь. Мохтар ткнул в наклейку пальцем. И засмеялся:

– Видали? А мы и не заметили, что́ у нас тут написано. Неудивительно, что нас и не тормозили особо.

Комитетчики ответили усмешками, но снова задергались. Мохтар просчитался. Сами они наклейку не увидели. А теперь весь расклад получался слишком подозрительным: наряд Садека, американский паспорт, большой грузовик с пустой платформой и трое людей, которые ночь напролет едут в Аден, когда все остальные из Адена бегут. Да еще эта наклейка. Стало ясно, что выкручиваться надо изо всех сил.

– Да благословит вас Аллах, – сказал Мохтар и зашагал к грузовику. – Я желаю вам победы, ребята. Честно. И я думаю, что вы победите! Вот я ни секунды не сомневаюсь. Вы одолеете этих хуситских сволочей.

Он жал им руки, хлопал их по спинам. Он улыбался, смеялся, изображал какого-то заезжего американского сановника, что явился на смотр войск. Еще несколько раз всех поблагодарил – и каким-то чудом это сработало. Их отпустили. Двадцать минут назад им в грудь и в голову целили десять «калашей». А теперь они все тут друзья – и можно уезжать. Одна беда: народный комитет экспроприировал у Мохтара кольт.

«Плюнь», – сказал себе Мохтар.

Они забрались в грузовик, и тут на перекресток вылетел черный джип. Из джипа выпрыгнула пожилая женщина в никабе – она приветствовала Мохтара с густым бруклинским акцентом и во весь голос:

– Вот ты где!

Приехала мать Саммер. Она так рада видеть Мохтара, так рада, что он цел и невредим. Жестикулировала она яростно – руки так и порхали. Предположив, что Саммер тоже сидит в джипе, Мохтар подошел к открытому заднему окну и увидел молодую женщину, тоже в никабе.

– Прости, что так вышло, – сказал он.

– Я не Саммер, – ответила она.

– Я тут, – сказал другой голос.

Мохтар обошел машину и уставился в другую пару глаз над никабом.

– Это я, – сказала Саммер.

Пока она ждала Мохтара, греческое судно отчалило. Наверное, будут и другие суда, другие варианты.

Мохтар вкратце пересказал историю своей поимки и освобождения. Между делом упомянул, что народный комитет

забрал у него кольт, и тут мать Саммер навострила уши.

– У тебя забрали пистолет? – переспросила она. Таким тоном, будто мальчишки на бруклинской детской площадке отняли у ее сына баскетбольный мяч. – Надо вернуть.

По улице к ним приблизилось облако пыли. Затормозил белый «монтеро», оттуда выскочил мужчина:

– Что тут такое?

Высокий, хорошо одетый – похоже, важная фигура.

Мать Саммер взяла объяснения на себя. Рассказала, что народный комитет ограбил Мохтара, что Мохтара задержали, украли у него пистолет. В Соединенных Штатах Америки Мохтар – очень влиятельный человек, сказала она. Богатый, на него работают восемьдесят тысяч сотрудников. И он жених ее дочери.

Пришлось подыгрывать. Не спорить же с ней. Мохтар с мольбой покосился на Саммер. Та взглядом ответила: «Даже не думай ей перечить».

Новоприбывшего тоже звали Мохтар, и негодование матери Саммер он вполне разделял. Пообещал все исправить. Вернуть Мохтару пистолет.

Небо треснуло.

– Снайперы, – пояснил Другой Мохтар.

И обвел рукой окрестные крыши. Где-то среди пяти- и шестиэтажных домов засели хуситские снайперы – целились в солдат народного комитета.

– Давайте уедем отсюда, тут небезопасно, – сказал Другой Мохтар. – У меня гостиница. Езжайте за мной. Оттуда позвоним. Пистолет я вам верну.

Саммер возвращалась в аденский дом своих родственников. Я тебе позвоню, пообещала она Мохтару. Он уже не в первый раз перед ней извинился, и три машины разъехались с перекрестка – Мохтар, Ахмед и Садек тронулись следом за Другим Мохтаром. Ахмед и Садек покосились на первого Мохтара. Был ведь шанс слинять из Адена – а они едут в центр города за пистолетом. Не самое мудрое решение.

Глава 33
Другой Мохтар

Следуя за Другим Мохтаром, наш Мохтар уже тоже сомневался, что это разумно. Ему пистолет-то вообще нужен? Это подарок деда – хотя бы поэтому пистолет стоило вернуть. Однако город вот-вот возьмут хуситы. Сколько осталось часов до того, как их кольцо замкнется?

– Надо разворачиваться и уезжать, – сказал Мохтар.

– В Сану? – переспросил Садек. – Тогда без пистолета нам точно никуда.

Мохтар еще поразмыслил. По пути на север – двадцать блокпостов. Пистолет не помешает. А Другой Мохтар обещал, что правосудие свершится стремительно.

Так они доехали до самой гостиницы. На улице не было ни души. Гостиница внутри оказалась приветлива, роскошна даже, если закрыть глаза на четырех охранников с АК-47. Четверо новоприбывших ступали по мерцающим мраморным полам чистого просторного вестибюля – странно было видеть этот относительный шик, если знать, что вскоре здесь неизбежно воцарится война. (Собственно говоря, уже назавтра в гостиницу попадет минометный снаряд.)

Садек рухнул на мягкий диван черной кожи и уставился в большой экран телевизора, где шел египетский фильм. Другой Мохтар удалился за стойку портье и вернулся с ключом.

– Идите примите душ, отдохните, – сказал он.

А сам он тем временем кое-кому позвонит и выяснит, что там с пистолетом.

Мохтар, Садек и Ахмед вошли в лифт и под дребезг музыки откуда-то с потолка поднялись в номер 303.

Очутились в опрятной комнате с двумя двуспальными кроватями.

– Я в душ, – сказал Садек.

Потом душ принял Ахмед – можно подумать, они приехали в отпуск и планируют весь вечер гулять. Мохтар нервничал – не тянуло принимать душ, переодеваться. Он посидел на кровати, посмотрел в окно, побродил по номеру. Греческое судно-то – оно

правда ушло? Саммер как-то не расстроилась. Будут и другие, пообещала она.

От стука в дверь он вздрогнул. За дверью стоял коридорный – принес сок манго и печенье.

– Это вам от Мохтара, – пояснил он.

Все трое ничего не ели с тех пор, как одиннадцать часов назад выехали из Саны. Гостеприимство хозяина утешало, даже убаюкивало. Когда они проглотили все, что им принесли, Мохтар внезапно потерял бдительность и ужасно устал. При таких обстоятельствах засыпать не стоит, он и сам понимал, но лег на постель и в тот же миг отрубился.

Проснулся через сорок пять минут. Спросил спутников, не появлялся ли Другой Мохтар. Нет, не появлялся. После сна взбодрившись, наш Мохтар решил, что из Адена надо выбираться. А пистолет пускай пришлют вдогонку. Он позвонил Другому Мохтару и сказал, что они уезжают.

– Нет-нет, – ответил тот. – Пистолет я верну. Дайте мне час. Пообедайте пока и перезвоните.

Уже потом, спустя недели и месяцы, Мохтар затруднялся объяснить, с чего вдруг решил, будто это здравая мысль – искать, где бы поесть, посреди осажденного города. И однако они сели в грузовик и отправились на поиски ресторана, а ничего не найдя, затормозили и спросили прохожего на улице, где тут можно пообедать.

Расспрашивал его Садек, и это была ошибка: прохожий услышал его акцент и тут же напрягся:

– Ты что, хусит?

Мохтар попытался исправить положение, заговорив на классическом арабском. Он убедил прохожего, что у них тут не законспирированная ячейка, какие уже успели накрутить паранойю всему Адену. Грузовик развернулся, и они вернулись в гостиницу. Мохтар перезвонил Другому Мохтару:

– Как там с пистолетом?

С пистолетом никак. Дурдом, сказал Другой Мохтар. Народные комитеты – не отлаженная система с четкими каналами обмена информацией. Ни от кого ничего невозможно добиться.

– Но я вам его пришлю, – сказал Другой Мохтар. – Найду пистолет и пошлю в Сану, обещаю.

Мохтар сказал, что это будет прекрасно, и про себя попрощался с пистолетом окончательно. Спросил, как лучше

выехать из города. Не мог бы Другой Мохтар помочь или хотя бы гарантировать беспрепятственный выезд? Мохтар упомянул подозрительного прохожего. О том, какой теплый прием им оказали на въезде, и напоминать было незачем.

– Без проблем, – сказал Другой Мохтар. – Мой телефон у вас есть. Сошлитесь на меня. Все будет хорошо.

Глава 34
Быстрая смерть от чистого клинка

Итак, на греческое судно они не попали – если греческое судно вообще было. Теперь надо разворачиваться и еще девять часов ехать на север, а хуситы между тем продвигаются на юг. Но хотя бы из Адена они выберутся спокойно. Другой Мохтар описал маршрут – сказал, что этим маршрутом они обогнут большинство блокпостов. До шоссе доберутся быстро. За чертой Адена дороги под контролем хуситов – наклейка на решетке обеспечит стремительное движение до самой Саны.

Они отъехали от гостиницы на три квартала и уперлись в первый блокпост. Остановились, Мохтар высунулся, объяснил ситуацию, и их пропустили. «Раз плюнуть», – решил он. Устроился поудобнее и задумался про Ибб. Они заедут в Ибб, нормально поедят и отдохнут. Тетя Мохтара приготовит им пир. Уж это-то Садек и Ахмед заслужили.

Ахмед снова затормозил. Опять блокпост. Вокруг грузовика столпились люди – все с «калашами».

– А вы куда намылились? – спросил один.

Разговаривал Мохтар. Объяснил про кофе, Саммер, греческое судно, Другого Мохтара.

Люди не поверили. Садек покосился на Мохтара – в глазах тревога.

Из толпы вышел какой-то человек. В борцовке, длинных шортах и сандалиях.

– Эти нормальные, – сказал он.

Ему было под тридцать – чуть ли не моложе всех в этом народном комитете, – но, видимо, имел среди них немалый вес. Он посмотрел на Мохтара в упор, и между ними промелькнуло что-то вроде доверия.

– У тебя доброе лицо, – сказал Борцовка. – Ты вроде хороший человек. Пропустите их.

Люди расступились, и Ахмед газанул.

Рассуждать, что сейчас произошло, не было времени. Блокпосты стояли бессистемно. На каждом происходило что-то свое, и каждый раз все зависело от тех, кто на нем дежурил. На каждом КПП толпа могла верить во что угодно: что Мохтар и его спутники хуситы, что они союзники, что они опасны или безвредны. Всякий раз ситуация была зыбкой, чрезвычайно

взрывоопасной. Аден обложили со всех сторон – о лишнем убитом здесь никто не заплачет.

Ахмед ехал дальше. Надо только добраться до побережья, и все обойдется. Их опять остановили на блокпосту, но после краткого разговора пропустили. Еще квартал, еще блокпост. Несколько раз Мохтар высовывался из кабины и упоминал Другого Мохтара, но того, похоже, никто не знал. Тем не менее пять блокпостов они одолели, и впереди уже замерцало синее море.

– Почти доехали, – сказал Мохтар.

Небо раскинулось вширь, день выдался ясный и солнечный. Мохтар воображал ягнятину, говядину, стол, который накроет им тетя. Мохтар покажет Садеку и Ахмеду, какой вид открывается с балкона шестого этажа в доме Хамуда – видно до самого Ибба, на сотню миль в любую сторону. Они задержатся там, отдохнут. Проспят не одни сутки.

– Блин, – сказал Садек. – Глядите.

Очередной блокпост – на сей раз на прибрежном шоссе у Аль-Бурейки, возле чудесного пляжа с мелким белым песком. Ахмед сбросил скорость и затормозил. Грузовик окружили пятнадцать человек.

– Вылезайте, – сказал один.

Ему было за тридцать, чисто выбрит, в ветровке и спортивных штанах. Лоб стягивала тонкая черная бандана. Мохтар невольно припомнил Парня-каратиста.

Ахмед вылез, задрав руки над головой. Следом вышел Садек. Мохтар прополз через всю кабину и выбрался на яркое солнце.

Парень-каратист спросил, куда они направляются, и Мохтар объяснил. Предъявил американский паспорт. На Парня-каратиста паспорт, видимо, произвел впечатление. Последовали дебаты между ним и остальными, а затем невозмутимый Парень-каратист вернулся и сказал:

– Ни о чем не волнуйтесь. Вы под моим командованием.

Мохтар про себя улыбнулся. Где этот человек раскопал такую фразу? «Вы под моим командованием». Все эти люди, которые играют в солдатиков, – они так серьезно к себе относятся. Скорчив мрачную гримасу, Парень-каратист тяжело опустил руку Мохтару на плечо:

– С вами порядок. Вы американец. Вам беспокоиться не о чем. А вот эти двое… советую вам с ними расстаться.

– Не могу, – сказал Мохтар.

– Нам придется отвезти их в отдел полиции и допросить. Можете побыть здесь.

– А потом вы их привезете?

– Привезем, – сказал Парень-каратист.

Люди на блокпосту вели себя так дисциплинированно, Парень-каратист говорил так мягко и по-деловому, что Мохтар, Садек и Ахмед расслабились. Парень-каратист невозмутимо объявил, что Садека и Ахмеда отвезут в полицию, его помощники невозмутимо завязали обоим глаза, потом невозмутимо усадили в белую «тойоту-хайлакс». Мохтара загипнотизировала эта рутина, эта эффективность и непринужденность – все смахивало на простую бюрократическую процедуру, тревожиться не о чем. Мохтар поступил, как ему велели, то есть перестал беспокоиться: надо подождать какой-то час, ничего страшного.

◖ ◖ ◖

Мохтар сошел с дороги на белый песок и сел. Вместе с ним присели комитетчики, и вместе они посмотрели на Аденский залив. Прямо на виду, в нескольких милях от берега, стояли три боевых корабля США. Мохтар раздумывал о том, насколько проще все бы сложилось, если бы американское правительство эвакуировало своих граждан. «Вот же три корабля. Господи боже».

И все равно пляж был прекрасен. Ни души, только Мохтар и его охрана. Мохтар снял сандалии и зарылся ступнями в мельчайший белый песок – на ощупь как пепел. Просеял его руками, задрав лицо к солнцу. Солдаты спросили про его работу, и вот Мохтар уже показывал фотографии на телефоне – Хайма, Бура, Хадджа, Бани Матар, Ибб, Утман, – фотографии горных террас, поразительных чудес высокогорного сельского хозяйства.

– Это *Йемен*? – спросил один солдат помоложе.

Он никогда не выезжал из Адена. Он и не догадывался, что в Йемене бывают такие пейзажи.

Мохтар сказал, что да, это Йемен, все это Йемен, в этой стране много чего есть – не только Аден, не только Сана. Вокруг столпилось еще больше народу, и Мохтар все возил пальцами по экрану, влево-вправо, показывал им сушилки, красные ягоды, ярко-зеленые листья, загорелые лица фермеров и их детей.

Другой человек, еще моложе первого, спросил то же самое:

– Это правда Йемен?

◖ ◖ ◖

Из грез их вырвал гул приближающегося автомобиля. Белый «хайлакс» развернулся поперек шоссе, из кузова выпрыгнул крупный человек. И уставился на Мохтара.

– А ну сюда! – заорал он.

Человек был в спортивном костюме и кожаной куртке. В кузове сидели еще пятеро – большинство вооруженные.

Атмосфера переменилась так резко и радикально, что Мохтар подскочил и бросился к этому человеку, забыв сандалии на пляже.

– Поедешь с нами. В фургон, – велел Кожаный.

Места в кузове не было, и Мохтар шагнул к пассажирской дверце. Пока что все были так дружелюбны – казалось, сидеть спереди среди новых друзей логичнее всего – свидетельство гостеприимства.

– Не сюда! – рявкнул Кожаный. – Назад!

Мохтар отступил. Кто-то схватил его и связал руки за спиной. Чем-то мягким связал – как будто полоской ткани, оторванной от рубашки. Хотелось забрать сандалии с пляжа, но было ясно, что момент упущен. К тому, что грядет, Мохтар отправится босиком.

Потом ему завязали глаза. Повязку затянули торопливо, и правым глазом Мохтар кое-что видел – землю под ногами.

Его подсадили в кузов, он устроился на кожухе колеса, и машина тут же стартанула. Свистел ветер, воздух густел. Они возвращались в город.

– Проклятый ты хусит! – перекрикивая ветер, заорал Кожаный. Он тоже сидел в кузове.

– Я не хусит, – ответил Мохтар.

Он старался держать себя в руках, говорил на классическом арабском. Ясно, что они прислушиваются – надеются уловить слабейший намек на северный акцент.

– Пристрелим тебя, – сообщил Кожаный.

И вновь Мохтар постарался сохранить безмятежность и ясность ума, изобразить нейтральность наблюдателя, цивилизованного гражданина мира, угодившего в гущу чужой схватки.

– Вам нужно такое на вашей совести? – спросил он.

– На моей совести мертвецов полно, – сказал Кожаный. – Я сегодня уже двоих ваших кокнул.

И тогда Мохтар поверил, что может и умереть. Другие народные комитеты состояли из обычных мужчин, подростков, немолодых банковских служащих, которым пришлось с оружием в руках защищать Аден. Но этот человек – бандит, оппортунист, а может, и безумец. Неважно, считает ли он Мохтара хуситом, – убить он способен в любом случае.

Машина лихорадочно петляла по городу. Мохтар чуял дизельное топливо, кожей ощущал, как скользят тени высоких домов, и размышлял о том, как умрет. Его пристрелят? Он вообразил, как сквозь череп летит обжигающий свинец.

Вспомнил, как дядя Рафик, оклендский коп, рассказывал, что есть такое место между бровями и переносицей; если всадить пулю туда, говорил Рафик, – это как выключателем щелкнуть. Совсем не больно. Просто конец.

Мохтар не хотел, чтоб его пристрелили. Лучше всего, решил он, ножом по горлу. У всех мужчин в кузове были мачете. Мохтар подумал было попросить Кожаного о таком одолжении – о быстрой смерти от чистого клинка. Так мусульмане убивают животных, чтобы мясо было халяльным. Для млекопитающего это быстрая и гуманная смерть. Мохтару привиделись собственные похороны. Он вообразил, как мэр Сан-Франциско читает панегирик. Президент Обама, вероятно, тоже скажет что-нибудь. Хотя бы смысл донесет. «Мохтар Альханшали умер, занимаясь любимым делом». Это хорошая смерть? Мохтар подумал про родителей, про братьев и сестер. Подумал про Виллема, Джоди, Марли, Стивена. Быть может, его смерть их вдохновит. Он станет мучеником. Кофейным мучеником? Он жил хорошо. По крайней мере, несколько лет он жил хорошо. Он подумал про Остров Сокровищ. Про «Инфинити». Про статую человека с кофейной кружкой. Да нет, история у него – так себе история. Бессмысленная. Неоконченная.

Он подумал про Ричгроув, про бабушку в лавке. Воочию увидел, как Хамуд и его тетка готовят пир в Иббе. Кто все это будет есть?

Он умрет совсем молодым. Эта мысль его потрясла. Двадцать шесть – это очень мало. Он подумал про Мириам. Джастина. Джереми. Джулиано. Все они будут жить дальше, нести это бремя – память о мертвом друге.

Грузовик мчался по городу. Хуже не будет, прикинул Мохтар, – можно попробовать. Рассказать свою историю этим людям. Больше у него за душой ничего нет.

– Хотите послушать мою историю? – спросил он Кожаного.

Тот фыркнул:

– Хорошо ее выучил? Уверен?

– *Иншалла*, – ответил Мохтар, – уверен.

Люди в кузове засмеялись.

И Мохтар рассказал – соткал историю кофейных фермеров Хаймы и Буры, поведал о том, как объединял их, обучал, надеялся доказать, что йеменский кофе достоин числиться среди лучшего кофе на планете. Весь мир пьет кофе, но кофе зародился здесь, сказал Мохтар. Этим нужно гордиться. Мир должен об этом знать. У нас есть шанс сделать кофе великим, показать всем, что у нас тут не только гражданская война, беспилотники и кат.

Когда он договорил, никто не произнес ни слова. Непонятно,

услышал ли Кожаный, услышал ли хоть кто-нибудь. Тут ветер взвыл, и они загрохотали по разбитой дороге, набирая скорость на пути к внезапному концу.

Глава 35
Ласковая рука

Грузовик остановился и закачался вправо-влево – это люди выпрыгивали из кузова. Кто-то – чья-то ласковая рука – взял Мохтара за локоть.

– Осторожнее, – сказал мужской голос. Дружелюбный голос, ласковый, как и рука, что ему помогала. – Слезайте.

Мохтар сошел на улицу.

– Вот сюда, – сказал ласковый голос.

Мохтар сообразил, что не умер и, возможно, не умрет. Этот новый голос – что это за новый ласковый голос? Возможно ли, что этот человек ласково ведет Мохтара на смерть? А Кожаный где?

– Вверх по лестнице, – сказал ласковый голос.

Мохтар взобрался по лестничному маршу, и его провели по коридору, а затем в дверь. Даже в повязке на глазах он почувствовал, как переменился свет. Вокруг темно. Мохтар вздрогнул от гнилостной вони. Воздух был густ и влажен от человеческого пота, запаха немытых людей, застоялой мочи и фекалий.

Повязку сняли, и Мохтар огляделся. Он очутился в тесной комнатушке с толпой грязных мужчин. За спиной закрылась стальная решетка. Мохтар попал в обезьянник отдела полиции.

К нему бросился Ахмед.

– Где Садек? – спросил Мохтар, но тут увидел, что и Садек здесь, у Ахмеда за плечом.

– Я с тобой ехал всю дорогу, – сказал Садек.

Он тоже был в фургоне.

Мохтар нащупал деньги под ремнем. Деньги на месте. За все это время его так никто и не досмотрел. Иначе нашли бы деньги как пить дать. У Мохтара по-прежнему к животу прикручены четыре тысячи долларов.

В обезьяннике сидели еще человек десять, все в обносках. Один спал на цементном полу, весь в человеческих испражнениях. Мужчины справляли нужду где попало. Дышать было нечем. От вони перехватывало горло, слезились глаза.

– А где мы? – шепотом спросил Мохтар.

– В КПЗ, – ответил Ахмед.

Высоко в стене было одно зарешеченное окошко.

Остальные мужчины были, похоже, давно и прочно не в себе.

Какие-то пациенты психбольницы из кошмаров. Мохтар вспомнил людей, которых видел на улицах Тендерлойна. В уголке камеры один человек задрал маааваз и присел. Под ним разлилась лужа мочи, ручеек потек к босым ступням Мохтара. Тот попятился и чуть не сбил с ног еще одного узника. Спросил, давно ли все эти люди тут. Узник был такой помятый, что Мохтар ожидал услышать в ответ: «Да уж который месяц», но тот сказал:

– Четыре дня.

«Что, и мы тоже через четыре дня такими станем? – подумал Мохтар. – Четыре дня назад они все были нормальные? Нет», – решил он. Они в тряпье, бубнят себе под нос. Народные комитеты, очевидно, перевезли их сюда, чтоб не путались под ногами во время боев. Иного объяснения нет. Со всего города собрали душевнобольных – обычно-то они ошиваются на улицах – и упрятали сюда ради их же безопасности.

– Я твою бабку отдеру! – завопил сиплый голос.

Кричал старик, босой и слюнявый, – и подобные соображения он потом выкрикивал еще час.

Мохтар нашел место у дальней стены и к ней прислонился. Ахмед подался к нему:

– Я больше не могу.

Глаза у Ахмеда были отчаянные.

– Успокойся, – сказал Мохтар. – Мы тут ничего поделать не можем. Зато мы хотя бы в безопасности.

Но Ахмед хотел на волю.

– Я твою бабку отдеру! – снова завопил старик.

Мохтар перешел поближе к двери камеры.

Он подслушал, как два надзирателя говорили про порт Мохи. У одного в Джибути была родня, и, судя по всему, между побережьями до сих пор курсировали суда – возили лук и скот из Мохи в Джибути.

– Я твою мамашу отдеру! И сеструху твою!

– Надзиратель! – взревел Ахмед. Чокнутый дед кричал громко, но у Ахмеда получилось громче. Самообладание его было на исходе. – Надзиратель! Надзиратель! Умоляю! Прошу вас!

Один относительно чистый заключенный подошел к Мохтару.

– Уже познакомился с Аммаром? – спросил он. И описал человека в кожаной куртке. – Повезло, что выжил. Видишь вон там кровь? – Он показал в темный угол. – Он там двоим головы отрубил.

Смотреть Мохтару не захотелось. И он не знал, стоит ли верить, – узник смахивал на самого здравого психа в этой камере.

– Надзиратель! – опять закричал Ахмед.

Мохтар с Садеком пытались его утихомирить, но без толку.

Ахмед больше не мог.

– Надзиратель! Надзиратель! Надзиратель! – выл он.

– Угомонись, – сказал Мохтар. – Иди к окну. Подыши.

Ахмед все орал:

– Надзиратель! Надзиратель!

– Идиот! Нас же прикончат! – прошептал Садек.

В конце концов к двери подошел молодой надзиратель. Ахмед кинулся к нему, потянулся сквозь решетку, обнял его колени. Изо всех сил постарался их поцеловать. В Йемене это традиционный жест мольбы.

За спиной у надзирателя возник другой человек – немолодой чиновник с длинной бородой. В маавазе и рубашке поло. Похоже, он пользовался авторитетом – здесь пока еще не попадалось более высокопоставленных лиц.

Мохтар подошел. С такой бородой старик почти наверняка религиозный – может, он оценит, какую школу Мохтар прошел в юности.

– Господин, – сказал Мохтар, – мне кажется, произошла ошибка. Нам не место среди этих людей. Я ученый человек. Я год провел в медресе.

Медресе Мохтар ненавидел всей душой весь год, но сейчас надеялся, что учеба принесет плоды.

– Откуда вы? – спросил чиновник.

– Из Ибба, – ответил Мохтар. – Я учился у ваших имамов.

Это распалило любопытство чиновника. Мохтар процитировал несколько стихов из Корана на классическом арабском. Выбирал он стихи, где речь шла о милосердии, гостеприимстве, обращении с пленными.

Бородатый старик обернулся к надзирателю:

– Этим людям здесь не место. Откройте дверь.

Ахмед поднялся на ноги. Садек подошел к двери. Надзиратель отпер замок, и бородатый повел их троих наверх, а один надзиратель поплелся следом. Пришли они в тесный кабинет – там стоял стол, а больше почти ничего не было.

Дверь открылась, и появилось знакомое лицо. Мохтар не сразу сообразил, где его видел. А потом вспомнил. Молодой человек в борцовке и шортах, которому понравилось лицо Мохтара. Увидев, что Мохтара арестовали, Борцовка разъярился:

– Что здесь происходит?

Бородатый пожал плечами. Навскидку не поймешь, каковы отношения между этими двоими. Бородатый минимум на пятнадцать лет старше, но Борцовка, похоже, выше рангом. Борцовка ревел и расхаживал туда-сюда – обращение с Мохтаром и его друзьями чуть не довело его до припадка.

– У меня слов никаких нет! – орал он. – Что эти люди здесь делают? Кто это разрешил?

Мохтар внимательно за ним наблюдал. Театральность этого гнева напоминала любительскую постановку «добрый коп / злой коп». Борцовка стучал кулаком по столу, стучал кулаком по стене.

В кабинет зашел еще один сотрудник. Чисто выбритый, седовласый. В нормальные времена он, пожалуй, был бы начальником отдела полиции. Теперь он, как и все в народном комитете, носил гражданское. Он заверил Мохтара, Ахмеда и Садека, что это все ошибка. Кожаный Аммар проявил самоуправство, сказал седовласый, и все трое могут идти.

Бородатый шагнул к Мохтару.

– Моя жена тоже из Ибба, – сказал он. – Сожалею, что так вышло.

Звали его Абдул Васр. Он оставил Мохтару свой номер телефона, пообещал помочь, если будет нужно. Вскоре все собрание смеялось над дикими событиями этого дня, над общим безумием. Мохтар сказал им про свою кофейную работу, а они сказали, что это потрясающе. Потом настало время уходить.

Как и после допроса на въезде в Аден, Мохтар вышел из плена добрым товарищем своих бывших тюремщиков. Уже стоя на пороге, он распространялся о том, чем может помочь их делу по части пиара. Могу переводить ваши обращения на английский, сказал он. Помогу создать аккаунты в «Твиттере», зарегистрироваться на «Фейсбуке» – могу курировать все ваши соцсети. Я из Сан-Франциско, говорил Мохтар, у меня куча знакомых в Кремниевой долине. Между тем Ахмед на полу целовал колени начальнику отдела полиции.

Глава 36
Шесть вооруженных людей в изножье кровати

Грузовик их, впрочем, остался возле пляжа. Поэтому Борцовка отвез их обратно на побережье – грузовик стоял на месте, и чемодан был по-прежнему пристегнут к платформе.

– Темнеет, – сказал Борцовка.

На дорогах под Аденом в темноте будет опасно. Борцовка предложил заночевать и уехать утром. Он знает надежное место.

Мохтар понимал, что это ошибка, что надо выметаться отсюда, пока можно, но день клонился к вечеру, а в глазах у Борцовки, который так драматично возражал против их поимки, читался намек на легкое недоверие к трио Мохтара. Умчаться в спешке будет подозрительно.

Они сели в грузовик, следом за Борцовкой доехали до гостиницы «Аль-Гадир» и припарковались у входа на совершенно вымершей улице.

Борцовка вылез из джипа и провел их в вестибюль. Он знал владельца – худого усатого человека за сорок.

– Позаботься об этих ребятах, – сказал Борцовка. – Это мои друзья.

Гостиница была дешевая и убогая. Все трое попрощались с Борцовкой и зашагали к лестнице.

– Ой, погодите, – сказал Борцовка. Все трое обернулись. – Поосторожнее сегодня. Тут есть люди – вот как те, которые вас забрали. – (Мохтар понял, что подразумевается Аммар.) – Они ночами ходят по городу, буянят. Вряд ли придут сегодня, но вы все же остерегитесь.

Мохтар, Садек и Ахмед вымотались и эмоционально выдохлись. Они рухнули на кровати, и постепенно Ахмед восстановил самообладание, утраченное в тюрьме. Мохтар лежал на постели, глядел в стену, и ему становилось все больше не по себе. Зря они остались в Адене.

А вот Садек вел себя так, будто в отпуск приехал. Захотел поменять номер, чтобы вид был получше.

– Ты серьезно? – спросил Мохтар.

– Тут же никого нет, – сказал Садек. – Номера с видом на океан наверняка свободны. Можно по номеру на каждого.

И думать забудь, посоветовал ему Мохтар. Садек надулся и ушел в душ.

– Ты как? – спросил Мохтар Ахмеда.

– Нормально, – сказал Ахмед. – Но я был уверен, что мы в этой камере сдохнем.

Из ванной вышел Садек. Белье у него было камуфляжное.

– Ты спятил? А ну снимай! – заорал Мохтар.

Вряд ли народному комитету представится случай увидеть белье Садека, но любая камуфляжная одежда намекает, что Садек связан с хуситами. Нельзя рисковать. Садек снял трусы, и Мохтар спрятал их за комод.

Про Садека он уже вообще ничего не понимал. Может, Садек и впрямь хуситский крот? Лучше не спрашивать.

Мохтар включил новости. Там показывали, как по всей стране наступают хуситы. Они стягивали силы поблизости, в нескольких милях от Адена. Ахмед громко вздохнул. Мохтар уснул под треск выстрелов из телевизора.

Он открыл глаза и увидел шеренгу теней. Два часа ночи, в номере шестеро незнакомцев. Все прячут лица под куфиями. У всех «калаши» и пальцы на спусковых крючках.

Мохтар разглядел, что большинство молоды. И не задумываясь произнес:

– Маса аль-хаир! (Добрый вечер!)

Словно гостей к ужину принимал. И угроза тотчас стала рассеиваться. Человек перед Мохтаром, кажется, улыбался. Мохтар разглядел морщинки вокруг глаз над куфией.

– В каком смысле «добрый вечер»? – спросил другой. Судя по всему, вожак.

Мохтар опять отвечал не задумываясь:

– А что тут скажешь? «Доброе утро»?

Ахмед и Садек смотрели на него в ужасе и восхищении. Его длинный язык их всех погубит. Но Мохтар был уверен, что все делает как надо, хоть и не понимал, что именно делает. Прежде ему не раз удавалось отболтаться – удастся и теперь. Пара человек уже улыбаются. «Калаши» – дурной знак, но прочие сигналы внушают надежду.

Вот куфии – добрый знак. Куфии означают, что их троицу эти люди считают хуситами и боятся показывать лица – думают, что им или их родным хуситы потом отомстят. Мохтар знал: по-

настоящему опасно, когда таким людям плевать, что ты знаешь их в лицо. Вот тогда тебе крышка.

Вожак спросил, что они делают в Адене. Мохтар ответил, что они пытались добраться до порта, сесть на греческое судно. «Греческий» по-арабски – «юнани», а Мохтар говорил быстро, и получилось похоже на «ирани» – как будто они искали иранское судно. Люди в куфиях напряглись. Иран поддержал хуситское восстание.

– *Какое-какое* судно? – переспросил вожак.

– Юнани, юнани, – ответил Мохтар. «Греческое, греческое».

И объяснил, что он американец, бизнесмен, торгует кофе, просто хочет выбраться из Йемена и вывезти кофейные образцы.

– Ты *гордишься*, что американец?

Тут Мохтар встревожился. *Кто* эти люди? Вроде смахивают на народный комитет, но может статься, что «Аль-Каида». В Йемене порой попадались странные союзы – в том числе неприятные пересечения между народными комитетами и АКАП.

– Давай сюда свой ноутбук, – сказал вожак.

Отдавать ноутбук – очень плохая мысль. В голове промелькнуло воспоминание – Майкл Ли, торговец «хондами». «Рули разговором».

– Ноут могу одолжить, – сказал Мохтар, – но к семи утра он мне понадобится.

Вот что сказал Мохтар отряду мужчин с закрытыми лицами и «калашами» наперевес. Потребовал свой ноутбук назад через пять часов, как будто в семь ему предстояла телеконференция, которую никак нельзя пропустить. Что самое странное, они согласились.

– Ладно, – сказал вожак. – И телефоны мы у вас тоже заберем.

Мохтар, Ахмед и Садек отдали телефоны. С телефонами и ноутбуком люди вышли из номера.

Ахмед встал и запер дверь.

– Это что за фигня была? – спросил он. – Ты им велел вернуть ноут к *семи*? Ты смерти нам всем хочешь?

В темноте они втроем порассуждали, что это за люди. Подумывали бежать, но выход был всего один, и его охраняла либо эта команда, либо народный комитет.

– Давайте спать, – сказал Мохтар.

Он устал, а интуиция, как ни странно, подсказывала, что вот сейчас он уснет, а в семь постучат в дверь и вооруженный человек принесет ему ноутбук.

Но они пришли в пять. Кто-то пихнул Мохтара в плечо. Он открыл глаза и увидел человека в куфии – тот принес ноутбук. Оставь на полу, сказал Мохтар. Человек так и сделал, и Мохтар

опять уснул.

Поутру он поднялся вместе с солнышком и открыл ноутбук. Все работало, вроде бы ничего не изменилось, только фон на экран поставили другой. Раньше была фотография горной деревни в Харазе, а теперь – флаер Мохтара с одного кофейного мероприятия, которое он проводил в Окленде. Судя по всему, поимщики больше ничего не тронули. Видимо, комитетчики не умели пользоваться «макинтошами», другого объяснения у Мохтара не нашлось. В Йемене ему ни разу не встречались люди, которые умели пользоваться «маками». А эти повозились с ноутом, но успели сделать только одно – поменять фон.

Мохтар сошел вниз. В вестибюле было темно. Выход закрыт рольставней. Их тут заперли. Человек за стойкой портье спал в кресле.

Со стойки Мохтар позвонил бородатому Абдулу Васру, который помог им выбраться из отдела полиции. Мохтар предположил, что Абдул Васр в курсе ситуации.

– Нам надо уехать, – сказал Мохтар. – Где наши телефоны?

Абдул говорил нервно.

– Ты один? – спросил он.

Мохтар подтвердил, что один.

– По поводу твоего друга Садека есть вопросы. Мы у него в телефоне нашли подозрительные имена. Вас хотели забрать еще ночью, но я их отговорил.

Абдул велел Мохтару никуда из гостиницы не выходить. Приехал через несколько минут и сообщил, что Мохтару телефон скоро вернут, а вот в телефоне Садека обнаружились номера высокопоставленных хуситов и коллаборационистов из йеменской армии. Народный комитет хочет забрать Садека и еще допросить. Мохтар заподозрил, что Садека собираются пытать.

Он вернулся в номер и поговорил с Садеком начистоту.

Тот и бровью не повел:

– Это родича моего телефон. Не знаю я никаких хуситов.

Мохтар спросил, почему у родича в телефоне номера хуситских и йеменских армейских генералов. Садек ответил, что у родича служба доставки и клиентов полным-полно – гостиницы, школы, военные базы всякие.

Мохтар ему поверил. Садек – не какой-то там революционер. Они вселились в гостиницу в зоне боевых действий, а Садек потребовал номер с видом.

Мохтар опять спустился в вестибюль и объяснил все это

Абдулу:

– Да какой из Садека хуситский оперативник? Вы же сами его видели, ну?

Абдул одолжил Мохтару свой телефон. Мохтар позвонил Али в Сану.

– Ты жив, – сказал Али. – Это хорошо. Эндрю уже разговаривает с девушкой. С Саммер.

– Саммер?

Али объяснил, и картинка у Мохтара постепенно сложилась. Ночью комитетчики изъяли у Мохтара телефон, а когда изучали содержимое, позвонил Эндрю. Пользоваться айфоном они не умели, хотели отключить звук, но нечаянно ответили на звонок и так оставили.

Эндрю прослушал часа два их разговоров. То, что он услышал, пугало: Мохтару и его друзьям грозила смертельная опасность. Всю ночь Эндрю и Али просидели на телефонах. Вышли на Саммер, позвонили ей, и она обзванивала всех подряд, пока не выяснила в конце концов, кто держит Мохтара и где.

– Все уже хорошо, – сказал ему Али. – У нас тут много кто подключился. Мы тебя вытащим. Родня Саммер знает в Адене вообще всех.

Воспарив в новой надежде, Мохтар вернулся в номер. Принял душ, постарался соскрести грязь со ступней – накануне он босиком топтался в грязной камере. Как будто год с тех пор прошел. Впервые за день оставшись один, он под плеск воды перебирал варианты. Садека подозревают в секретной работе на хуситов, в том, что проник в Аден с целью докладывать своему руководству о вражеских позициях и ресурсах. У аденских комитетчиков при виде любого чужака обостряется паранойя, и их можно понять, особенно если этот чужак – хусит, который видел их бастион в отделе полиции.

Непонятно, чему верить и что делать. Если Садек хусит, сможет ли Мохтар защищать его и дальше? Не пора ли от него дистанцироваться? А что Ахмед? Тоже замешан?

Садек забрал единственное полотенце, и вытираться Мохтару пришлось тканой душевой занавеской. Выйдя из ванной, он увидел Другого Мохтара. С которым пришли шестеро вооруженных людей.

– Мы вас отсюда вывозим, – сказал Другой Мохтар.

Другому Мохтару позвонила Саммер.

– Вам надо сию секунду уезжать из города, – сказал Другой Мохтар.

Почему этот человек так рискует ради Мохтара, Ахмеда и Садека – неясно. Однако уточнять им не с руки. Они почти свободны. И тут Мохтар открыл рот и вымолвил фразы, которые в эту минуту сочли абсурдными абсолютно все:

– Мои образцы. Они в черном чемодане. Я не могу уехать без них.

Другой Мохтар поморщился:

– Что-что?

Мохтар объяснил про свои кофейные зерна, про конференцию в Сиэтле.

– Это вся моя жизнь, – сказал он.

– Сидите здесь, – велел Другой Мохтар.

Он и шестеро вооруженных людей удалились.

– Ты серьезно? – спросил Ахмед. – Могли же уехать, вот прямо сейчас, а теперь нам тут торчать из-за твоих зерен?

Миновал час. Два часа.

Мохтар, Садек и Ахмед смотрели войну по телевизору. Они плохо представляли себе географию Адена, но по репортажам выходило, что бои идут повсюду. В новостях упомянули хуситов, и Мохтара осенило.

Он посмотрел на Садека:

– Тебя надо привести в порядок.

У Мохтара была лишняя сорочка – ее он выдал Садеку. Садек оделся. Перемена разительная, но этого мало. Мохтар отдал ему свои очки и поопрятнее его причесал.

– С ума сойти, – сказал Ахмед, глядя на Мохтара. – Вы с ним теперь на одно лицо.

Садек стал походить на международного бизнесмена – чистая голубая рубашка, очки, волосы аккуратно расчесаны на косой пробор. Один миг – и Мохтар почувствовал, как испаряется угроза. Почему он не сделал этого раньше, до выезда из Саны? Очень многие светлые идеи посещали его с опозданием, когда проку от них чуть.

В дверь загрохотали – словно гром прогремел.

Вернулся Другой Мохтар.

– Я нашел твой чемодан. Поехали.

Снаружи Мохтар увидел грузовик, чемодан на платформе.

– Мне надо к себе в гостиницу, – сказал Другой Мохтар, – но вот мой друг скатается с вами. – Он представил им человека по имени Рамси. – Спросят, кто вы, – скажете, что из водоочистной

компании и уже уезжаете.

Ахмед завел грузовик. Мохтар поблагодарил Другого Мохтара. Мохтар был обязан жизнью этому человеку, которого больше никогда не увидит. Грузовик тронулся.

До выезда из Адена им на пути попались три блокпоста, и на всех трех отболтался Рамси. Они высадили его в десяти милях за городской чертой. Дальше дороги были свободны. Девять часов без передышки они гнали в Сану и прибыли уже по темноте.

Глава 37
Порт Мохи

В доме Мохамеда и Кензы Мохтар прикидывал варианты. В тюрьме у народного комитета надзиратель говорил, что из Мохи в Джибути ходят грузовые суда – доставляют скот и людей. В интернете Мохтар прочел, что порт Мохи плюс-минус работает. Саудовцы то и дело его бомбят, в перерывах между бомбардировками хуситы дерутся за него с правительственными войсками, но морское сообщение остается регулярным.

Мохтар позвонил Эндрю.

– Ты хочешь плыть из *Мохи*? – переспросил тот.

– Доберемся до Джибути, оттуда самолетом в Аддис, – сказал Мохтар.

На сей раз Эндрю согласился. Поездка в Аден его не прельщала: Аден – зона активных боевых действий, и вдобавок Эндрю цеплялся за надежду, что подвернется более здравое решение – аэропорт откроют, например. Но аэропорт не открыли, а конференция в Сиэтле уже на носу. Конференция обеспечивала Эндрю львиную долю годичных продаж «Райян». Пропустить конференцию нельзя.

Мохтар позвонил в американское посольство в Джибути – ничего не ждал, но трубку снял живой человек. А вот гипотетически, спросил Мохтар, если два американца найдут способ пересечь Красное море и добраться до Джибути по воде, их примут в посольстве США, помогут вернуться в Америку?

Сотрудница посольства, дружелюбная женщина, чей прагматизм вселял бодрость духа, подтвердила, что так все и будет.

– Нас не отправят в лагерь беженцев какой-нибудь? – спросил Мохтар.

– Нет-нет, – ответила женщина. – Если доберетесь – поможем чем сможем.

Мохтар и Эндрю решили, что поедут в пятницу, после джума-намаза. Решили, что в священный для мусульман день насилия должно быть поменьше.

Ахмед снова согласился поехать – а ведь еле выбрался живым

из Адена всего два дня назад. Мохтар был тронут и благодарен. Еще неделю назад он этого Ахмеда толком и не знал, а теперь Ахмед снова рискует жизнью – и ради чего? Ради Мохтара, Эндрю и кофе?

– Все будет хорошо, – сказал ему Мохтар.

Через друзей в Сане он связался с неким Махмудом – тот знал расписание судов из Мохи. Махмуд заверил, что все устроил: их возьмут на борт и из Мохи вывезут.

– Никаких проблем, – сказал Махмуд.

Утром Ахмед явился к Мохтару на пикапе. Мохтар забросил чемоданы в кузов. Они заехали за Али и Эндрю. Эндрю спустился, одетый к пятничной молитве, надушенный одеколоном, с пятью чемоданами кофейных зерен и корзинкой кексов Дженнифер. Они тронулись в путь, и Эндрю показал Мохтару с Ахмедом видео на телефоне, свою дочь Райян – нарекли ее в честь кофейной фабрики. Девочке было два года, и на видео она рассуждала про клубнику.

– Вот обязательно надо было? – спросил Мохтар.

Он не хотел по дороге в Моху думать о дочери Эндрю. Хотел думать о прозаических вещах. Сиэтл. Кофейные зерна.

«До свидания, Сана», – думал Мохтар. Конечно, когда он вернется – невесть когда, – Сана никуда не денется, но не исключено, что город снова изменится до неузнаваемости. Не предугадаешь, как поступят саудовцы, как поступят хуситы. Йемен может превратиться в Сирию.

Они ехали на запад, через горы Хараз. Узкая дорога петляла, взбираясь на три тысячи метров над уровнем моря. Каждые десять-двадцать миль попадались блокпосты, но разговаривал Ахмед, и хуситы пропускали пикап без задержек.

Они добрались до Ходейды и свернули на шоссе, ведущее с севера на юг. За четыре часа дороги не столкнулись с препятствиями ни разу. Шоссе пролегало в двадцати милях от побережья, поперек высокогорного плато. В основном четырехполосное, блокпосты редки и работают споро. В Моху они прибыли под вечер.

Мохтар читал про Моху, назвал свою компанию в честь Мохи, история Мохи пленяла его годами. Но увидел он Моху впервые. Дорога в город была вся изрыта, вокруг теснились ветхие каменные дома – многие уже обезлюдели. Знаменитый порт некогда был одним из крупнейших в мире, но сейчас здесь осталось лишь тысяч пятнадцать обездоленных душ. Моха

переживала трудные времена.

Во всем городе работала только одна гостиница. Внутри царил хаос. В гостиницу набились все, кто хотел выбраться из Йемена через Моху, – эфиопы, эритрейцы, сомалийцы. Портье за стойкой требовал за номера впятеро больше, чем обычно. Ну а куда деваться? Они уплатили и пошли в номер.

Мохтар позвонил Махмуду, и тот сказал, что пристроит их на завтрашний рейс. В гостиницу Махмуд приехал через час и подтвердил, что они могут сесть на сомалийское грузовое судно, которое обычно возило в Моху скот, однако нынче переоборудовано и вывозит из Йемена людей. Завтра, сказал Махмуд, – или, может, в воскресенье, поправился он, – судно возьмет на борт сто пятьдесят человек и несколько тонн лука. Махмуд договорится, чтобы Мохтару и Эндрю нашлось место. Переход до Джибути – это часов пятнадцать или двадцать.

Эндрю встревожился. Завтрашний отъезд не гарантирован. Когда прибудут – непонятно. Расчеты не обещали ничего хорошего для обжарки. Если не уехать завтра, в субботу, на следующий день они не выберутся из Джибути, а значит, не попадут на вечерний десятичасовой рейс из Аддис-Абебы, а следовательно, прилетев в Штаты, не успеют обжарить кофе. После обжарки кофе нужно отдохнуть, иначе он не будет хорош, а если кофе не будет хорош, все это лишено смысла.

– Значит, выходим завтра, – сказал Мохтар.

Они поужинали в гостинице и рано вернулись в номер. Жуя кат, услышали, как к гостинице с ревом подкатили три дизельных автобуса. В окно увидели, как оттуда высадились десятки сомалийцев. Видимо, они завтра тоже будут на борту, заключил Мохтар. Все отчаянно рвались прочь из этого города.

– Можем с утра посмотреть мечеть аш-Шазили, – предложил Мохтар.

Он об этом думал весь день. Моха – духовная родина первого Монаха из Мохи, шейха Али ибн Омара аш-Шазили, человека, который первым сварил кофе, начал им торговать.

Эндрю посмотрел на Мохтара, как будто тот лишился ума:

– Мы не пойдем с утра в мечеть. Мы не в отпуске. Мы выметаемся отсюда.

Они проснулись на рассвете и позвонили Махмуду.

– У нас тут загвоздка, – сказал Махмуд, а остальное Мохтар уже понял и сам.

В Йемене ничего не бывает просто. Сказали, что посадят на

судно? Это было только начало разговора. Нельзя просто купить билет и взойти на борт. Махмуд сообщил, что топлива нет и сегодня судно из порта не выйдет.

– А когда выйдет? – спросил Мохтар.

– Трудно сказать.

Мохтар поинтересовался, есть ли другие варианты. Махмуд обронил, что есть невеликий шанс нанять, как он выразился, скоростной катер. На катере до Джибути – часов пять-шесть, сказал он. Мохтар вообразил катер, на каких ходят карибские наркодельцы.

– Я поразведаю, – сказал Махмуд.

Мохтар понял, что это значит. У него есть время.

Гидом ему был местный судья и историк Адель Фадх. Этот низенький, немолодой, кроткий человек завел Мохтара в мечеть – скромное здание, где кипел серьезный ремонт. Они прошли под строительными лесами; в высокие окна лился утренний свет. Мечеть построили в честь шейха Али ибн Омара аш-Шазили, и она вся вибрировала живым духом. Суфий аш-Шазили пошел в Харэр, взял в жены эфиопку и принес кофейное дерево – еще дикое, не культивированное – назад в Йемен. Здесь, в Мохе, он изобрел темный напиток, ныне известный как кофе. Местный фольклор гласит, что благодаря аш-Шазили город и воспарил к самым высотам кофейной торговли. Это аш-Шазили познакомил с кофе купцов, приезжавших в Моху, это он прославлял целебные свойства кофе.

Мечеть возвели пятьсот с лишним лет назад и ремонтировали много раз, объяснил Адель Фадх. Но сейчас на это совсем мало средств. Моха очень бедна, страна воюет – он боится за будущее мечети и всего города.

– Мы можем вернуть этому порту величие, – сказал Мохтар.

Если я выберусь из Йемена живым и когда-нибудь вновь приеду в Йемен, сказал он, я об этом позабочусь. Он понятия не имел, как сумеет выполнить это обещание, но хотел внушить судье хоть какое-то подобие надежды.

Адель, человек бесхитростный, внимательно слушал; Мохтар заметил, что и все рабочие в мечети тоже прислушиваются. Он заговорил о современном кофейном рынке, о популярности спешелти-сортов, о неминуемом торжестве йеменского кофе, о том, как Моха вновь расцветет.

У Мохтара зазвонил телефон. Звонил Махмуд. Он нашел лодку.

В гостинице выяснилось, что лодки Махмуд не нашел. Они покатались по городу, расспрашивая всех, кто встречался им на пути, нельзя ли арендовать рыбацкую лодку, или «зодиак», или хоть что-нибудь.

В конце концов Махмуд перезвонил. Он нашел лодку и капитана, который готов их доставить. Али привез их на берег. Капитан был молод, лет тридцати, а лодка крошечная, футов четырнадцать, плоскодонный ялик, вовсе не катер. Махмуд, оказывается, хотел сказать «стеклопластиковый», а не «скоростной». На спасительное судно жалко было смотреть – узкое, с низкой осадкой, с убогой навесной «ямахой» на корме. И ее опрокинет даже тунец.

– Вымокнем до костей, – отметил Эндрю.

Они снова забрались в пикап и поискали там брезент. Надо обернуть брезентом чемоданы и положить на дно, чтобы кофе не вымок. Уговорились, что Ахмед пока сходит к начальнику порта и поставит штампы в паспорта Мохтара и Эндрю.

Они разделились. Али отвез Эндрю с Мохтаром обратно в город, где они отыскали магазин, торговавший брезентом. Купили три куска и повернули обратно на пляж. Бензин, однако, заканчивался, и они заехали на бензоколонку. А сидя в пикапе, услышали треск стрельбы с берега, в какой-то миле от бензоколонки.

– Звони Ахмеду, – сказал Мохтар.

Эндрю позвонил. Телефон Ахмеда запиликал в пикапе. Ахмед его забыл. На стоянку ворвался Махмудов «форд-торэс». Махмуд выскочил из машины. В управлении порта стрельба, сообщил он. Они с Ахмедом ставили штампы в паспорта, и тут по охране управления начали стрелять хуситы. Или охрана управления – по хуситам. Короче, хаос. Махмуд и Ахмед друг друга потеряли.

Мохтар и Эндрю обмерли. Надо отыскать Ахмеда, но ехать на побережье – самоубийство. И Ахмеда там все равно нет. Наверняка он убежал.

– Гостиница, – сказал Мохтар.

Али гнал по широким улицам Мохи, и все в пикапе молчали. Мохтар не сомневался, что Ахмед погиб. Не может быть, что Ахмеду опять повезло. Кошмар в Адене он пережил благополучно, но сколько можно полагаться на удачу?

Эндрю заметил, какое у Мохтара лицо.

– Не дергайся, – сказал Эндрю. – Все с ним нормально.

Они подкатили к гостинице и выпрыгнули из машины.

Ахмед стоял в вестибюле, целый и невредимый.

– Эй, – сказал он.

Мохтар заключил его в объятия.

Ахмед засмеялся:

– Да все хорошо. Ерунда.

Мохтар отстранился и посмотрел на него. Считаные минуты назад он был убежден, что Ахмеда больше нет. А Ахмед жив, и у него их паспорта. Когда начали палить, он спрятал паспорта под рубашку, выскользнул из здания на стоянку, пробежал под перекрестным огнем, и тут мимо проехал мотоцикл. Ахмед затормозил его и попросил мотоциклиста подбросить до гостиницы.

А теперь он предъявил Мохтару и Эндрю паспорта, словно все это – простейшая бюрократическая процедура. Штампы он успел поставить до того, как начался бой.

– Вы лучше езжайте, – сказал он.

Они снова забрались в пикап Али и поехали на берег, но в сторону от управления порта. Ялик причалил поодаль от места боевых действий. На пляже их встретили двое полицейских, чьи идеологические симпатии – то ли за хуситов, то ли за правительство – остались неясны. Мохтар сунул им взятку, и можно было наконец выходить из Мохи.

Приглядевшись к ялику, Эндрю и Мохтар засмеялись. Эндрю вырос на озере в Луизиане – это плавсредство было меньше тех, на которых он выходил удить. Оно что, правда одолеет Красное море? Человек, которого они наняли, как будто не сомневался. Сказал, что ходил в Джибути много раз.

Второго мотора не было. Весло одно. Спасжилетов ноль. Может, где-то в Красном море шныряют саудовские корабли. Может, лодку на выходе из порта атакуют саудовские бомбардировщики. Или, может, там где-нибудь стоят корабли США – решат, что в лодке террористы, и ее подорвут. И вдобавок был шанс – пожалуй, побольше прочих, – что капитан продаст двух американцев сомалийским пиратам.

– Пора, – сказал Мохтар.

Они закатали чемоданы в брезент и положили на дно лодки. На двоих у них была сотня килограммов зеленых зерен. Пока капитан заводил мотор, Мохтар, Эндрю, Али и Ахмед прикидывали план на всякий пожарный случай.

Мохтар и Эндрю позвонят Али и Ахмеду, добравшись до Джибути, – ну, в течение суток. До их звонка Али и Ахмед

побудут в Мохе. Если Мохтар и Эндрю не позвонят, значит, что-то пошло наперекосяк – их, вероятно, продали пиратам. Тогда Али и Ахмед вольны похитить родственников капитана. В Йемене так принято.

На пляже все это обсуждалось серьезно, хотя и не без черного юмора. Чемоданы лежали в лодке, все было готово. Но пока готовили лодку и обсуждали всякие пожарные случаи, поблизости ошивались двое местных детей, мальчик и девочка. Обычное дело само по себе – местных детей всегда интересуют уходящие суда, – но тут эти дети запрыгнули в лодку.

– А это кто? – спросил Мохтар капитана.

Капитан объяснил, что это дети его друга. Он доставляет их к отцу в Джибути. Мохтар и Эндрю наспех прикинули, более или менее опасно их странствие, если с ними еще и дети.

– Двинули, – сказал Эндрю.

Они попрощались с Али и Ахмедом. Али, который ободрял Эндрю и Мохтара, разъясняя им обеспечительные меры и потенциальное возмездие за любой нанесенный им обоим ущерб, вдруг как-то поник:

– Так вы правда уезжаете?

– Нам надо в Сиэтл, – сказал Эндрю.

– Позвоните с лодки, – сказал Али.

Они помогли капитану столкнуть ялик на мелководье. Капитан забрался на борт и сел у подвесного мотора.

– Знаешь что? – сказал Мохтар. – Я в лодке никогда не был.

– Вот в такой лодке не был? – переспросил Эндрю.

– Ни в какой не был.

Мохтар вырос в Сан-Франциско – там океан и заливы, реки, эстуарии и озера. Он много лет провел в Йемене, где побережье раскинулось на тысячу двести миль. Он ходил в школу на Острове Сокровищ – на взаправдашнем острове. Но на борту плавсредства никогда не бывал. Всегда хотел, но паромы, и яхты, и парусные шлюпки, которые он видел в детстве, казались приветами из недоступного иного мира.

Впервые он окажется на воде в крошечном ялике, что уходит из Йемена посреди гражданской войны.

Мохтар шагнул в лодку, и они отчалили. Они увозили кофейные зерна из порта Мохи – впервые за восемьдесят лет.

Глава 38
Добро пожаловать в Джибути

Волны опрокидывали их на дно лодки. Они выпрямлялись, и смеялись, и крепче цеплялись за борта. Этой лодке, такой нелепой и неловкой, любая рябь грозила катастрофой. Вскоре они уже вымокли до нитки. И дети тоже. Дети жались друг к другу у миделя и за три часа не произнесли ни слова.

Когда берег позади исчез, Эндрю достал из рюкзака пакет ката.

– Серьезно? – спросил Мохтар.

Эндрю улыбнулся. Кат их успокоит. Кат превратит побег в простую экскурсию. Они пожевали – и жизнь как будто наладилась, и они ударились в философию, хотя им и приходилось перекрикивать рев воды и ветра. Миновал час, море унялось, кат действовал вовсю. И поскольку сияло солнце, а доверие к капитану росло с каждой милей, обоих охватило благодушие. Сидя на кофейных образцах, тоже прижавшись друг к другу посреди лодки, Мохтар и Эндрю погрузились в череду нелепых философских бесед, какие случаются только под катом – или, может, только в море, под катом, между войной и неведомым берегом.

Они говорили о Боге, Мохтар вдруг изрек:

– Верить, что к Богу ведет лишь один путь, значит ограничивать Бога, – и решил, что эта глубочайшая мысль изменит их жизнь навеки.

Они говорили и о практических материях – о кофе, о плантациях, фермерах, планах. Поскольку они считали, что пересекают Красное море благополучно, а сотни других людей хотели бы выехать из Йемена, да не могут, они составили план: если доберутся до Джибути, наймут лодку, скажем, пассажиров на двести пятьдесят, будут возить йеменцев, и американцев, и вообще всех через Красное море, делать работу, которую Госдепартамент США не мог делать или не желал. Назовут эту операцию «Арабская Моха». Они свято верили, что так все и будет.

Они шли на зюйд-зюйд-вест до самого Баб-эль-Мандебского

пролива – там, между Северным Джибути и Южным Йеменом, море сужается. В заливе поднялось волнение, ветер окреп. Следующий час они гадали, насколько еще можно промокнуть, сколько еще воды вытянет лодка, насколько вероятно, что их образцы будут отдавать морем.

Но потом показалось побережье Джибути, безлюдное и серое. В сгущающейся ночи они еще несколько часов шли вдоль берега. Изредка навстречу попадались рыбаки, порой в далекой вышине мигали огни самолетов. Ночь заполоняла небо, и лодка шла по черной воде. Первый местный порт, что им повстречался, – Обок, крошечный городишко на восточной оконечности джибутийского побережья, но высаживаться там они не планировали никоим образом. Там нет американского посольства – там вообще почти ничего нет. Незачем там причаливать.

Но капитан причаливал.

– Это на минуту, – сказал капитан.

Ему надо было высадить детей. Йеменские беженцы въезжают через Обок, пояснил он. Там поблизости лагерь беженцев ООН. Капитан высадит детей, и они отправятся дальше.

Но пахло жареным. Тендерлойнское чутье Мохтара посылало сигнал тревоги. Пять часов они привыкали доверять капитану – и вон оно что. Этого они и боялись – внезапных поворотов, непредвиденных перемен в планах. Капитан, однако, был невозмутим, и когда он направился к пристани, Мохтар и Эндрю смолчали. Мохтар рассчитывал, что пяти минут хватит: мальчик с девочкой вылезут, лодка отчалит.

Людей в форме он не ожидал. Но на пристани стояли двое, и капитан бросал им швартов.

– Что происходит? – спросил его Мохтар.

– Высаживаем детей, – ответил тот. – Не волнуйтесь.

Мужчины в форме жестом велели Мохтару и Эндрю тоже высадиться.

– А это еще кто? – прошептал Эндрю.

Мохтар понятия не имел. Береговая охрана? Местная полиция? Они носили голубой камуфляж и немецкие винтовки HK G3.

– Вы откуда? – спросил один.

– Из Йемена, – сказал капитан.

– А эти? – Офицер кивнул на Мохтара и Эндрю.

Капитан объяснил, что это американцы, заехали на минуту по дороге в столицу, где их ожидают в посольстве.

Тут офицеры очень заинтересовались.

– Вы на прошлых не похожи, – заметил один.

– То есть? – спросил Мохтар.

– На американцев, которые приезжали до вас. Их встречали американские чиновники. А вас почему никто не встречает?

– Потому что мы направляемся в Джибути, – сказал Мохтар. – Мы вообще не собирались высаживаться в Обоке.

– Пройдемте с нами, – сказал офицер. – Губернатор захочет с вами побеседовать.

Мрачные гипотезы пронеслись в голове у Мохтара. Тайные тюрьмы. Незаконные задержания. Может, тут секретная база ЦРУ. После 9/11 Джибути стало важным партнером США по антитеррористической работе. Отсюда запускали беспилотники, которые регулярно обстреливали Йемен, а подозреваемых в терроризме задерживали, допрашивали и пытали в Джибути годами. Мохтар радовался, что с ним Эндрю, белый американец. Такой человек не канет у них без следа.

Капитан выключил мотор, дети выбрались на пристань, а джибутийцы в форме приветствовали Мохтара и Эндрю широченными улыбками.

Мохтар глянул на Эндрю. Ничего хорошего ждать не приходилось. Но поскольку отказываться было куда опаснее, чем принять приглашение губернатора, Мохтар и Эндрю не стали роптать, люди в форме помогли обоим выбраться из лодки, а затем извлекли, открыли и обследовали их чемоданы.

Чемоданы, набитые пластиковыми пакетами. По виду наркота. Мохтару и Эндрю пришлось объяснять – образцы, кофе, график, им надо на лодку и в путь, у них конференция в Сиэтле.

Но теперь непохоже было, что они успеют. Их задерживали. Не агрессивно. Без особой даже угрозы – во всяком случае, пока что им никто не угрожал. Скорее смахивало на бестолковое иррациональное задержание, какие сплошь и рядом происходят в американских аэропортах, оттого что сотрудники служб безопасности чего-нибудь не понимают с ходу и не могут смириться с тем, что на свете бывает необычайное.

Мохтар и Эндрю очутились на заднем сиденье джипа, и везли их домой к губернатору – ну, так им сказали.

– Как думаешь – правда? – шепнул Эндрю.

– Не знаю, – ответил Мохтар.

Размышлял он о том, какая, если вдуматься, блистательная у джибутийцев тактика – сказать, что их везут к губернатору. Им

оказывают честь, это должно настроить их на благодушный лад. А где, интересно, капитан? А нет капитана. И детей нет. Шансы, что капитан договорился продать или передать их обоих джибутийцам, возросли. Дети – просто финт! Зловещие варианты по-прежнему роились у Мохтара в мозгу.

Джип подъехал к дому – вроде обычный дом. Не тюрьма. Офицеры выпустили их из машины и проводили до двери, а им навстречу вышел улыбчивый джибутиец в хаки и рубахе на пуговицах.

– Здравствуйте, здравствуйте, – сказал он и обернулся к помощнику. – Воды? Хотите воды? – спросил он и провел Мохтара и Эндрю внутрь.

Они выпили теплой воды из бутылок. В Обоке было градусов 110, духота страшная. Губернатор провел их в кабинет – с видом на море, просторный, обшитый деревянными панелями.

Спросил, как добрались, какие планы, и Мохтар с Эндрю рассказали, что надеялись попасть прямиком в столицу, а там сесть на первый же рейс до Аддис-Абебы.

– А, на него вы уже не успеете! – весело ответил губернатор.

Уже восемь, пояснил он, а морем до столицы несколько часов дороги. И кроме того, они должны много чего объяснить. Губернатор вынужден позвонить в столичное американское посольство, рассказать эту историю – непредвиденное появление двух американцев в йеменском платье.

– Переночуйте здесь, – сказал губернатор. – У нас очень приятная гостиница для туристов. Оставайтесь.

Ничего не попишешь. По крайней мере эту ночь они проведут платежеспособными пленниками джибутийских властей. Второй раз за неделю Мохтар оплачивал свое задержание из собственного кармана. Пусть американское посольство разрешит их двоих освободить, сказал губернатор, пускай приедет и их заберет. Затем он распрощался, посулив, что завтра они увидятся.

До столицы, до посольства, – шесть часов на машине, это Мохтар знал. Никакие посольские в Обок не поедут. И вообще, это какая-то ерунда – им всего-то и надо снова сесть в лодку и за два часа добраться до столицы по воде.

Охранники отвели Мохтара и Эндрю в гостиницу – к саманным домикам на утесе над океаном. Подождали, пока пленники регистрировались. Едва те уплатили американскими долларами, охранники удалились.

Обстановка в номерах была убогая. Койка, тумбочка,

потолочный вентилятор. Номер не охраняли. Если придет охота дразнить джибутийские власти, можно уйти, отыскать дорогу, попробовать доехать до столицы автостопом. Или рискнуть по воде. Найти капитана. Улизнуть морем.

Нет, не получится. Слишком много неизвестных величин. На берегу, скорее всего, дежурит охрана в камуфляже. Город потемнел и опустел. На улицах ни машин, ни людей. Разоренный городишко, гнетущая атмосфера. В таких вот городах и пропадают люди.

Эндрю включил телефон – оказалось, связь есть. Он позвонил Дженнифер и сообщил, где он. Дженнифер отыскала номер американского посольства в Джибути. Эндрю позвонил и с обаятельной южной оттяжечкой поведал сотруднице посольства, что произошло. Та пообещала ему гостеприимство и безопасный проезд, едва они попадут в столицу.

Что ж, оставалось только ждать утра.

Завтрак в крошечном гостиничном ресторане складывался в нелепую живую картину. Группа армейских офицеров со всей Северной Африки. Итальянское семейство – родители (вероятно, гуманитарные работники) перешептывались, их дитя смотрело мультики на айпаде. Страннее всего был целый стол монахинь, которые мило беседовали и, похоже, радовались, что попали в Джибути, где температура воздуха доползла до 115 градусов. Мохтар и Эндрю ели в отупелом молчании.

Затем они на такси отправились в офис губернатора, где охранники поведали им, что из Обока до столицы можно добраться регулярным рейсом парома.

– Когда уходит паром? – спросил Мохтар.

Охранники не знали наверняка. Часто бывает, что в половине первого, ответили они. Но это не точно. Вообще-то, сказали они, сегодня паром может и не уйти.

Эндрю запсиховал и напомнил Мохтару, что у них, между прочим, график. Надо доехать, обжарить зерна, дать им отдохнуть. Вдвоем они напустились на офицеров. Эндрю играл капризного американца, Мохтар говорил примирительно. Не помогло – тогда они поменялись ролями и пошли в атаку снова. В конце концов стало ясно, что офицеры ни в коем случае не могут разрешить двум американцам сесть в первую попавшуюся лодку и добраться до столицы. Там станут задавать вопросы – а вдруг американцы расскажут, что было в Обоке?

Их поимщики нервничали. Они не проставили американцам

визы – у них не было таких полномочий, Обок ведь не официальный порт въезда, – но в то же время отпустить этих двоих плыть дальше было никак невозможно.

Все упиралось в средство передвижения: Мохтара и Эндрю не пустят в лодку, вообще ни в какую лодку. Ладно, сказали они, мы арендуем машину, наймем водителя, и он отвезет нас в столицу. Это офицеров устроило, и вскоре Мохтар с Эндрю нашли джип, договорились с шофером, погрузили свои образцы и тронулись в путь.

Температура повысилась до 120 градусов, а влажность была такая, что казалось жарче вдвойне. Дорога заняла шесть часов, и в машине их сидело четверо – с ними увязался джибутийский офицер младшего состава, несомненно предвкушавший взятку по прибытии в город.

Они держали путь средь безлюдных пейзажей, до красноты обожженных засухой и неослабной жарой. Они ехали вдоль джибутийского побережья, а порой сворачивали прочь от моря и катили через вади, по ржаво-рыжим долинам. В дороге Мохтар и Эндрю по-английски обсуждали всевозможные варианты развития событий и нештатные ситуации. Пусть их только доставят к американскому посольству, тогда все проблемы – и взятка, и этот севший им на хвост незваный тип – сразу отпадут.

Но до посольства еще надо добраться. Всю дорогу они гадали, что будет: неужели все так просто, неужели их довезут до столицы и на том все кончится? Что помешает джибутийскому офицеру велеть шоферу сделать крюк, завернуть куда-нибудь и там потребовать мзду? По пути им встречались блокпосты. Джибутийское правительство пыталось контролировать волну беженцев из Йемена. На первых двух блокпостах все прошло как по маслу. На третьем офицера и шофера допросили, а у Эндрю и Мохтара потребовали паспорта. В конце концов их пропустили. Лишь ближе к вечеру они подъехали к Джибути – пыльному городу на 529 тысяч человек, раздавленному нестерпимой жарищей, что держала под пятой всю страну.

Мохтар и Эндрю зря рассчитывали, что их отвезут к посольству, – их доставили в отдел полиции, где молодой офицер в стильном гражданском костюме – этот щеголь смахивал скорее на модель, чем на полицейского, – допросил их по одному: зачем приехали, как попали в Джибути. Пока Мохтар давал объяснение, Эндрю позвонил в посольство США и поговорил с той же сотрудницей, что беседовала с ним накануне. Кэрол. Та

пообещала кого-нибудь за ними прислать.

Когда с объяснениями было покончено, щеголь сказал, что они могут идти. Офицер из Обока возражал. Он так и торчал в приемной. Он требовал двести долларов, но не мог внятно сформулировать за что. За то, что я проводил их до столицы, сказал он. Мохтар и Эндрю только отмахнулись; тогда он сказал, что это официальный сбор за их прибытие в Обок. Тоже не помогло, и тогда он пригрозил им арестом прямо в отделе полиции.

– Помогите, а? – попросил Мохтар щеголя.

Тот вмешался и отправил офицера подобру-поздорову.

– Прямо жалко его, – заметил Мохтар.

Прибыла сотрудница посольства. Американская джибутийка из Вашингтона, округ Колумбия, и была она так дружелюбна и компетентна, что Мохтар и Эндрю чуть не бросились ей на шею. Мохтар тем не менее решил, что пусть лучше с ней разговаривает луизианец, а сам помалкивал: он опасался, что шанс оказаться задержанным и отправиться в Гуантанамо если и невелик, то все же не равен нулю.

Однако сотрудница посольства привезла их к турагенту и нашла рейс, который доставит их в США как раз к конференции Американской ассоциации спешелти-кофе. Из Джибути самолет вылетал в три часа ночи.

Погранконтроль в аэропорту опешил. Мохтар и Эндрю не получали джибутийских виз, у них в паспортах не было штампов. Без штампа о въезде, сказали пограничники, мы не можем поставить вам штамп о выезде. Затем их посетил редкий проблеск прагматизма среди ночи – они решили просто пустить Мохтара и Эндрю на самолет. Вообще без штампов. Как будто оба вовсе не бывали в Джибути.

Книга V

Глава 39
Возвращение в «Инфинити»

В США их встретил чистой воды цирк. В аэропорту Сан-Франциско к Мохтару ринулись телекамеры. Он дал интервью местным новостям, Эн-пи-ар и «Аль-Джазире». Переночевал дома, с ошарашенной и благодарной семьей, а назавтра улетел в Сиэтл, где с невероятным успехом прошла конференция Американской ассоциации спешелти-кофе. Мохтар прочел там доклад, зал устроил ему стоячую овацию, Мохтар и Эндрю на одном стенде представили миру спешелти-кофе из Йемена. В такси по дороге в аэропорт Мохтар услышал по радио собственный голос. Это он давал интервью Би-би-си.

– Парень совсем больной, – высказался таксист, не сообразив, что больной парень сидит у него в машине.

Садясь в лодку, Мохтар и Эндрю не вполне постигали, как это воспримут в Америке. Они наняли ялик, вышли из Мохи под огнем и пересекли Красное море – потому что не хотели пропустить кофейную выставку.

Половина местных друзей Мохтара минимум несколько часов считали, что он погиб. В день его побега минометным снарядом был убит Джамаль аль-Лабани – тоже американский йеменец и тоже из района залива Сан-Франциско. Пока не обнародовали имя погибшего, знакомые Мохтара из обрывков информации, между ними рикошетивших, сделали страшный вывод, что случилось худшее.

После конференции, уже в Сан-Франциско, с Мохтаром встретились Мириам, Джастин и Джулиано; все отметили, как хорошо он держит себя в руках – и не догадаешься, что бежал от войны. Сообщество американских арабов, правозащитные организации американских мусульман, кофейные деятели – все хотели поговорить с Мохтаром. Но в конце концов шумиха улеглась и можно было вернуться к работе. Мохтар отправился в «Голубую бутылку». Джеймс Фримен уже слышал его историю, а теперь попробовал образцы из Хаймы. Присудил им больше 90 баллов.

– Сколько сможешь поставить? – спросил он.

– Контейнер. Восемнадцать тысяч кило, – ответил Мохтар.

После паузы Фримен сказал:

– Пожалуй, этого не хватит.

Он хотел скупить все.

Арифметика складывалась абсурдная. Если Мохтар сможет продать обжарщикам спешелти-кофе контейнер йеменских зерен, маржа будет велика. Его фермеры получат на тридцать процентов больше, чем прежде.

Но нужны деньги. Еще целая куча денег.

Мохтар спросил Ибрагима, нет ли у того идей. Ибрагим насоставлял списков. В американо-йеменском сообществе они всех выжали досуха. Надо искать где-то еще.

Как-то раз в Миссии Мохтар поделился всем этим с Мириам. Та просто радовалась, что Мохтар жив, – в конце концов, это же она подучила его заняться кофе, отчего Мохтар поехал в Йемен и там чуть не погиб. А теперь хочет денег, опять на кофе, – очевидно, чтобы снова поехать в Йемен и там чуть не погибнуть.

Они сидели в «Ричуал кофе ростерз», кафе на Валенсия-стрит, дискутировали – Йемен, йеменские беды, йеменский кофе, – и тут их разговором заинтересовалась женщина за соседним столом. Высокая худая блондинка. Звали ее Стефани.

– Зайдите ко мне на работу, – сказала она.

Мохтар не понял, при чем тут ее работа. Стефани объяснила, что работает в инвестиционной венчурной компании «Отцы-основатели». Интересно.

Мохтар позвонил Ибрагиму.

– «Отцы-основатели». Прекрасное имя для венчурной компании, – похвалил Ибрагим.

Но они глянули в интернете и обнаружили, что венчурной компании «Отцы-основатели» не существует. Отыскали фейсбук Стефани.

– Мама родная, – сказал Ибрагим. – Она работает в «Фаундерз-фонде».

– Это хорошо? – не понял Мохтар.

Ибрагим его просветил. «Фаундерз-фонд» – «Фонд основателей» – на ранних этапах вкладывался в «Фейсбук», «Эйрбнб» и «Лифт». Ворочают миллиардами. Их одобрение воплощает в реальность любую расплывчатую идею. Мохтар и Ибрагим сообщили Стефани, что с радостью придут к ней на работу.

Однако, отметили они, основал «Фаундерз» человек по имени Питер Тиль – вот только что он был во всех новостях, поскольку выступил на Национальном съезде Республиканской партии, выразил горячую поддержку Дональду Дж. Трампу.

– Пока что думать об этом не будем, сейчас не до того, – решил Мохтар.

В «Фаундерз» полно прогрессивных людей, в том числе есть

партнер, с которым Стефани и посоветовала им встретиться. Некто Сайен Бэнистер. Они поинтересовались в интернете. Выяснили, что Сайен Бэнистер – известный бизнес-ангел, очень рано сделавший ставку на «Спейс Х» и «Убер». И вдобавок гендерквир.

– Можем пойти, – сказал Мохтар.

Политические склонности Сайен Бэнистер, рассудили они, уравновесят идеологию Тиля. Тиль, правда, гей. Все это очень сложно.

Офис «Фаундерз» находился в Пресидио, на территории бывшей военной базы на северном берегу Сан-Франциско, в здании, которое перестраивал Джордж Лукас. В вестибюле стояла фигура Дарта Вейдера в человеческий рост.

– Джеймс Фримен говорит, ваш кофе на вкус – точно ангелы поют, – сказала Сайен.

Она была очень любезна, проявила интерес и хорошо подготовилась к встрече. Спешелти-кофе приносит серьезные деньги, это она знала, и вдобавок в Мохтара поверила «Голубая бутылка» – это внушало оптимизм. Но, сказала Сайен, «Фаундерз-фонд» не может выступить ведущим инвестором. Компания не подключается активно на ранних этапах.

– Ведущий инвестор у нас есть, – сказал Ибрагим.

Строго говоря, это была не совсем правда, но если заручиться обещанием поддержки от «Фаундерз-фонда», подумал Ибрагим, удастся привлечь другую венчурную компанию, дубайскую «Эндьюр кэпитал», которой управлял друг Ибрагима, египтянин Тарек Фахим.

В тот день они ушли из Пресидио с невероятным планом, который спустя несколько месяцев осуществился. Ссылаясь на обещания «Фаундерз», они привлекли «Эндьюр». Ссылаясь на обязательства «Эндьюр», они привлекли средства еще одной фирмы, «500 Стартапс». Внезапно они обернулись совершенно реальной компанией. Им было чем заплатить за импорт кофе в США. Было чем заплатить фермерам. И было чем заплатить самим себе.

Мохтара посетила свежая идея. Теперь он, пожалуй, сможет себе позволить отдельное жилье. Пока что он по-прежнему спал на полу в родительском доме в Аламеде (они опять переехали), рядом с Валлидом, чей храп шел вразрез со всеми правилами приличия и был худшим недругом ночного покоя.

У Мохтара был один друг, а у того была подруга по имени Хомера, риелтор, и Мохтар посмотрел, какие квартиры она выставляет онлайн. Посмеялся. С первого взгляда стало ясно, что на аренду двухкомнатной квартиры в Сан-Франциско денег у него не найдется. Но из угрюмого любопытства он еще полистал и остановился, увидев квартиру в «Инфинити». Фотографии поражали воображение. Виды на Залив, на весь центр города, Беркли, Окленд, Бэй-бридж, остров Эйнджел, Марин. За все время, что Мохтар проработал в «Инфинити», в квартирах он никогда не бывал. Временами приносил посылки, помогал жильцам носить вещи в лифты и из лифтов, доставлял к дверям еду навынос – но в квартиры его никогда не приглашали.

Ежемесячная плата – какой-то бред. Ничего подобного Мохтар себе позволить не мог. Но раз уж заморочился, посмотрел на «Крейгслисте». И опять увидел жилье в «Инфинити» – на сей раз кто-то подыскивал соседа в трехкомнатную квартиру. Прикинув, что срочно сдающаяся комната может оказаться подешевле, Мохтар написал по указанному адресу – мол, занимается кофе, интересуется квартирой.

Ответ пришел от человека по имени Шагун. Мохтар посмотрел на «Фейсбуке» – Шагун оказалась женщиной. Очень красивой американской индианкой, учится на медицинском. Ясно, что жить с ней в одной квартире Мохтару нельзя – ему нельзя жить в одной квартире с любой женщиной, на которой он не женат, родителей удар хватит, – но встретиться и посмотреть квартиру не помешает.

Впервые после увольнения он вернулся в «Инфинити». Оделся как Руперт и нарочно опоздал на пару минут. Не хотел топтаться в вестибюле – вдруг за стойкой работает знакомый? Шагун ни к чему знать, что Мохтар прежде был консьержем.

Она появилась – такая красавица, что жить с ней в одной квартире никак невозможно, так что Мохтар напрочь отмел порыв все-таки нарушить йеменские обычаи. А в вестибюле был другой жилец – пожилой белый человек, финансовый управляющий по имени Джим Стоффер. Мохтар сто раз открывал мистеру Стофферу двери, получал и сортировал его посылки. Мохтар поймал его взгляд и решил, что сейчас Стоффер подойдет, спросит, почему Мохтар вернулся, как у него дела. Мохтара вот-вот раскроют, и он с этим уже смирился.

Но мистер Стоффер склонил голову набок, словно по близорукости не понял, что́ видит, отвернулся и ушел восвояси. То ли не вспомнил имени Мохтара, то ли вообще не узнал.

Вскоре Мохтар оказался с Шагун в лифте и поднимался на двадцать третий этаж «Инфинити». Шагун объясняла, что учится на медицинском факультете, подыскивает соседа, который работает, чистоплотен, не будет отвлекать – она не сказала этого прямым текстом, но Мохтар понял. Таким вот профессионалам он открывал двери. Он все понимал.

Квартира была точно с картинок из буклетов. Повсюду свет. Повсюду синева. Город, городское стекло – все лилось в эту квартиру. В этой комнате приходилось радикально перестраивать чувство равновесия. Будто стоишь на крыле самолета.

Они сели, и теперь Шагун мягко задавала вопросы, которые, надо полагать, возникли у нее еще в вестибюле, едва она пожала руку Мохтару. Как человек ваших лет, занимающийся кофе, может себе позволить такую квартиру? Вы что, наследник бахрейнского состояния?

Мохтар рассказал о Йемене, о том, как уворачивался от бомб и хуситов, вывозя из страны кофейные образцы. О своих фермерах, о том, что через несколько месяцев, если будет на то воля Аллаха, он привезет из Йемена в Окленд целый контейнер прекраснейшего в мире кофе. И он хочет быть в «Инфинити» и смотреть на Залив, когда придет судно с этим контейнером.

– Кроме того, я раньше здесь работал, – прибавил он.

– В продажах? – спросила Шагун.

Она усомнилась, что он был консьержем. Он накидал полдесятка имен вестибюльных представителей – кое с кем Шагун, вероятно, сталкивалась, – и в конце концов она поверила. Мохтар знал, что не сможет жить в одной квартире с ней, одинокой женщиной, но теперь в нем заворочался голод. Он должен поселиться в «Инфинити» – доказать, что может.

Через две недели он нашел другое объявление – тоже подсъем в Башне Б. Как выяснилось, какой-то Мэтт снимал квартиру с каким-то Джеффом, у которого была аналитическая фирма в Беркли. Мэтту пришлось уехать в Огайо по работе, но он хотел сохранить квартиру за собой, поэтому сдавал свою комнату. Предыдущим съемщиком был русский студент-экономист, который сейчас съезжал.

Съемная комната стоила больше, чем Мохтар тратил в Штатах на что бы то ни было. Но ему чудилась картина. На этой

картине он, Мохтар Альханшали, жил на тридцатом этаже – или на каком там этаже обитают Джефф и Мэтт, – стоял на балконе со всеми родными и близкими и смотрел, как в порт заходит судно с его кофе.

Мохтар позвонил Мэтту, и Мэтт решил, что Мохтар – вроде бы достойный преемник русского олигарха. Пусть только Мохтар встретится с Джеффом – последнее слово за ним. Мохтар прошел через вестибюль, не узнав никого за стойкой, и шагнул в лифт. На тридцать третьем этаже Джефф – высокий белый человек за сорок – открыл дверь. Предложил Мохтару вина. Мохтар отказался. Джефф налил бокал себе, они поговорили о русском студенте, о своем рабочем распорядке, и всю дорогу Джеффа явно подмывало задать тот же вопрос, что возник у Шагун. Ты что, саудовский принц? Когда Мохтар сказал, что занимается кофе, Джефф решил, что Мохтар бариста. В конце концов Мохтар заметил на кухонном столе дорогую ручную кофемолку и сумел вплести в разговор «Голубую бутылку». Этого оказалось довольно. Джефф ходил в «Голубую бутылку» каждый день. Он предложил Мохтару комнату, а Мохтар, вопреки всем своим фискальным обязательствам, согласился.

Стивен предложил помочь с переездом, но таскать почти ничего не пришлось. Вещей набралось на один чемодан и два мусорных мешка. Они припарковались за углом и внесли все земное имущество Мохтара в вестибюль Башни Б «Инфинити».

За стойкой работал молодой человек по имени Джонатан. Звонил телефон, в вестибюле царила суматоха. Джонатан должен был отдать Мохтару оставленный Джеффом ключ, но куда-то его задевал. Мохтар и Стивен сидели на кожаных диванах и ждали.

– С тобой все нормально? – спросил Стивен.

– Порядок. А что? – спросил Мохтар.

– Ты все время встаешь и открываешь людям двери.

Мохтар уже раз шесть вскакивал и садился. Ничего не мог с собой поделать.

– Извини, – сказал он. – Привычка – вторая натура.

– Ты здесь больше не работаешь, – напомнил Стивен.

– Я знаю. Я знаю, – ответил Мохтар.

Спустя неделю Мохтар ехал через Бэй-Бридж в Сан-Франциско. Город сиял, как хрустальная люстра. На

пассажирском сиденье расположился отец Мохтара, на заднем – мать. Они только что поужинали – Мохтар угощал.

– Вы помните «Инфинити», где я раньше работал? – спросил он.

Они помнили.

– У них сегодня день открытых дверей. Хотите пойти?

У его родителей в башнях «Инфинити» работали двое сыновей – любопытно, конечно, заглянуть внутрь. Но день будний, восемь вечера. С чего бы в такое время устраивать день открытых дверей?

Других гостей в вестибюле не было. Ничто не указывало на день открытых дверей. Только бы родители заподозрили, что дело неладно, еще чуть попозже. В лифте Мохтар нажал «33». Он устроил так, чтобы Джеффа сейчас дома не было. Мохтар сунул ключ в дверь, открыл. Как обычно, за окнами бурлил Сан-Франциско, и в полированных полах канделябрами отражался центр города.

– Тут никого нет, – отметила мать.

Мохтар подвел ее к балкону, и они вдохнули воздух Залива и неба в вышине; отец остался в дверях.

– Он боится высоты, – пояснила мать. – Ты не знал?

Мохтар не знал. Они никогда не бывали выше третьего этажа, выше старой квартиры в Тендерлойне.

Мохтар завел мать обратно в квартиру, где отец уже увидел фотографии. Мохтар выставил на кофейный столик фотографии родителей в рамочках.

– А это здесь почему? – спросила мать.

– Мам, пап, вы сядьте, – сказал Мохтар.

Они сели.

– У меня теперь все очень хорошо, – сказал Мохтар. – Я много работаю, моя компания преуспевает. Я хочу, чтобы вы мною гордились, и я хочу вам помогать.

Он рассказал им про свой кофе, про заказы, про судно, которое скоро придет.

– Это так прекрасно, Мохтар, – сказала мать. – Но я все равно не понимаю, почему здесь наши портреты.

– Мам, – ответил Мохтар, – потому что здесь я живу.

Глава 40
Кофе на воде

Обстановка в Йемене ухудшалась. Из страны не вывозили практически ничего. Из портов импортировали в основном самое необходимое. Лекарств не найти, большая часть Йемена страдала от нехватки продовольствия. По оценке ООН, страна находилась на грани голода. Экспорт спешелти-кофе зарубежным обжарщикам ни у кого не числился в приоритетах.

Но Мохтар велел своим фермерам собирать урожаи. Вдова Варда, Генерал и остальные фермеры Хаймы по-прежнему работали – их регион война почти не затронула – и поставляли красные ягоды на склад Мохтара в Сану. Сортировщицы каждый день приходили в цех. Поскольку авианалеты продолжались, цех питался электричеством только от собственных дизельных генераторов.

Мохтар звонил каждый день, в четыре утра по калифорнийскому времени. Разговаривал с Эндрю и Али, удостоверялся, что все живы-здоровы, решал финансовые и логистические вопросы. Проблемы так и сыпались. В один прекрасный день сортировщица не смогла выйти на работу, потому что саудовская бомба разворотила дорогу, по которой женщина добиралась до цеха. На мужа другой сортировщицы давили, чтобы он перешел к хуситам, и супругам пришлось прятаться.

Да еще эти мешки «ГрейнПро». То, что Мохтару понадобились мешки, – это было хорошо. Кофейных зерен хватало, чтобы набить контейнер. Но нельзя перевозить зерна по морю, запихнув в традиционную мешковину. Если Мохтар хочет сразу показать, что кофе у него особенный, лучше прочих, начинать надо с упаковки, чтобы кофе не пах морем, судовым трюмом и тем, что в этом трюме везут или возили прежде.

Мешки «ГрейнПро» – промышленный стандарт: толстые пластиковые мешки, не пропускают влагу наружу, а чуждый элемент внутрь. В США и почти любом другом регионе мира добыть мешки «ГрейнПро» можно запросто – позвонил по телефону и дождался курьера UPS. Но доставить мешки в Йемен посреди войны – это за гранью разумного.

Мохтар умудрился доставить тысячу двести мешков в Эфиопию. Это заняло две недели. И никто не мог доставить их из

Эфиопии в Йемен. Мохтар звонил в Джибути и в итоге нашел грузовое судно, которое курсировало между столицей Джибути и Мохой. Это заняло еще шесть недель. Прошло в общей сложности два месяца, прежде чем ему удалось доставить мешки в Сану. Там сортированный кофе аккуратно уложили в тщательно помеченные мешки. Запечатанные мешки отвезли в порт Адена – и они готовы были отправиться в Окленд.

Временами трудно было относиться к этой истории серьезно. В Йемене гибли люди. Страна рассыпалась, а Мохтар в своем сан-францисском небоскребе каждый день вставал в четыре утра, звонил в Сану и говорил о кофе. О том, когда контейнер выдвинется из Йемена.

Но на кону стояло много денег. Деньги Омара. Деньги инвесторов. Деньги Хубайши. Не говоря уж о том, что в Мохтара верили его фермеры, что надо было подумать об их сборщиках и обработчиках. И вдобавок Мохтар быстро обзавелся сотрудниками в Сан-Франциско. Старого друга Ибрагима Ахмеда Ибрагима он нанял финансовым директором. (Жена Ибрагима Сальва поддерживала их как могла, если учесть, что у четы был ребенок пятнадцати месяцев, а отец этого ребенка взял и бросил высокооплачиваемую работу в «Интуите», ушел к Мохтару, у которого и опыта толком нет, не считая торговли рубашками и «хондами».) Мохтар взял Джоди и Марли из «Бота» директорами по контролю качества, а еще одного старого друга Джереми – своим помощником.

Всего этого не сохранить, если кофе не выйдет из порта. Сидя по своим квартирам, Стивен и Мохтар созванивались по десять раз на дню. Они работали с судоходной компанией «Атлас», и владелец компании Крейг Холт заинтересовался Мохтаровой миссией лично. Не один месяц он пытался одолеть эту проблему – как вывезти кофе из Йемена. В конце декабря Холт сообщил, что контейнер Мохтара возьмут в канун Нового года.

1 января 2016 года кофе оказался на воде. Контейнеровоз назывался «Ребекка».

Глава 41
«Лючиана»

В Джидде контейнер перенесли с «Ребекки» на судно покрупнее, контейнеровоз «Лючиана», и эта «Лючиана» дошла из Джидды до Сингапура, а затем до Лонг-Бич. Рейс занял почти два месяца. В итоге под конец февраля Холт сообщил Мохтару, что его кофе прибыл в Штаты и проходит таможню в Лонг-Бич. По оценкам Холта, самое раннее, когда контейнер окажется в Окленде, – суббота, 25 февраля.

Мохтар позвонил родителям, и Стивену, и Ибрагиму, написал Мириам и Гассану, Джулиано и Джастину. Сообщил всем. «Приходите посмотреть, как мой кофе заходит в порт», – писал он. Он планировал праздник на балконе «Инфинити», чтобы пришли все – все, кого он любил, и посмотрели, как прибывает его судно. Нужно закупить газированный сидр. Безалкогольное шампанское. Газировку, сыр, крекеры, соус. Надо сходить в магазин.

Впрочем, нет гарантий, что кофе прибудет в субботу. Не угадаешь, сколько судно простоит в порту, сколько будут инспектировать каждый контейнер – и тем более контейнер из Йемена.

В четверг Мохтар лег спать и проснулся, чтобы позвонить в Йемен. Распорядок у него не менялся: в три или четыре утра, когда в Йемене день, он звонил в Йемен, разговаривал с Али и Нуридином. В то утро новости были печальные. Мирные переговоры зашли в тупик. В сортировочном цеху нет электричества, женщины боятся потерять работу. Мохтар тоже за них боялся. До ближайшего урожая еще не один месяц, сортировщицам особо нечего делать. Инвесторы настоятельно рекомендовали уволить женщин – без толку держать на зарплате столько сортировщиц, когда зерен нет и сортировать нечего.

Но если женщин уволить, они ни за что не найдут другой работы посреди войны, и кроме того, как Мохтару найти и обучить новую команду сортировщиц к следующему урожаю? Так что женщин он оставил: Багдад, Самиру, Раких, Шамс, Альхам и Альхам (Альхам было две) – он оставил на зарплате их всех. Женщины были благодарны, тем более что большинство их мужей потеряли работу в Сане, в городе под огнем.

В пятницу Мохтар проснулся поздно, и в голове у него кишмя кишели мрачные предчувствия, неотступные подозрения, что все пойдет не так. Контейнер арестуют. Зерна прибудут бракованные. Он останется по уши в долгах.

Стивен уехал на чью-то свадьбу во Флориду, но за «Лючианой» послеживал. Мохтар кинул ему сообщение, трижды перепроверив статус судна. «Лючиана» по-прежнему приходит завтра.

Стивен мигом перезвонил:

– Она приходит сейчас.

– Кто приходит сейчас? – переспросил Мохтар. И сел на постели.

– Контейнеровоз, – сказал Стивен. – Он будет в Окленде через два часа.

Стивен следил за перемещениями «Лючианы» на телефоне. Контейнеровоз неуклонно продвигался вдоль побережья.

– Не может быть. Точно? – спросил Мохтар.

Стивен дал отбой и позвонил в «Атлас». В «Атласе» сказали, что, по последним данным, судно прибудет сегодня в десять вечера. Но приложение на телефоне Стивена показывало, что судно бодро идет вдоль тихоокеанского побережья и уже приближается к Золотым Воротам.

Мохтар выскочил из постели. Забегал по квартире. Он не знал, что делать. Судно опередило график. Оно прибудет в два, а сейчас уже полдень.

Он позвонил матери и попал на голосовую почту. Отец сидел за баранкой автобуса. Мохтар позвонил Мириам – та была на полуострове, в часе езды. Ибрагим на совещаниях в Сан-Франциско завершал свои дела в «Интуите». Единственный, до кого Мохтар дозвонился, единственный, кто успевал вовремя примчаться в «Инфинити», – чувак, который пишет эту книжку. Мохтар все это воображал иначе.

Мохтар следил на телефоне, как иконка контейнеровоза «Лючиана» пиксель за пикселем ползет вдоль побережья. Мимо Монтерея. Мимо Пасифики. Мохтар вышел на балкон – может, увидит. Ничего не видно. Судно еще не миновало Золотые Ворота.

Зажужжал дверной звонок. Приехал писатель, и мы стояли, еле переводя дух, смеясь – смеясь оттого, что все это происходит

взаправду. Но не было ни безалкогольного шампанского, ни сидра. Ни близких друзей, ни родных. Только мы вдвоем, а судно уже совсем близко.

Мохтар смотрел в приложение.

– Гляди. Заходит под Золотые Ворота, – сказал он.

И правда – нарисованное суденышко, красная стрелочка на экранчике. Снова и снова мы переводили взгляд с телефона вдаль, на север, через весь город, словно различали «Лючиану» сквозь холмы и дома, которые загораживали вид на Залив.

Мы сообразили, где оно появится. Всего в двух кварталах к северу, по диагонали от башен «Инфинити» стоят два здания, строение 1 на Маркет-плаза. Между ними щелочка, и в нее видна полосочка кобальтовой синевы Залива, где пройдет контейнеровоз.

Солнце белело высоко в небесах. День сиял до невозможности. В Залив вышли несколько яхт, паром-другой, а больше ничего. Никаких контейнеровозов. Никаких танкеров. Первое судно, что появится между башнями, будет «Лючианой». Больше на воде ничего подобного не было.

Внизу нам был виден весь Остров Сокровищ, все его белые приземистые дома.

– Она пройдет мимо моей старой квартиры, – сказал Мохтар.

Он снова глянул на телефон. Красная стрелочка «Лючианы» уже миновала Рыбацкую пристань и теперь огибала Норт-Бич и Эмбаркадеро. Настоящая «Лючиана» появится вот-вот.

И она появилась. Между башнями всунулся черный нос.

– Боже мой, – сказал Мохтар.

«Лючиана». На носу так и написано. На палубе высоченная гора контейнеров – белых и голубых, желтых и зеленых.

Мохтар включил камеру и заговорил:

– Сегодня двадцать шестое февраля. Между двумя домами прямо у вас на глазах проходит контейнеровоз, который везет восемнадцать тысяч килограммов лучшего в мире кофе. Из Йемена.

Контейнеровоз шел мимо Острова Сокровищ, мимо Паромного вокзала – в вышине на башне американский флаг, кружат чайки. Буксиры – два, или три, или четыре – вели «Лючиану» по Заливу. Телефон у Мохтара тренькнул. Звонил Ибрагим. Он ушел с работы пораньше и уже едет.

– Приезжай срочно, – сказал ему Мохтар. – Брось машину где получится. Как угодно.

Вскоре Ибрагим примчался и уже стоял на балконе. Они с Мохтаром обнялись. «Лючиана» все шла мимо Острова Сокровищ. Мохтар позвонил Стивену. Тот ответил. Экран заполнило его

улыбающееся лицо, покрасневшее на флоридском солнце. За спиной у Стивена маячили пальмы.

– Ты видишь? – спросил Мохтар. – «Лючиана»! Она пришла!

Стивен повернул телефон и показал молодую женщину, стоявшую рядом.

– Это вот Ли. Она завтра выходит замуж.

– Поздравляю, Ли, – сказал Мохтар. – Желаю тебе всего наилучшего. Твоя жизнь будет чудесна.

В ту минуту казалось, что на свете чудесно все.

– Ой, чувак, жалко, что я не там, – сказал Стивен.

– Ты там, – сказал Мохтар. – Ты *здесь*!

Он направил камеру телефона на контейнеровоз, чтобы Стивен посмотрел. Они распрощались. Надо было еще много кому позвонить. Мириам. Мохтар дозвонился, показал ей, как неуклонно приближается «Лючиана».

– Помнишь, ты мне сообщение прислала? – спросил он.

«Видел, что у тебя через дорогу?»

Мириам помнила.

– Только я сейчас не могу в «Фейстайм», – сказала она. – Я в трениках.

Мохтар позвонил маме. Он стоял у перил балкона: за плечом «Лючиана», прямо за ней – вода и Остров Сокровищ.

– Я тебя люблю, – сказал он матери и поцеловал телефон.

А вскоре судно скрылось из виду.

Глава 42
Консьержи всех стран, объединяйтесь и открывайте выход на крышу

– Надо на крышу, – сказал Мохтар. – С крыши все видно.

Он отвел нас с Ибрагимом вниз, где за стойкой дежурил молодой вестибюльный представитель по имени Ник. Когда мы выскочили из лифта и ринулись к стойке, глаза у Ника расширились, будто он ждал, что его сейчас собьют с ног. Но они с Мохтаром были знакомы. Мохтар приглашал Ника к себе в квартиру на обед. Ник жил в Окленде, но уже семь месяцев работал в «Инфинити». Для него стойка в вестибюле была привалом на пути к чаемой работе в финансах.

А теперь Мохтар просил Ника нарушить очень внятное правило, гласившее, что на крышу нельзя пускать никого – ни жильцов, ни остальных. На такую крышу не ходят с экскурсиями. Промышленная крыша, сплошь вентиляция, отопление, кондиционеры и кабели. Даже нормальных перил нет – вообще ничего нет для людей.

Но ведь это же Мохтар. И у нас тут судно, объяснял он, и судно войдет в порт всего один раз, и…

– Ладно, – сказал Ник. – Хорошо.

Вместе с нами он доехал на лифте на тридцать пятый этаж. Отыскал незаметную дверь и ключом-вездеходом открыл ее, непрерывно вздыхая. Провел нас двумя маршами вверх по лестнице и открыл еще одну дверь.

Мы очутились на крыше. Голова кружилась, все вокруг ослепляло. Вид не заслоняло почти ничего. Мохтар пообещал Нику, что мы побудем на крыше всего минуту, что мы никогда не расскажем об этом ни одной живой душе.

Ник явно нервничал. Мало того, что он пустил жильца и двух пришлых на крышу, которая совершенно не готова к приему гостей, – он вдобавок бросил свой пост за стойкой.

– Мне надо вниз, – сказал он и исчез в недрах башни.

Мы по-прежнему видели контейнеровоз. Он все полз к Оклендскому порту. С этой крыши, где громоздилась урчащая машинерия, что круглый год поддерживала в «Инфинити» нужную температуру, мы видели весь Залив целиком – машинки крошечные, грузовички совсем маленькие. Мы видели танкеры на рейде в Южном заливе, мы видели весь Сан-Франциско, весь

Остров Сокровищ.

Мохтар смеялся и не мог перестать. Потом немножко поплакал. Потом еще посмеялся. Ибрагим тоже смеялся. У него только что прошло последнее совещание в «Интуите», а теперь он стоял на крыше «Инфинити» и смотрел, как в порт заходит их с Мохтаром кофе.

– Глядите, – сказал Мохтар и ткнул пальцем вниз. – Двор виден. Где монах.

Мы опустили глаза и тридцатью шестью этажами ниже разглядели угол старого двора «Братьев Хиллз», но монаха было не видно. А вскоре скрылась из виду и «Лючиана». Она нырнула за Башню Г, самую восточную башню «Инфинити», которая на пять этажей выше Башни Б и загораживает вид на доки.

– Надо туда, – сказал Мохтар.

Это совершенно ни к чему, возразили мы с Ибрагимом, – мы же увидели «Лючиану», незачем спускаться, а потом лезть на очередную крышу, только чтобы увидеть еще чуть-чуть.

– Да это очень просто, – сказал Мохтар, и следом за ним мы ушли с крыши, сели в лифт, спустились на тридцать пять этажей и прошли через вестибюль, где поблагодарили Ника, а Мохтар спросил, не пустит ли он нас на крышу Башни Г.

– Спроси Ану, – ответил Ник, дергаясь пуще прежнего. – Она работает в Г.

С Аной Мохтар тоже был знаком. Полностью ее звали Борана Хаджия, и она была все равно что сестра. Ее родители бежали из Албании, иммигрировали в США примерно тогда же, когда родители Мохтара приехали из Йемена. Семейство Хаджия тоже осело в Тендерлойне, в нескольких кварталах от того дома, где между двумя магазинами порно жили Альханшали. Ана училась в школе «Галилео», а теперь работала в двух местах и доучивалась в Университете Калифорнии в Сан-Франциско. Ворвавшись в вестибюль и увидев Ану, Мохтар мигом понял, что она разрешит.

– Можно нам на крышу?

Она не спросила зачем. Молча протянула ему ключ.

Мы поднялись на сорок второй этаж и взобрались по лестнице на крышу – оттуда вид открывался на пятьдесят миль в любую сторону, и ничто не мешало смотреть. Мы увидели, как «Лючиана» заходит в Оклендский порт. А внизу мы разглядели двор, весь целиком, и монаха, запрокинувшего кружку к небесам.

Эпилог

9 июня 2016 года во всех американских кофейнях «Голубая бутылка» впервые поступил в продажу кофе «Порта Мохи». В «Голубой бутылке» еще не бывало кофе дороже. Вместе с кардамоновым печеньем по рецепту матери Мохтара этот кофе стоил 16 долларов за чашку.

Виллем, и Джоди, и Марли – все в «Боте» – по такому случаю устроили праздник. Тадессе Мескела поздравил Мохтара из Аддис-Абебы. Прислали весточку Камило Санчес из Нью-Йорка, Грациано Крус из Панамы. Его фермеры из Йемена. «Куда ты пойдешь, туда и мы пойдем за тобой», – сказали они. Мохтар к тому времени уже оплатил и свадьбы, и похороны, и лечение, и высшее образование.

Слухи о его работе разлетелись по Йемену. Надеясь тоже торговать напрямую и повысить цены на свой урожай, фермеры со всей страны привозили кофе в Сану, в «Порт Моху». К весне 2017 года фермеры Хаймы заменили семнадцать тысяч растений ката на кофейные деревья.

К июлю 2017 года кофе «Порта Мохи» продавался (уже по более доступным ценам) по всей Северной Америке, в Японии, Париже и Бразилии. На всех четырех континентах кофе из того первого контейнера разлетелся за сорок пять дней. Вторая поставка «Порта Мохи», по воздуху из Йемена в Сан-Франциско через Иорданию, прибыла 5 января 2017 года. Она распродалась за тридцать два дня.

В феврале 2017 года «Кофе ревью» присудило микролоту кофе «Порта Мохи» из Хаймы 97 баллов – высочайшую оценку за двадцатилетнюю историю издания.

Через месяц после конференции в Сиэтле Эндрю Николсон вернулся в Йемен на морском скотовозе. В итоге он перевез семью обратно в Штаты, но продолжал ездить в Йемен и руководить работой «Райян», пока его не похитила в Сане группа повстанцев. Продержали месяц, пальцем не тронули, а когда отпустили, Эндрю вернулся к семье в США. Фабрика «Райян» по-прежнему работает и экспортирует кофе по всему миру.

В 2016 году Мохтар выехал из «Инфинити». Слишком роскошная была квартира, слишком одинокая. Он там поселился лишь затем, чтобы посмотреть, как его кофе прибудет в Окленд. Куда он и переехал – в Окленд, в окрестности станции Фрутвейл. Там расположена кофейная лаборатория «Порта Мохи», и там же

хранится, дегустируется и обжаривается кофе.

Беспорядки в Йемене не утихали, поэтому Хамуд Альханшали переехал в Америку и поселился у родственников в Центральной долине Калифорнии. Как-то раз Мохтар его навестил. На подходе к дому он увидел деда – тот сидел один, лбом опираясь на трость. Мохтар приблизился, поцеловал его колени, и руки, и лоб. День был праздничный, и таков был обычай. Мохтар привез Хамуду подарок. Конверт, набитый сотенными купюрами.

– Где ты это взял? – спросил Хамуд.

– Это от мальчика, который стоит дешевле осла, – улыбнулся Мохтар.

Он еще никогда не видел, как дед плачет. Мохтар сел рядом и обнял его.

Прогостил Мохтар до вечера, а ночью поехал назад в Окленд. Несколько часов поспать – а потом позвонят из Йемена.

Благодарности

Этой книге пошло на пользу великодушие бесчисленных людей, которые делились воспоминаниями и знаниями, а в процессе сделали ее неизмеримо точнее и полнее. Спасибо вам, Мириам Зузунис, Джереми Стерн, Джулиано Саринелли, Бениш Саринелли, Джастин Чень, Ибрагим Ахмед Ибрагим, Эндрю Николсон, Гассан Тукан, Саммер Нассер, Виллем Бот, Кэтрин Кадлони, Джоди Уайзер, Марли Бенефилд, Стивен Изелл, Джеймс Фримен, Валлид Альханшали, Фейсал Альханшали и Бушра Альханшали, Насрина Баргзайе, Захра Биллу, Темесген Вольдензион, Шайма аль-Мухтар, Майтха Альхассан, Марва Хелаль и Абен Эзер. Без Дэниэла Гамбайнера эта книга не была бы доведена до ума, его внимательное чтение и неустанное стремление к точности были бесценны. Эм-Джей Стейплз на протяжении двадцати восьми месяцев дарила мне свою неколебимую поддержку, исследовательское старание и ободряющие слова. Я глубоко признателен Питеру Солсбери, исследователю Йемена, и Меган О'Салливан, бывшей сотруднице Государственного департамента США, которые в 2015 году согласились побеседовать со мной о ситуации в Йемене в связи с Саудовской Аравией, Ираном и интересами Соединенных Штатов и их союзников. Фатима Або Аласкар, зоркая журналистка, американская йеменка, делилась тонким анализом и историей вопроса – то же касается поэта и ученого, гарвардского профессора Стивена Ч. Кейтона. Спасибо, Азиатское юридическое собрание (Сан-Франциско). Спасибо, Совет по американо-исламским отношениям. Спасибо, друзья и проводники в Йемене, Джибути и Эфиопии. Спасибо, Джей и Кристен Раски. За внимательное чтение этой книги и прочую многообразную помощь спасибо вам, Тиш Скола, Пол Скола, Аманда Юл, Индер Комар, Эбби Амир, Бекки Уилсон и Кевин Фини. Том Дженкс замечательно поработал, отчего эта книга похудела до боевого веса; спасибо, сэр. Дженнифер Джексон уже почти шестнадцать лет редактирует меня в *Knopf*, и благодарность мою за наше долгое и счастливое сотрудничество невозможно переоценить; человек счастлив и могуч, когда его омывает свет ее воодушевления. Сонни Мехта все это время поддерживал нашу с Дженни работу – его доброжелательность невозможное делает возможным. Спасибо всем, кто работает в *Knopf*, особенно Энди, Полу и Закии. Эндрю Уайли – мой верный друг и союзник вот уже

почти двадцать лет; мне повезло быть его клиентом и пользоваться плодами неизменной заботы и наставничества – его и его сотрудников.

Для понимания истории кофе и кофейного бизнеса бесценны были следующие книги: *Uncommon Grounds: The History of Coffee and How It Transformed Our World* Марка Пендерграста; *The Joy of Coffee* Корби Каммера; *Coffee: A Dark History* Энтони Уайлда; *Javatrekker: Dispatches from the World of Fair Trade Coffee* Дина Сайкона; *From These Hands: A Journey Along the Coffee Trail* Стива Маккарри; *The Devil's Cup: A History of the World According to Coffee* Стюарта Ли Аллена. Виллем Бот и Камило Санчес составили обзор кофейной торговли Йемена в своей работе *Rediscovering Coffee in Yemen: Updating the Coffee Value Chain and a Marketing Strategy to Re-Position Yemen in the International Coffee Markets*. Мне невероятно помогли следующие книги о Йемене: *Yemen Chronicle: An Anthropology of War and Mediation* Стивена Ч. Кейтона; *The Merchant Houses of Mocha: Trade and Architecture in an Indian Ocean Port* Нэнси Ум; *Tribes and Politics in Yemen: A History of the Houthi Conflict* Марике Брандт; *Yemen: The Unknown Arabia* Тима Макинтош-Смита; *The Last Refuge: Yemen, al-Qaeda, and America's War in Arabia* Грегори Д. Джонсена. В книге *The Tenderloin* Рэнди Шоу вы найдете прекрасное введение в историю сан-францисского района Тендерлойн. Увлекательное и исчерпывающее исследование кофейной торговли представлено в документальном фильме *Black Gold: Wake Up and Smell the Coffee*, который поставили Марк Фрэнсис и Ник Фрэнсис. *The Fight for Yemen*, документальный фильм, который спродюсировали *PBS* и Frontline, а поставил Сафа Аль Ахмад, – убедительный и глубокий обзор восстания хуситов.

Более подробную библиографию и список источников вы найдете по адресу www.daveeggers.net/monkofmokha

Этой книги бы не было без дальновидности и энтузиазма Ваджахата Али. Спасибо, друг.

Этой книги бы не было без неистощимой отваги и честности Мохтара Альханшали. Спасибо, брат.

Ничего бы не было без BB. Спасибо, любимая.

The Mokha Foundation

На доходы, полученные от этой книги, автор и Мохтар Альханшали основали «Фонд Мохи» – *The Mokha Foundation*, – который напрямую вкладывает средства в улучшение качества жизни в Йемене, в том числе в поддержку фермеров и их семей, сохранение природных ресурсов страны и преодоление миграционного кризиса. Если хотите присоединиться, посетите www.themokhafoundation.com

826 Valencia, Тендерлойн

«826 Valencia», писательский и репетиторский центр, расположенный в Сан-Франциско, открыл вторую локацию на углу Золотых Ворот и Ливенуорт, в самом сердце района Тендерлойн. Центр находится в здании магазина *King Carl's Emporium*, где торгуют морским исследовательским оборудованием для людей и рыб; в тендерлойнском отделении «826» проводятся бесплатные уроки писательского мастерства и другие занятия для молодежи района и всего города. Это безопасное и гостеприимное пространство. Подробности по адресу www.826valencia.org

notes

Примечания

1

Цитируется роман американского писателя, лауреата Национальной книжной премии, Пулитцеровской премии и Нобелевской премии по литературе Сола Беллоу «Герцог» (*Herzog*, 1964), пер. В. Харитонова. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

В первых трех фильмах франшизы «Парень-каратист» (*The Karate Kid*, 1984, 1986, 1989), поставленных Джоном Эвилдсеном по сценариям Роберта Марка Кеймена, Ральф Маччио (р. 1961) сыграл главную роль – подростка Дэниэла Ларуссо, который учится карате под руководством японского мастера господина Мияги и честно побеждает своих нечестных школьных недругов. В 2010 г. франшизу перезапустили при поддержке Джеки Чана, который сыграл одну из главных ролей; в русском прокате этот фильм называется «Каратэ-пацан», а заглавную роль (Дрея Паркера) сыграл Джейден Смит.

3

«Проклятьем заклейменные» (*Les Damnes de la Terre*, 1961, в рус. пер. Т. Давыдовой – «Весь мир голодных и рабов») – книга вест-индского социального философа, психоаналитика и революционера, франкоязычного сына потомка африканских рабов, одного из вдохновителей движения новых левых и антиколониализма Франца Омара Фанона (1925–1961).

Tenderloin – говяжья вырезка (*англ.*).

5

Медвежонок Руперт – персонаж детского комикс-стрипа, созданный в 1920 г. британской художницей Мэри Туртел; комикс-стрип выходит в британской газете *Daily Express* с 1920 г.

6

«Сан-Франциско Форти-найнерс» (*The San Francisco* 49*ers*, с 1944) – сан-францисская профессиональная команда американского футбола. Ниже упоминаются ее игроки: Джастин Смит (р. 1979) играл за «Форти-найнерс» в 2008–2014 гг. на позиции дефенсив энд, Фрэнк Гор (р. 1983) – в 2005–2014 гг. на позиции раннинбека.

7

Сесар Эстрада Чавес (1927–1993) – американский профсоюзный деятель, правозащитник, совместно с коллегой по профсоюзной работе, защитницей прав женщин, рабочих и иммигрантов Долорес Кларой Фернандой Уэрта (р. 1930) основал Национальную ассоциацию сельскохозяйственных рабочих (ныне «Объединенные сельскохозяйственные рабочие»).

8

Джерри Гарсия (1942–1995) – американский музыкант, автор песен, лид-гитарист, вокалист и сооснователь *Grateful Dead*, одной из ключевых групп американской контркультуры 1960-х.

9

SWOT-таблица – наглядное отражение результатов SWOT-анализа, метода стратегического планирования, в ходе которого выделяются внешние и внутренние факторы, играющие роль в решении задачи: внутренние сильные (*Strengths*) и слабые (*Weaknesses*) стороны объекта анализа, а также возможности (*Opportunities*) и угрозы (*Threats*), способные повлиять на этот объект извне.

10

Specialty coffee, спешелти-кофе, – буквально «особый кофе», т. е. кофе высочайшего качества, выращенный в специфическом микроклимате с повышенными требованиями к качеству культивации, отбора, обработки и хранения; термин впервые появился в 1974 г. и широко распространился в кофейной индустрии с 1990-х.

11

Эдвард Вади Саид (1935–2003) – американо-палестинский литературовед, критик, философ и культуролог, основатель направления постколониальных исследований, автор ключевой работы *Orientalism* (1978), посвященной восприятию Востока Западом.

12

Американская ассоциация спешелти-кофе, ААСК (*Specialty Coffee Association of America*, SCAA, 1982–2017) – международная некоммерческая организация, объединяющая кофейных производителей; в 2017 г. вместе с Европейской ассоциацией спешелти-кофе вошла в состав *Specialty Coffee Association*.

13

По Фаренгейту; 90–96 ˚C.

14

В 2012 г. военизированная группировка «Ансараль-Шария в Ливии» совершила двойной теракт в ливийском городе Бенгази: 11 сентября члены группировки атаковали американское консульство (в результате чего погибли четверо сотрудников, в том числе посол США в Ливии Дж. Кристофер Стивенс), а 12 сентября – местный филиал ЦРУ, куда были эвакуированы сотрудники консульства, в результате чего погибли еще двое граждан США.

15

«Дневники вампира» (*The Vampire Diaries*, 2009–2017) – американский мистический сериал Кевина Уильямсона и Джули Плек по мотивам одноименной серии книг для подростков Лизы Джейн Смит.

16

Ашер (Ашер Реймонд IV, р. 1978) – американский R&B-певец, автор песен, танцор и актер; песню *Yeah!* написал совместно с Шоном Гэрреттом, Патриком Дж. Кью Смитом, Робертом Макдауэллом, Лудакрисом и Лил Джоном и выпустил в 2004 г. синглом со своего четвертого альбома того же года *Confessions*.

17

Кэти Перри (Кэтрин Элизабет Хадсон, р. 1984) – американская поп-певица, автор песен и телеперсона, песню *Roar* записала для своего четвертого альбома *Prism* (2013).

«ЗастрялиВЙемене. com» (*англ.*).

19

Совет по американо-исламским отношениям *(The Council on American Islamic Relations*, CAIR, с 1994) – американская мусульманская правозащитная организация, занимается защитой прав американских мусульман, их юридической поддержкой и просвещением. Азиатское юридическое собрание (*Asian Law Caucus*, с 1972) – американская правозащитная организация, оказывающая малообеспеченным иммигрантам из Азиатско-Тихоокеанского региона юридическую поддержку в области трудового права, права на образование, гражданских прав в целом и т. д.